

СОДЕРЖАНИЕ

VITA MEMORIAE. К 100-ЛЕТИЮ ИСТОРИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

От редактора.....	5
Троицкая Н.А., Щербина П.А. «Принимал живое участие...»: А.П. Георгиевский как организатор высшего исторического образования и архивного дела на Дальнем Востоке России.....	6
Смыков Е.В. Хотел ли Цезарь завоевать Парфию?.....	16
Короленков А.В. Армия в годы первой гражданской войны в Риме.....	24
Гурин И.Г. Школа в Оске и политика Сертория в центральной Испании.....	30

АРХЕОЛОГИЯ, АНТРОПОЛОГИЯ И ЭТНОЛОГИЯ В CIRCUM-PACIFIC

Табарев А.В., Иванова Д.А. Погребения, керамика, раковинные кучи: из истории изучения памятников эпохи Дзёмон, японский архипелаг.....	36
Зеленская А.Ю. Клад каменных заготовок с реки Иганджа на Верхней Колыме: культурно-хронологическая атрибуция через призму неолитических кладов Северо-Востока Азии.....	43
Жукова Л.Н. К вопросу о появлении железных изделий и кузнечества у северных юкагиров.....	54
Сулейманов А.А. Этнографическое изучение коренных малочисленных народов Севера в арктических районах Якутии в 1960-х – 1970-х гг.	62
Амоглонова Д.Д. Национальная история и художественная культура в современной бурятской этносфере.....	71
Насртдинова В.М. Транскрибирование контекстов современности в семантическом поле новогодней открытки.....	77
Товбин К.М., Аторин Р.Ю., Кожурин К.Я. К вопросу актуальности создания антологии, посвящённой старообрядчеству.....	89

ИСТОРИЯ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ

Маклюков А.В. Электрификация городской инфраструктуры на Дальнем Востоке СССР в 1920-е – 1930-е гг.	100
Цубикова Л.С. Устав сельскохозяйственной артели 1935 г.: содержание и реализация (по материалам Восточной Сибири).....	113

К 300-ЛЕТИЮ РОССИЙСКОЙ ПОЛИЦИИ

Черномаз В.А. Становление милиции Приморья (1917-1922 гг.).....	122
Милежик А.В. Деятельность Центральной школы подготовки комсостава народной милиции ДВР: опыт организации профессионального образования на Дальнем Востоке России.....	135
Андреев А.А., Климачков В.М., Суверов Е.В. Структура рабоче-крестьянской милиции на Дальнем Востоке в предвоенный период (1937-1941 гг.).....	146

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Ф.Е. АЖИМОВ – доктор философских наук, профессор,
директор Школы искусств и гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

А.В. АХМЕТОВА	кандидат исторических наук, начальник управления научно-исследовательской деятельностью Комсомольского-на-Амуре государственного университета
С.В. БЕРЕЗНИЦКИЙ	доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории Кунсткамеры и отечественной науки XVIII века (Музея М.В. Ломоносова) Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН
Н.Н. КРАДИН	член-корреспондент Российской академии наук, доктор исторических наук, заведующий Центром политической антропологии Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН
Б.И. ПРУЖИНИН	доктор философских наук, профессор кафедры онтологии, логики и теории познания философского факультета Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», главный редактор журнала «Вопросы философии»
А.В. ТАБАРЕВ	доктор исторических наук, заведующий сектором зарубежной археологии отдела археологии палеометалла Института археологии и этнографии СО РАН
Т.Г. ЩЕДРИНА	доктор философских наук, профессор кафедры философии Московского педагогического государственного университета
С.Е. ЯЧИН	доктор философских наук, профессор Департамента философии и религиоведения Школы искусств и гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета, заслуженный работник высшей школы РФ

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

К.С. ЕРЕМЕНКО – кандидат исторических наук,
доцент Департамента истории и археологии Школы искусств и гуманитарных наук

Компьютерная вёрстка Е.А. ПРУДКОГЛЯД

Полное или частичное воспроизведение материалов
допускается только с разрешения редакции.
Ссылка на журнал обязательна.

Полнотекстовые версии номеров с 2008 г.
размещены в сети Интернет по адресам:
ДВФУ: https://www.dvfu.ru/schools/school_of_humanities/publication/
РНЭБ: http://elibrary.ru/title_about.asp?id=28209

Подписано в печать 15.06.2018.
Формат 60x84/8. Усл. печ. л. 17,90. Уч.-изд. л. 18,30.
Тираж 500 экз. Заказ

Адрес редакции:
690950, Россия, г. Владивосток, ул. Суханова, 8.
Тел. (423) 245 77 48.
E-mail: gisdv@dvfu.ru

Отпечатано в типографии
Дальневосточного федерального университета
690950, г. Владивосток, ул. Пушкинская, 10.

TABLE OF CONTENTS

VITA MEMORIAE. TO THE CENTENNIAL OF POST-SECONDARY HISTORY EDUCATION IN THE RUSSIAN FAR EAST

From the editor.....	5
Troitskaya N.A., Shcherbina P.A. «Taking an active part...»: Alexander Georgievsky as an organizer of post-secondary history education and archives in the Russian Far East.....	6
Smykov E.V. Did Caesar want to conquer Parthia?.....	16
Korolenkov A.V. The army in the years of the first civil war in Rome.....	24
Gurin I.G. The school in Osca and the politics of Sertorius in Central Spain.....	30

ARCHAEOLOGY, ANTHROPOLOGY AND ETHNOLOGY IN CIRCUM-PACIFIC

Tabarev A.V., Ivanova D.A. Burials, pottery, and shell-mounds: from the history of the Jōmon epoch sites studies, Japanese archipelago.....	36
Zelenskaya A.Yu. Stone blanks cache from the Igandzha River on the Upper Kolyma: cultural and chronological attribution in comparison with the Neolithic caches of Northeast Asia.....	43
Zhukova L.N. On the emergence of iron items and blacksmithing among the northern Yukagirs.....	54
Suleymanov A.A. Ethnographic study of the Northern indigenous peoples in the Yakut Arctic, 1960s – 1970s.....	62
Amogolonova D.D. Ethnic history and art in the modern Buryat ethnosphere.....	71
Nasrtdinova V.M. Transcription of contemporaneity contexts within the semantic field of New Year postcard.....	77
Tovbin K.M., Atorin R.Yu., Kozhurin K.Ya. On the relevance of anthology devoted to Old Believers.....	89

HISTORY OF RUSSIAN REGIONS

Maklyukov A.V. Electrification of urban infrastructure in the Soviet Far East, 1920s – 1930s.....	100
Tsubikova L.S. The contents and implementation of 1935 Model charter of an agricultural artel (on East Siberian materials).....	113

TO THE TRICENTENARY OF RUSSIAN POLICE

Chernomaz V.A. The formation of militia in Primorye, 1917-1922.....	122
Milezhik A.V. The Central school of the people's militia officers in the Far Eastern Republic: an attempt of the organization of professional education in the Russian Far East.....	135
Andreev A.A., Klimachkov V.M., Suverov E.V. The structure of Workers' and Peasants' Militia in the Soviet Far East in the pre-war years, 1937-1941.....	146

EDITOR-IN-CHIEF

FELIX E. AZHIMOV – Doctor of Sc. (Philosophy), professor,
Director of the School of Arts and Humanities, Far Eastern Federal University

EDITORIAL STAFF

ANNA V. AKHMETOVA	Candidate of Sc. (History), Komsomolsk-na-Amure State University
SERGEY V. BEREZNITSKIY	Doctor of Sc. (History), Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), Russian Academy of Sciences
NIKOLAY N. KRADIN	Doctor of Sc. (History), Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences, corresponding member of Russian Academy of Sciences
BORIS I. PRUZHININ	Doctor of Sc. (Philosophy), Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences
ANDREY V. TABAREV	Doctor of Sc. (History), Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences
TATIANA G. SHCHEDRINA	Doctor of Sc. (Philosophy), Moscow State Pedagogical University
SERGEY E. YACHIN	Doctor of Sc. (Philosophy), Far Eastern Federal University

EXECUTIVE SECRETARY

KSENIYA S. EREMENKO – Candidate of Sc. (History), Associate Professor,
School of Arts and Humanities, Far Eastern Federal University

Editorial office address:
8, Suhanova str., Vladivostok, Russia, 690950
Tel. (423) 245 77 48.
E-mail: gisdv@dvfu.ru

Website:
DVFU: https://www.dvfu.ru/schools/school_of_humanities/publication/
E-LIBRARY: <http://elibrary.ru/contents.asp?titleid=28209>

VITA MEMORIAE. К 100-ЛЕТИЮ ИСТОРИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

DOI dx.doi.org/10.24866/1997-2857/2018-2/5

Ф.Е. Ажимов,
доктор философских наук, профессор,
директор Школы искусств и гуманитарных наук ДВФУ

ОТ РЕДАКТОРА

В первом номере журнала «Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке» за 2018 г. мы открыли специальную рубрику «Vita memoriae», посвященную 100-летию высшего исторического образования на российском Дальнем Востоке. В настоящем номере мы продолжаем публиковать оригинальные исследования и обзоры в различных областях исторической науки. Юбилейную рубрику второго номера открывает статья, посвя-

щенная Александру Петровичу Георгиевскому, одному из основоположников высшего историко-филологического образования и архивного дела на Дальнем Востоке России. Гостями рубрики на этот раз стали отечественные специалисты в области истории античности – периода, который традиционно занимает одну из лидирующих позиций в мировой исторической литературе по числу посвященных ему исследований.

Н.А. Троицкая, П.А. Щербина*

«ПРИНИМАЛ ЖИВОЕ УЧАСТИЕ...»:
А.П. ГЕОРГИЕВСКИЙ КАК ОРГАНИЗАТОР
ВЫСШЕГО ИСТОРИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ
И АРХИВНОГО ДЕЛА НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ

В статье рассматриваются основные направления деятельности ученого, преподавателя, общественного деятеля Александра Петровича Георгиевского после его приезда на Дальний Восток в 1918 г.: преподавательская и организационная работа в качестве профессора и декана историко-филологического факультета ГДУ, организационная работа в сфере архивного дела на Дальнем Востоке, научные изыскания. Авторы подчеркивают роль исследователя в качестве организатора и вдохновителя становления высшего историко-филологического образования и архивного дела в регионе. А.П. Георгиевский является представителем того слоя российского общества, который пытался в тяжелых условиях социальной трансформации сохранять полученные в период становления идеалы гражданственности, верность научным и просветительским целям.

Ключевые слова: А.П. Георгиевский, Владивосток, историко-филологический факультет, ГДУ, архивное дело, изучение фольклора

«Taking an active part...»: Alexander Georgievsky as an organizer of post-secondary history education and archives in the Russian Far East. NATALIA A. TROITSKAYA (Russian State Historical Archives of the Far East), POLINA A. SCHERBINA (Far Eastern Federal University)

The article deals with the activities of Alexander Petrovich Georgievsky, a scholar, professor and public activist, after his arrival to the Russian Far East in 1918. The authors focus on his teaching and organizational work as a professor and dean of the Faculty of History and Philology, his research in humanities and initiatives in the establishing of archival service in the Russian Far East.

Keywords: A.P. Georgievsky, Vladivostok, Faculty of History and Philology, State Far Eastern University, archives, study of folklore

Точкой отсчета для дальневосточной высшей школы служит открытие в 1899 г. Восточного института в г. Владивостоке, призванного решить задачу подготовки специалистов в области восточных языков, страноведения Дальне-

го Востока в связи с нарастанием присутствия Российской империи в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Среди необходимых компонентов подготовки будущих специалистов-востоковедов обязательным являлось знание истории

* ТРОИЦКАЯ Наталья Анатольевна, кандидат исторических наук, доцент, заместитель директора Российского государственного исторического архива Дальнего Востока.

E-mail: rgiadv@vladivostok.ru

ЩЕРБИНА Полина Анатольевна, кандидат исторических наук, доцент Департамента истории и археологии Школы искусств и гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета.

E-mail: scherbina.pa@dvfu.ru

© Троицкая Н.А., Щербина П.А., 2018

страны изучаемого языка. Профессора и преподаватели Восточного института одновременно были историками и этнографами Японии, Китая, Монголии. Поэтому не случайно, что следующим шагом по созданию университета на российском Дальнем Востоке стало основание частного Историко-филологического факультета в 1918 г.

Некоторые специалисты в числе черт, отличающих российскую систему университетского образования от европейской, называют наличие факультетов восточных языков и историко-филологических факультетов [23]. В этой связи создание в 1920 г. Государственного Дальневосточного университета (далее – ГДУ) по инициативе преподавателей и на базе вышеуказанных учебных учреждений представляется показательным. В определенном смысле, создание университета на Дальнем Востоке России в период революционных потрясений 1917-1922 гг., эпоху, когда устоявшаяся традиционная система организации образовательных учреждений, как и другие элементы жизни общества, начала подвергаться трансформации, может быть рассмотрено как попытка сохранить привычный мир, как определенная стратегия выживания и реализации гражданской позиции теми, кто не принимал новые основания общественно-государственной организации и в то же время не хотел или не решался покинуть Родину.

Среди таких «внутренних эмигрантов», устремившихся на восток страны и сыгравших серьезную роль в развитии образования и науки, в целом – в развитии общественной и культурной жизни дальневосточного региона, был ученый, преподаватель, общественный деятель Александр Петрович Георгиевский. Первая большая статья, содержащая биографические материалы о нем, была подготовлена этнографом-лингвистом Е.С. Обшариной в 1973 г. [14]. Десятилетия спустя информация об ученом была представлена в работах Э.В. Ермаковой, начавшей серьезное изучение истории высшего образования и архивного дела на Дальнем Востоке [5]. Имя А.П. Георгиевского часто встречается в региональных исследованиях по истории архивного дела [1; 10; 12; 13 и др.]. В 2004 г., в связи с очередной памятной датой в истории Дальневосточного государственного университета (ныне – ДВФУ), Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (далее – РГИА ДВ) опубликовал некоторые документы из наследия Александра Петровича и исследовательские статьи [16; 20].

В становлении А.П. Георгиевского прослеживаются этапы, типичные для представителей академической среды Российской империи второй половины XIX – начала XX вв. Родился он в августе 1888 г. в Новгородской губернии, в семье священника. Образование получил последовательно в местной духовной семинарии, затем в Петербургской духовной академии (кандидат-магистрант богословия, 1912 г.), в столичных археологическом институте (действительный член, 1913 г.) и университете (диплом на звание кандидата филологических наук 1-ой степени, 1914 г.) [20; 21; 22]. Все свидетельствует о том, что Александр Петрович стремился к карьере ученого. Подготовка специалистов-филологов и историков в рамках одного факультета, с изучением общих базовых дисциплин, закладывала серьезный фундамент для дальнейших научных изысканий в гуманитарном познании в целом и обуславливала возможности междисциплинарных исследований. В своей научной и педагогической деятельности А.П. Георгиевский был и филологом, и историком. Хотя, безусловно, филологическое направление доминировало. Уже в дореволюционный период он проявил себя как филолог-профессионал, знаток славянской письменности и культуры, историк общественной мысли, в частности, славянофильства. Много работал в центральных архивах и библиотеках. С 1913 г. преподавал в гимназиях Петрограда и Казани, во 2-м Казанском реальном училище и активно участвовал в местной научной и общественной жизни: состоял действительным членом Пушкинского общества, Общества истории, археологии и этнографии, Педагогического общества и Церковно-археологического общества при Духовной академии.

Как и многим другим далеким от политики ученым, революция не оставила ему выбора, погнала на восток. К этому времени А.П. Георгиевский уже зарекомендовал себя как автор ценных работ по истории русской словесности и языка, специалист по изучению славянофильства, в частности, деятельности Ивана Аксакова (РГИА ДВ. Ф. Р-289. Оп. 1. Д. 7. Л. 204). В 1918 г. Александр Петрович с семьей оказался в г. Никольск-Уссурийский, устроился преподавателем в местной женской гимназии. Можно предположить, что избрание места жительства было не случайным, в Никольске проживал возможный его родственник – чиновник И.Д. Георгиевский.

Естественно, что ученого не мог не привлекать единственный на всем Дальнем Востоке

вузовский город – Владивосток, где сконцентрировалось значительное количество мигрантов-преподавателей высшей школы. Среди них преобладали выходцы из Казани, с большой долей вероятности знакомые Георгиевскому. Перед всеми ними остро стоял вопрос трудоустройства, а Восточный институт не мог вместить всех желающих учить и учиться. В результате появилась идея создания частных факультетов, город быстро превращался в «дальневосточные Афины» [19, с. 258].

Одним из первых осенью 1918 г. начал работу Историко-филологический факультет, инициатива создания которого была рождена и реализована усилиями трех научных академических работников, вернувшихся из зарубежной командировки в Россию в неудачное время (С.М. Широкогоров и супруги Мерварт), профессора Казанской духовной семинарии (Ф.П. Успенский) и трех профессоров Восточного института. Планируя набрать 100 человек студентов, Комитет по учреждению факультета набрал 140 желающих учиться. Потребность в получении гуманитарного образования в условиях революционного кризиса ощущали не только дальневосточники, но и мигранты из центра страны.

А.П. Георгиевский включился в жизнь Историко-филологического факультета в начале 1919 г., 16 апреля было принято решение о приглашении его на должность секретаря Комитета [20, с. 30]. Первое время Георгиевскому пришлось совершать поездки из Никольска, но вскоре вопрос с квартирой во Владивостоке был решен. Одновременно Александр Петрович вошел в число преподавателей факультета. Он получил несколько лекционных курсов: «История русской литературы с IX в. по XVII в.», «История русской литературы с конца XVIII в. по середину XIX в.», «Славянский вопрос в освещении русских славянофилов». Самая первая (презентационная) лекция ученого называлась «Русская литература перед лицом современной науки и требований жизни».

Весной 1920 г. Историко-филологический факультет стал частью Государственного Дальневосточного университета, с которым Александр Петрович был связан более 10 лет. Возраст ученого в эту пору был самый творческий, открытый к восприятию нового и созиданию. 29 апреля 1920 г. он стал исполняющим должность декана факультета, членом Правления университета и одновременно редактором учебных записок. В 1919-1920 гг. увидели свет 3 вы-

пуска «Ученых записок», отчеты и обзрения преподавания на Историко-филологическом факультете. А.П. Георгиевский не жалел времени и сил на столь хлопотное дело, понимая его значение для науки и общества. Просветительство было одной из ярких черт ученого, он активно пропагандировал гуманитарные знания в публичных лекциях: на организованных «для интеллигентных кругов общества» курсах при факультете, на курсах повышения квалификации учителей КВЖД и др. Александр Петрович был членом правления и председателем конференции лекторов Владивостокского Народного университета, принимал участие в организации школ грамоты для взрослых, библиотек, детских кружков и т.п. Под его руководством 12 ноября 1921 г. факультет отметил 100-летие со дня рождения Ф.М. Достоевского (РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 89. Л. 88). Став деканом факультета, весной 1922 г. занимался организацией практики выпускников в Зеленой и Коричневой гимназиях города. Впоследствии, в июле 1922 г., сам он высоко оценивал полученный опыт работы, что дало ему право претендовать на должность заведующего отделом народного образования при Владивостокском городском самоуправлении (РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 1056. Л. 334-335).

Работа на факультете требовала повышения квалификационного уровня. В местных условиях, практически при отсутствии научных библиотек, архивов, профессионалов-консультантов, получить звание профессора было очень сложно. Тем не менее, Александр Петрович составил программы экзаменов, нашел рецензентов – профессоров: Иркутского университета – Н.Д. Миронова; Читинского института народного образования – М.К. Азадовского; приглашенного в ГДУ из Омска, но застрывшего в Иркутске, профессора всеобщей истории Н.И. Никифорова. Факультетское собрание также обсудило программы по истории русской литературы до XVIII в., по русскому языку, старославянскому языку и палеографии, новым славянским языкам (чешский, польский, сербский) и новой литературе западноевропейских народов.

Экзаменаторами были назначены молодые коллеги А.П. Георгиевского: знаток истории Византии, православия и церкви магистр богословия Ф.П. Успенский, доктор философии, член Психологического общества в Цюрихе и Психологического общества в Лозанне Н.Н. Трифонов, магистр богословия Я.Д. Коблов. Един-

ственным возрастным специалистом-историком был генерал-лейтенант, заслуженный профессор Военной академии Генерального штаба, член Совета и один из учредителей российского Военно-исторического общества Б.М. Колюбакин. Комиссии по языкам, по истории русской словесности и новой литературе возглавил профессор-философ М.Н. Ершов.

Процесс подготовки к испытаниям был вынужденно долгим, так как соискатель продолжал заниматься административной, преподавательской и общественной деятельностью. Однако на результатах экзаменов это не сказалось, познания ученого заслужили высокую положительную оценку. 7 октября 1922 г. на собрании факультета было объявлено об успешном прохождении испытаний доцентом А.П. Георгиевским и присуждении ему степени магистра русского языка и словесности. 21 октября 1922 г. Александр Петрович единогласно был избран исполняющим дела экстраординарного профессора [20, с. 38]. Таким образом, и формально, и фактически А.П. Георгиевский стал профессором в Государственном Дальневосточном университете на далекой окраине России в критический момент ее истории.

Одной из острых проблем для ученых-мигрантов, оказавшихся вдали от научных центров, библиотек, лабораторий, было продолжение исследовательской работы. Следует отметить, что биографии известных нам научных работников того времени свидетельствуют о высоком профессионализме и качестве подготовки специалистов. Они смогли подчинить реалиям жизни свои научные интересы. Александр Петрович, как ученый филолог, также быстро определил для себя сферу научного исследования – фольклор и диалекты славянского населения Дальнего Востока. Он сумел увлечь сбором и обобщением фольклорных материалов многих своих студентов и единомышленников. Подготовленные им выпуски (части) монографии «Русские на Дальнем Востоке» получили высокую оценку у специалистов того времени и были признаны началом важного направления научной работы в регионе.

Интересно, что в разнообразии представленных на Дальнем Востоке славянских языков, диалектов, культур А.П. Георгиевский нашел практическое поле деятельности – общественно-политическое. В это время в регионе возникло несколько национальных объединений, нередко националистического толка. Включаясь в эту деятельность, Александр Петрович

стремился к реализации идеи сближения славянских народов, «взаимно заинтересованных в установлении нормальных культурных и экономических отношений». Организованное по его инициативе собрание провозгласило 9 января 1922 г. создание во Владивостоке Всеславянского союза. К 22 января в организации состоялось более 100 членов. Председателем был избран А.П. Георгиевский. В правление Союза входили представители славянских народов, в том числе из интервентов. Однако общей настрой большинства членов Союза на пропаганду панславизма и разногласия с товарищами вынудили Александра Петровича к февралю покинуть его ряды [3, с. 58-59].

Еще одним направлением деятельности выпускника Петербургского Археологического института А.П. Георгиевского стала борьба за сохранение архивов. Великолепная школа русской академической науки, работа в крупнейших хранилищах, а также нравственные убеждения подвигли его стать «первым ученым архивистом» в регионе. Он не мог спокойно наблюдать за гибелью бесценных памятников прошлого и активно включился в работу по их спасению. Дело в том, что открытие Ученых архивных комиссий, начатое в 1884 г. в России по плану Н.В. Калачева, не затронуло дальневосточный регион. В значительной степени это было связано с отсутствием высших учебных заведений и учреждений Академии наук, которые должны были направлять деятельность архивных комиссий.

В органах управления территорией к началу XX в. отложилось огромное количество делопроизводственных документов, обреченных на исчезновение в условиях революции и Гражданской войны. Не меньшее значение для истории имели документы новейшей революционной эпохи. Естественно, что архивное строительство, начатое в Советской России, практически не затронуло регион. Лишь после принятия 12 июня 1920 г. правительством ДВР закона об архивах республики, на местах, в большей степени на общественных началах, началась работа по выявлению, сбору и описанию документов. Во Владивостоке в это же время на Историко-филологическом факультете ГДУ появилось «Инициативное бюро по учреждению Областной архивной комиссии» [7, с. 40], во главе с историком, знатоком архивоведения доцентом В.И. Поповым и библиографом З.Н. Матвеевым. Моральная и материальная поддержка декана факультета и ректората

университета дали бюро возможность начать работать. За полтора года инициаторы провели 18 заседаний, на которых обсуждались пути решения главной задачи: создания в регионе государственной архивной комиссии, по аналогии с российскими губернскими архивными комиссиями. Членам бюро предстояло обследовать состояние действующих ведомственных архивов, собрать, описать и сохранить документы ликвидированных учреждений, провести разъяснительную работу и получить поддержку населения. Благодаря активности и убежденности участников группы в правильности выбранной цели, масштабная работа была выполнена. Однако в сложной политической ситуации на Дальнем Востоке, при быстрой смене власти, для фактического решения о создании архивной комиссии потребовалось время.

Приморская областная архивная комиссия – первый в истории региона государственный орган, занимавшийся сбором и сохранением документальных источников, появилась в очень непростой для страны и региона период. Только «на исходе» 1921 г. Временное правительство братьев Меркуловых признало архивную деятельность государственным делом и поручило руководство им отделу народного образования. Было утверждено «Положение о Приморской областной архивной комиссии»: по словам Георгиевского, архивная комиссия вступила «в период своего юридического бытия» [15, с. 3]. В состав комиссии вошли: председатель правления – доцент ГДУ филолог А.П. Георгиевский, профессор-востоковед А.В. Гребенщиков, доцент В.И. Попов, З.Н. Матвеев, П.П. Станков, С.Н. Грифцов и др. Это была первая и единственная архивная комиссия в дальневосточном регионе. Сотрудники комиссии на одном энтузиазме, с помощью правления ГДУ, смогли взять под охрану архивы Народного Собрания Дальнего Востока и «Прессбюро»; описать архив Епархиального совета, Областного земства, Городского самоуправления, Морского ведомства. Исходя из разрушительной реальности революционного времени, члены комиссии стремились собрать и сохранить все исторические свидетельства: воспоминания, делопроизводственные документы, археологические и вещественные памятники, фольклор [3, с. 57]. В число охраняемых были включены фотографии («виды») и произведения живописи, в том числе кисти местных художников, мастеров и любителей. Одновременно составлялась библиография, разрабатывались методические реко-

мендации, пропагандировалось бережное отношение к документам.

Неудивительно, что 26 октября 1922 г., на следующий день после ухода интервентов из Владивостока, комиссия призвала население направлять ей «архивы учреждений и организаций политического государственного и общественного характера, подлежащие ликвидации, как материал ценный для истории и подлежащий сохранению». Временный революционный комитет помог комиссии сохранить значительную часть архива генерал-губернатора, архив Народного собрания, контрразведки, канцелярии Дитерихса, протоколы заседаний Земского собора и др. [8, с. 30].

Как видим, первое пятилетие пребывания А.П. Георгиевского на Дальнем Востоке было суровой, но плодотворной школой.

25 октября 1922 г. начался новый этап в истории региона и в судьбе профессора Георгиевского. Не располагая информацией, сложно судить о его политических взглядах, но однозначно можно утверждать, что коммунистом он не был. Александр Петрович был патриотом и гражданином своей страны, и у него было дело, важность которого трудно переоценить – сохранение памятников прошлой и настоящей истории. Декретом от 1 июня 1918 г. новая власть предложила разумное решение – создание единого Государственного архивного фонда и архивной службы. Профессор высоко оценил это существенное начинание, реализация которого шла даже в условиях Гражданской войны и разрухи, отметив, что «архивное дело в России становится на твердую почву» [7, с. 43].

Под влиянием директивной телеграммы руководителя Центрархива М.Н. Покровского, Дальревком в ноябре 1922 г. поставил перед местными властями вопрос о срочном спасении архивов и создании специальных органов (РГИА ДВ. Ф. Р-2422. Оп. 1. Д. 25. Л. 42). Согласно новым советским нормативным актам они стали называться архивными бюро. В Приморье, благодаря накопленному опыту работы архивной комиссии, создать такое учреждение оказалось просто. 1 марта 1923 г. при секретариате Приморского губернского исполнительного комитета было создано губернское архивное бюро, а на местах, при исполкомах, создавались уездные и волостные бюро. Во главе работы были поставлены уже зарекомендовавшие себя с деловой стороны заведующий бюро А.П. Георгиевский, руководитель организационного отдела А.В. Гребенщиков, издательского отде-

ла З.Н. Матвеев. Технический отдел возглавил П.П. Станков. Секретарем-делопроизводителем был назначен Н.Н. Алексеев. Привлечение опытных специалистов, занимавшихся архивным делом в дореволюционный период, было связано и с отсутствием у новых руководителей региона необходимых компетенций. Об этом красноречиво говорит первое заседание Губернского архивного совещания в августе 1923 г., специально образованного для согласования планов работы бюро с государственными и общественными организациями. Вошедшие в состав совещания представители отдела народного образования, комитета РКП(б), профсовета, совета народного просвещения поочередно отказывались от председательства на заседании из-за «новизны вопроса» [8, с. 64-65].

Работники Приморского губернского архивного бюро продолжали работу по выявлению собраний документов, занимались их описанием и брали на сохранение архивы бывших органов управления, книги, листовки, плакаты. Фактически, у приморского архивного органа изменилось название, а полномочий и ответственности стало больше. По подсчетам исследователей, к 1925 г. архивным бюро было собрано около 150 архивных фондов. Во время командировок по краю оказывалась практическая помощь сотрудникам архивов на местах. Много времени и сил отнимала работа по защите «старых» документальных собраний, которые просто расхищались в условиях бумажного голода.

Под руководством А.П. Георгиевского продолжилось издание архивного вестника под новым названием – «Известия Приморского губернского архивного бюро». Ученый был убежден, что периодический орган является одним из средств образования и воспитания населения, в том числе формирования бережного отношения к документам прошлого. Кроме того, посредством издания обеспечивалось постоянное информирование о результатах деятельности архивистов, давалась информация для повышения профессиональной квалификации сотрудников. Так, для второго выпуска «Известий» Александр Петрович подготовил обзор новейшей архивной литературы: сборника декретов по архивному делу и первого выпуска специального периодического издания «Архивное дело». Дальневосточный ученый высоко оценил деятельность Главного архивного управления в 1918-1920-х гг., в частности, инициаторов «громкой работы» «при твердой позиции власти» М.Н. Покровского и Д.Б. Ряза-

нова. На его взгляд, внедряемая схема организации Единого государственного архивного фонда по 8 секциям: законодательство, суд, военное и морское дело, духовная культура, экономика, внутреннее управление, историко-революционные архивы, библиотеки – являлась оптимальной. А.П. Георгиевский особо отметил заботу власти о подготовке кадров, прежде всего, проведение в 1918-1920 гг. курсов архивистов при Петроградском археологическом институте и издание Главархивом собственного журнала.

В 1923 г. Приморское губернное архивное бюро опубликовало описи Приморского губернского архивного фонда, в составе: дипломатическая часть архива Приамурского генерал-губернатора (263 дела), документы временной Канцелярии Наместника на Дальнем Востоке (16 дел), временного Правительства автономной Сибири (32 дела), временного Народного собрания Дальнего Востока (54 дела). Самые ранние сохраненные документы относились к 1869 г., поздние – к 1921 г. Эти описи позволяют в полной мере понять, какое богатство было сохранено благодаря А.П. Георгиевскому и его коллегам [17].

На страницах архивных «Известий» Георгиевский выступает и как ученый-историк. В частности, он публикует описание той части Архива русской революции, которая отложилась в документальном собрании Приморской губернии. Александр Петрович был искренне убежден, что в Архиве русской революции приморские документы должны «занять не последнее место вследствие особого положения Дальнего Востока в революционные годы». В контексте современных подходов к истории Великой российской революции любопытна предложенная им периодизация событий на российском Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX вв. Непосредственно революционные события в ней охватывают период 1904-1922 гг., с перерывом в 1909-1917 гг. По мнению ученого, истоки этих событий необходимо искать в период промышленного кризиса конца XIX в., следовательно, для историка революции ценны и важны фонды имперских органов управления. В истории революционных событий в регионе А.П. Георгиевский выделяет две стадии: *первую*, с начала 1917 г. по конец января 1920 г. (правительства Русанова, Дербера, Хорвата, генерала Розанова), закончившуюся «громким сдвигом вправо», вызвавшим широкое партизанское движение против белой армии и интервентов, и *вторую*, с конца января 1920 г. (с момента

объединения Дальнего Востока и образования Приморской областной земской управы) до октября 1922 г. Таким образом, А.П. Георгиевский может считаться одним из первых историков революции на Дальнем Востоке.

В 1924 г. Приморское архивное бюро издало «Сборник узаконений по архивному делу». В открывающем сборник «циркулярном» послании заведующего Георгиевского подчеркивается, что «архивное дело при рабоче-крестьянской власти Советов становится в России на должную высоту». Он убежден, что архивные бюро должны не только отвечать за сосредоточение и изучение архивов, но и осуществлять «общее руководство постановкой архивной части и текущего делопроизводства в учреждениях губернии» [18, с. 1]. Ученый ясно видел одну из острейших и долговременных проблем отечественного архивного дела – кадровый состав. Естественно, что в регионе к работе в архивах привлекались в большинстве своем случайные люди, не имевшие специальной подготовки, опыта, не обладавшие знанием нормативных документов. В какой-то мере остроту этой проблемы должно было снять данное издание.

Не менее плодотворной была и научная деятельность ученого в первые годы советской власти. Как впоследствии он сам отмечал, «развить работу сумел с 1923 г.», при помощи и поддержке В.К. Арсеньева [22]. А.П. Георгиевский принял активное участие в работе созданного Дальневосточного Краеведческого научно-исследовательского института. В структуре института действовали 3 отдела: «Человек», «Природа», «Промышленность». Для гуманитариев был особенно привлекателен первый названный отдел, разделенный на секции: *этнографии и физической антропологии* (изучение духовной и материальной культуры народов, изучение быта переселенцев из России), *лингвистическую* (составление диалектической карты русского языка в пределах Дальнего Востока, издание руководств для собирания языкового материала и образцов народного творчества), секцию *истории и археологии* (сбор и сохранение источников, вещественных и письменных, научное описание, классификация и историческая критика, изучение истории заселения и колонизации с середины XIX в.). Конечно же, профессор Георгиевский мог найти для себя поле деятельности в любой из них, но он стал действительным членом лингвистической секции. Запланированные ученым работы в Институте практически не выходили за рам-

ки уже определившихся направлений: сбор и анализ материалов быта, старины, творчества населения Дальнего Востока, составление диалектической карты Приморья, исследование личности и деятельности И. Аксакова и славянофильства [2, с. 28]. В течение 1923-1924 гг. он выработал программу сбора материалов, определил до 900 адресов лиц, которые могли бы быть задействованы в этой работе. В ходе экспедиции по четырем уездам Приморской губернии историк собрал песни и сказки для диалектологического словаря.

В результате, к 1924 г. список научных работ А.П. Георгиевского, включавший 36 опубликованных работ, пополнился 4 подготовленными к печати, общим объемом 28 печатных листов.

Сложнее обстояли дела с преподавательской деятельностью профессора. Общероссийские изменения системы высшего образования пришли и на Дальний Восток. В 1923 г. в структуре ГДУ среди 5 факультетов (восточный, агрономический, педагогический, технический и рабочий) не нашлось места для старейшего – историко-филологического. Александр Петрович работал на отделении языка и литературы педагогического факультета и на рабфаке (РГИА ДВ. Ф. Р-289. Оп. 1. Д. 150. Л. 51-52).

Время стремительно менялось, и вскоре главной проблемой для Георгиевского, как и для многих вышеупомянутых ученых, стало их прошлое, «слабая марксистская подготовка» и «аполитичность». Главной задачей высшей школы отныне являлась подготовка кадров высшей квалификации для народного хозяйства. В результате, после реорганизации, или «отрасливания» университета, в 1930 г. имя профессора А.П. Георгиевского исчезает из списков преподавателей вуза, одним из основателей которого он был.

Перемены не обошли стороной и архивное дело. На карте страны появился Дальневосточный край, и 15 ноября 1925 г. в крае начало свою деятельность Дальневосточное краевое архивное бюро, местные архивные бюро сменили названия. На окраине страны стали проявляться основные тенденции государственной политики: на смену профессионалам шли «наши люди» – партийно-государственная номенклатура, главной задачей которой было превращение архивов в «идеологическое оружие» [11, с. 3-4].

В 1926 г. заведующим Владивостокским окружным архивным бюро стал коммунист, участник Гражданской войны В.П. Голионко.

Советский функционер, немного знакомый с делопроизводством и секретарской деятельностью, для власти показался более надежным архивистом, чем специалист-профессор. А.П. Георгиевский стал заместителем, но через год, по требованию ОГПУ, его лишили права доступа к секретной переписке и архивным материалам (РГИА ДВ. Ф. Р-38. Оп. 2. Д. 22. Л. 2). При этом он оставался в бюро единственным профессионалом, умелым организатором, знавшим и архивное дело, и историю. Это понимал и В.П. Голионко, сохранявший А.П. Георгиевского в штате в должности научного сотрудника.

В том же 1926 г. Александр Петрович вступил в члены Общества изучения Амурского края. Здесь он сумел реализовать еще одну идею – издание пособия для учителей по краеведению, в расчете на их горячее участие и помощь в сохранении исторических памятников.

Дальнейшая судьба профессора сложилась не столь трагично, как можно было бы ожидать. В июле-августе 1928 г. он совершил фольклорно-диалектологическую экспедицию по Амурскому округу, в которой его сопровождал известный амурский краевед Г.С. Новиков-Дурский. В ходе нее было обследовано 174 селения. В 1929 г. аналогичная экспедиция была предпринята в Забайкалье, где было обследовано 51 селение [22, с. 9]. Результатом этих экспедиций стало издание новых частей монографии «Русские на Дальнем Востоке».

Биографическая информация об ученом периода 1930-х гг. предельно скупа и противоречива. Известно, что Александр Петрович, как и некоторые его коллеги по ГДУ, уехал в Ленинград, где работал в государственном университете, в пединституте народов Севера. Есть информация, что в 1934 г. он читал курс русского языка в Новгородском учительском институте. В годы Великой Отечественной войны вместе с вузом эвакуировался на Урал. Занимался вопросами диалектологии на кафедре русского языка и языкознания, которой заведовал, в Свердловском педагогическом институте.

Умер Александр Петрович 5 марта 1955 г. Долгое время, начиная с работы Е.С. Обшариной, в биографических статьях о профессоре местом его смерти и погребения назывался Ленинград [14; 21]. Информация, предоставленная государственным архивом Свердловской области, а также сведения из семейного архива, полученные Н.В. Хисамутдиновой, свидетельствуют, что жизненный путь профессора А.П. Георгиевского завершился в Свердловске [22].

Жизнь А.П. Георгиевского являет собой пример судьбы одного из многих россиян, оказавшихся в период тяжелых потрясений перед мучительным выбором своего места в меняющемся мире. Представляется, что определяющее влияние на результат этого выбора оказало желание сохранить избранное для себя поприще просвещения, принести благо обществу. Создание дальневосточного университета и развитие архивного дела в регионе в условиях политической нестабильности, Гражданской войны служат этому наглядным доказательством. Смирившись с неизбежностью перемен, А.П. Георгиевский, как и многие другие, постарался встроиться в новый мир, сделать максимально возможное для сохранения исторической памяти. Бескорыстный труженик, профессионал, интеллигент. Какие бы задачи не заставляла решать судьба, он оставался верен делу, науке, Родине, верил в ее будущее. Дальний Восток России обязан А.П. Георгиевскому сохранением документального наследия, фольклора, подготовкой специалистов-гуманитариев, с чьими трудами связано дальнейшее развитие просвещения в регионе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бендик Н.Н. Из истории архивного дела на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX вв. // Отечественные архивы. 2001. № 12. С. 36-43.
2. Бюллетени Краеведческого научно-исследовательского института при ГДУ. Вып. 1. Владивосток, 1925.
3. Владивосток, 1922 год: жизнь города на страницах газеты «Голос Родины». Владивосток, 2012.
4. Дальневосточный государственный университет. История и современность. 1899-1999. Владивосток, 1999.
5. Ермакова Э.В. Зарождение архивного дела в Приморье // Известия Российского государственного исторического архива Дальнего Востока. Т. 1. Владивосток, 1996. С. 6-19.
6. Известия Приморского губернского архивного бюро. Т. 1. Вып. 1. Владивосток, 1922.
7. Известия Приморского губернского архивного бюро. Т. 1. Вып. 2. Владивосток, 1923.
8. Известия Приморского губернского архивного бюро. Т. 1. Вып. 3. Владивосток, 1923.
9. История Дальневосточного государственного университета в документах и материалах. 1899-1939 гг. Владивосток: Дальнаука, 2004.
10. Карев Д.В. К истории становления архивной службы на Дальнем Востоке (1922-1925 гг.) // Советские архивы. 1986. № 3. С. 65-67.

11. Копылова О.Н., Хорхордина Т.И. Центральные архивы РСФСР в 1920-е гг.: новый курс руководства архивной отраслью // Отечественные архивы. 2018. № 2. С. 3-10.

12. Костанов А.И. Архивы Дальнего Востока накануне и в годы «Великого перелома» (конец 1920-х – начало 1930-х гг.) // Четвертые архивные научные чтения им. В.И. Чернышевой. Хабаровск, 2012. С. 16-40.

13. Костанов А.И. Становление архивного дела и становление архивной службы на крайнем востоке России (XVII – перв. четв. XX вв.) // Третьи архивные чтения им. В.И. Чернышевой. Хабаровск, 2008. С. 37-51.

14. Обшарина Е.С. А.П. Георгиевский – исследователь фольклора Дальнего Востока // Материалы по истории Дальнего Востока. Владивосток, 1973. С. 281-283.

15. От Приморской областной архивной комиссии // Известия Приморской областной архивной комиссии. Т. 1. Вып. 1. Владивосток: издательство ГДУ, 1922. С. 3.

16. Поправко Е.А. Конспект по курсу «Славянский вопрос и его освещение в русском славянофильстве» // Известия Российского государственного исторического архива Дальнего Востока. Т. VIII. Владивосток, 2004. С. 25-30.

17. Приморский губернский архивный фонд. Описи. Вып. 1. Владивосток, 1923.

18. Сборник узаконений по архивному делу. Владивосток, 1924.

19. Троицкая Н.А. Высшая школа Владивостока в 1917-1922 гг. // Труды учебно-научного музея ДВГУ. Вып. 3. Владивосток, 2005. С. 257-267.

20. Троицкая Н.А. Дальневосточный эпизод из жизни профессора А.П. Георгиевского // Известия Российского государственного исторического архива Дальнего Востока. Т. VIII. Владивосток, 2004. С. 30-42.

21. Хисамутдинов А.А. Три столетия изучения Дальнего Востока (1639-1939). Владивосток: Дальнаука, 2007.

22. Хисамутдинова Н.В. Филолог и архивист Александр Петрович Георгиевский: материалы к биографии // Приморские архивы: история и современность. Материалы науч.-практич. конф. Владивосток, 2008. С. 7-14.

23. Чесноков В.И. Пути формирования и характерные черты системы университетского исторического образования в дореволюционной России // Историческая культура императорской России: формирование представлений о прошлом. М.: ИД ВШЭ, 2012. С. 79-95.

REFERENCES

1. Bendik, N.N., 2001. Iz istorii arkhivnogo dela na Dal'nem Vostoke v kontse XIX – nachale XX vv. [From the history of archives in the Russian Far East in the late XIXth and early XXth century], Otechestvennye arkhivy, no. 12. pp. 36-43. (in Russ.)

2. Byulleteni Krayevedcheskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta pri GDU [Bulletins of the Regional Studies Research Institute under the GDU], Vol. 1. Vladivostok, 1925. (in Russ.)

3. Vladivostok, 1922 god: zhizn' goroda na stranitsakh gazety «Golos Rodiny» [Vladivostok, 1922: the life of the city on the pages of the newspaper «Golos Rodiny»]. Vladivostok, 2012. (in Russ.)

4. Dal'nevostochniy gosudarstvennyy universitet. Istoriya i sovremennost'. 1899-1999 [Far Eastern State University. History and modern times. 1899-1999]. Vladivostok, 1999. (in Russ.)

5. Yermakova, E.V., 1996. Zarozhdenie arkhivnogo dela v Primor'ye [The origin of archives in Primorye], Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo istoricheskogo arkhiva Dal'nego Vostoka, Vol. 1, pp. 6-19. (in Russ.)

6. Izvestiya Primorskogo gubernskogo arkhivnogo byuro [Proceedings of the Primorsky provincial hall of records], Vol. 1, no. 1. Vladivostok, 1922. (in Russ.)

7. Izvestiya Primorskogo gubernskogo arkhivnogo byuro [Proceedings of the Primorsky provincial hall of records], Vol. 1, no. 2. Vladivostok, 1923. (in Russ.)

8. Izvestiya Primorskogo gubernskogo arkhivnogo byuro [Proceedings of the Primorsky provincial hall of records], Vol. 1, no. 3. Vladivostok, 1923. (in Russ.)

9. Istoriya Dal'nevostochnogo gosudarstvennogo universiteta v dokumentakh i materialakh. 1899-1939 gg. [History of the Far Eastern State University in documents and materials. 1899-1939]. Vladivostok, 2004. (in Russ.)

10. Karev, D.V., 1986. K istorii stanovleniya arkhivnoy sluzhby na Dal'nem Vostoke (1922-1925 gg.) [Towards the making of the archival service in the Russian Far East (1922-1925)], Sovetskie arkhivy, no. 3, pp. 65-67. (in Russ.)

11. Kopylova, O.N. and Khorkhordina, T.I., 2018. Tsentralnyy RSFSR v 1920-e gg.: noviy kurs rukovodstva arkhivnoy otrasl'yu [The Central Archives of the RSFSR in the 1920s: a new course in the management of archival sector], Otechestvennye arkhivy, no. 2, pp. 3-10. (in Russ.)

12. Kostanov, A.I., 2012. Arkhivy Dal'nego Vostoka nakanune i v gody «Velikogo pereloma»

- (konets 1920-kh – nachalo 1930-kh gg.) [Archives of the Far East on the eve and during the «Great Break» (late 1920s – early 1930s)]. In: Chetvertye arkhivnye nauchnye chteniya im. V.I. Chernyshevoy. Khabarovsk, pp. 16-40. (in Russ.)
13. Kostanov, A.I., 2008. Stanovlenie arkhivnogo dela i stanovlenie arkhivnoy sluzhby na kraynem vostoке Rossii (XVII – perv. chetv. XX vv.) [The making of archives and archival service in the Russian Far East (XVIIth – first quarter of the XXth century)]. In: Tret'i arkhivnye chteniya im. V.I. Chernyshevoy. Khabarovsk, pp. 37-51. (in Russ.)
14. Obsharina, Ye.S., 1973. A.P. Georgiyevskiy – issledovatel' fol'klora Dal'nego Vostoka [A.P. Georgievsky, a researcher of folklore of the Far East]. In: Materialy po istorii Dal'nego Vostoka. Vladivostok, pp. 281-283. (in Russ.)
15. Ot Primorskoй oblastnoy arkhivnoy komissii [From Primorsky Regional Archival Commission], Izvestiya Primorskoй oblastnoy arkhivnoy komissii, Vol. 1, no. 1. Vladivostok, 1922, p. 3. (in Russ.)
16. Popravko, Ye.A., 2004. Konspekt po kursu «Slavyanskiy vopros i yego osveshcheniye v russkom slavyanofil'stve» [Abstract on the course «The Slavic question and its representation in Russian Slavophilia»], Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo istoricheskogo arkhiva Dal'nego Vostoka, Vol. VIII, pp. 25-30. (in Russ.)
17. Primorskiy gubernskiy arkhivniy fond. Opisi. Vyp. 1 [Primorsky provincial archival fund. Inventory. Vol. 1]. Vladivostok, 1923. (in Russ.)
18. Sbornik zakoneniy po arkhivnomu delu [Collection of legal acts on archival matters]. Vladivostok, 1924. (in Russ.)
19. Troitskaya, N.A., 2005. Vysshaya shkola Vladivostoka v 1917-1922 gg. [Higher educational institutions of Vladivostok in 1917-1922], Trudy uchebno-nauchnogo muzeya DVGU, Vol. 3, pp. 257-267. (in Russ.)
20. Troitskaya, N.A., 2004. Dal'nevostochnyy epizod iz zhizni professora A.P. Georgiyevskogo [Far Eastern episode from the life of Professor Alexander Georgievsky], Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo istoricheskogo arkhiva Dal'nego Vostoka, Vol. VIII, pp. 30-42. (in Russ.)
21. Khisamutdinov, A.A., 2007. Tri stoletiya izucheniya Dal'nego Vostoka (1639-1939) [Three centuries of study of the Far East (1639-1939)]. Vladivostok. (in Russ.)
22. Khisamutdinova, N.V., 2008. Filolog i arkhivist Aleksandr Petrovich Georgiyevskiy: materialy k biografii [Philologist and archivist Alexander Petrovich Georgievsky: materials for biography]. In: Primorskiye arkhivy: istoriya i sovremennost'. Materialy nauch.-praktich. konf. Vladivostok, pp. 7-14. (in Russ.)
23. Chesnokov, V.I., 2012. Puti formirovaniya i kharakternyye cherty sistemy universitetskogo istoricheskogo obrazovaniya v dorevolutsionnoy Rossii [Ways of formation and characteristics of the system of post-secondary history education in pre-revolutionary Russia]. In: Istoricheskaya kul'tura imperatorskoй Rossii: formirovaniye predstavleniy o proshlom. Moskva, pp. 79-95. (in Russ.)

Е.В. СМЫКОВ*

ХОТЕЛ ЛИ ЦЕЗАРЬ ЗАВОЕВАТЬ ПАРФИЮ?

В статье рассматривается последний внешнеполитический проект Г. Юлия Цезаря. Согласно рассказу Плутарха, он намеревался совершить поход на Парфию, а затем вернуться в Рим вокруг Каспийского моря, через Северное Причерноморье и Балканы. Сопоставление с другими источниками позволяет опровергнуть эту фантастическую информацию. На самом деле это был не большой завоевательный поход против восточного соседа, а комплекс мер, направленных на обеспечение безопасности границ. Цезарь намеревался в первую очередь нанести удар по гето-дакийскому племенному союзу, возглавляемому Буребистой, бывшему опасным соседом Рима на Дунае. Затем он планировал боевые действия против Парфии, но не с целью завоевания новой территории, а для обеспечения безопасности римской границы по Евфрату. Одновременно с этим нужно было решить ряд проблем, связанных с отношениями Рима и зависимых от него царств. Дальнейшие события показывают, что именно эти задачи решали наследники политики Цезаря, сначала М. Антоний, а затем – император Август.

Ключевые слова: Цезарь, Парфия, поход, Буребиста, геты, Плутарх, Светоний, Аппиан

Did Caesar want to conquer Parthia? EVGENIY V. SMYKOV (Saratov State University)

The article considers the last foreign policy project of G. Julius Caesar. According to Plutarch's story, he intended to march on Parthia, and then return to Rome around the Caspian Sea, across the Northern Black Sea coast and the Balkans. Comparing the information from various sources, the author refutes this fantastic theory and suggests that, in fact, Caesar did not prepare a huge aggressive campaign against the eastern neighbor, but rather planned a set of measures aimed at ensuring the security of the borders.

Keywords: Caesar, Parthia, campaign, Burebista, Getae, Plutarch, Suetonius, Appian

В мартовские иды (15 марта) 44 г. (здесь и далее – до н.э.) под кинжалами заговорщиков пал пожизненный диктатор, Отец Отечества, Гай Юлий Цезарь. Произошло это буквально накануне того дня (18 марта), когда он должен был покинуть Рим и отправиться в большой поход на Восток, против Парфии (App. BC. II. 110).

Этот несостоявшийся поход издавна вызывает к себе особое отношение историков. Волнующей выглядит уже сама коллизия: человек, на века ставший символом земного величия, непобедимый полководец, который, если верить Николаю Дамасскому, дал 302 сражения и ни одно из них не проиграл (Nic. Dam. Vita Caes.

* СМЫКОВ Евгений Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета.

E-mail: smykov61@list.ru

© Смыков Е.В., 2018

XXII. 80) против державы, чье противостояние с Римом на Востоке длилось три столетия! [35, с. 184-185] При этом сам собой возникает вопрос – а что было бы, если бы поход состоялся? «Бесславно было обгадено кровью тело человека, доходившего на запад до Британии и океана, замышлявшего поход на восток против Парфянского и Индийского царств с тем, чтобы, покорив также и их, объединить в одной державе всю власть над землей и морем» (Nic. Dam. Vita Caes. XXVI. 95), – выражал скорбь по поводу этого события Николай Дамасский, современник событий, как кажется, ни минуты не сомневаясь, что поход мог завершиться только победой. «Парфия была спасена. Великий разрушитель был уничтожен в тот момент, когда он был готов привести в исполнение свой грандиозный проект завоевания парфянской империи и провести Рим по дороге, проложенной Александром Великим», – констатирует Г. Ферреро спустя почти два тысячелетия [11, с. 456] (ср.: [35, с. 185]). Такой ответ на вопрос о возможной судьбе Парфии вполне объясним, учитывая культ Цезаря, который начал формироваться сразу после его смерти и благополучно дожил до наших дней.

Однако если мы обратимся к материалам источников, то оказывается, что их данные скудны и разрозненны. В сущности, они едины только в одном: поход должен был состояться; при этом сведений о стратегических планах Цезаря крайне мало. Николай Дамасский приписывает ему план покорения всего мира; но уже давно доказано, что источником этой части его сочинения *Vita Caesaris* является, по всей вероятности, автобиография самого Августа [2, с. 241; 25, р. 415], так что все это утверждение оказывается набором штампов, отчасти восходящих к эпохе Августа (ср.: Ног. Carm. I. 12. 56; Verg. Aen. VI. 793 sq.), отчасти, возможно, содержащих полемику с прославлением достижений Помпея (ср. претензии Помпея на славу покорителя мира: Cic. Sest. 67; 129; Balb. 16; Prov. cons. 31; De domo suo. 110; Vell. II.40.4; Plut. Pomp. 45.7) [34, с. 437].

Нечто подобное сообщает и Плутарх: «Он готовился к войне с парфянами, а после покорения их имел намерение, пройдя через Гирканию вдоль Каспийского моря и Кавказа, обойти Понт и вторгнуться в Скифию, затем напасть на соседние с Германией страны и на самое Германию и возвратиться в Италию через Галлию, сомкнув круг римских владений так, чтобы со всех сторон империя граничила

с Океаном» (Plut. Caes. 58.3, пер. Г.А. Стратановского, К.П. Лампсакова). Однако Плутарх, современник императора Траяна, мыслил уже в совершенно иных геополитических категориях в сравнении с веком Цезаря. Его Помпей мечтает «захватить Сирию и проникнуть через Аравию к Красному морю, чтобы победоносно достигнуть Океана, окружающего со всех сторон обитаемый мир» (Pomp. 38, пер. Г.А. Стратановского), а Красс «рвался на восток, к Индийскому океану, желая присоединить к римской державе всю Азию» (Plut. Comp. Nic et Cr. 4, пер. Т.А. Миллер). Совершенно очевидно, что все это находит свою ближайшую параллель в завоевательных планах Траяна [21, р. 447-448].

Именно на эти сообщения опирается «глобалистская» трактовка планов Цезаря, весьма распространенная в историографии [18, р. 610-611; 19, р. 368; 31, р. 475]. Но есть и иные источники, не столь яркие литературно, рисующие события несколько в ином свете. Так, Веллей Патеркул лишь мимоходом упоминает, что Цезарь «замыслив войну с гетами и парфянами, вознамерился сделать ... своим соратником» Г. Октавия, будущего Августа (Vell. II. 59. 4). Согласно Светонию, он намеревался «усмирить вторгшихся во Фракию и Понт дакийцев, а затем пойти войной на парфян через Малую Армению, но не вступать в решительный бой, не познакомившись предварительно с неприятелем» (Suet. DJ. 44.3, пер. М.Л. Гаспарова). В том же порядке он сообщает о последовательности действий Цезаря и в биографии Августа: поход против парфян следует за походом против дакийцев (Suet. DA. 8.2). Наконец, согласно Аппиану, диктатор «задумал большой поход на гетов и парфян, гетам, племени суровому, воинственному и обитающему по соседству, для того, чтобы предотвратить их нападения, а парфянам – чтобы отомстить им за нарушение мирного договора с Крассом» (App. BC. II. 110).

Итак, если Николай Дамасский вообще не говорит о планируемых боевых действиях на Дунае, а Плутарх считает, что удар по гето-дакийским племенам («соседние с Германией страны») должен был быть нанесен при возвращении армии кружным путем, да еще и с добавлением удара по самой Германии, то Веллей и Светоний ставят поход против дунайских племен на первое место, как действие, предшествующее наступлению на Парфию, а Аппиан не дает четкого ответа на вопрос о последовательности действий, перевод его текста как «сперва по гетам, потом по парфянам» не является кор-

ректным [34, р. 436, Anm. 25]. Соседство гетов и парфян в этих сообщениях позволяет увидеть планируемую войну несколько в ином свете, не как новые масштабные завоевания, а как комплекс мероприятий, связанных с обеспечением безопасности границ. Именно так понимал намерения Цезаря еще Т. Моммзен, который при всем пиетете к личности своего героя не приписывал ему чрезмерных планов: «Ничто не указывает нам на желание Цезаря победоносно продвигаться, подобно Александру, в бесконечно далекие страны; <...> ...Никакой достоверный авторитет не подтверждает существования этих баснословных проектов. Для государства, подобного Риму при Цезаре, заключавшего в себе массу варварских элементов, с которыми трудно было совладать и на ассимилирование которых оно должно было еще употребить несколько столетий, такие завоевания, даже если считать их выполнимыми в военном отношении, были бы не чем иным, как только гораздо более блестящими, но и гораздо более печальными ошибками, чем индийский поход Александра» [9, с. 338-339].

Действительно, к 44 г. границы по Дунаю и по Евфрату были наиболее беспокойными местами. У гетов к этому времени сложилось мощное племенное образование во главе с Буребистой (Беребистой), жившее за счет набегов и ограбления сопредельных территорий. Правда, Иордан делает Буребисту современником Суллы, т.е. относит его воцарение к концу 80-х гг. I в. до н.э. (Get. 67), но, скорее всего, это ошибка, которую он повторил вслед за Кассиодором, который послужил ему источником [15, р. 1958]. Скорее, следует признать, что он пришел к власти двумя десятилетиями позже, т.е. примерно одновременно с выдвижением Цезаря в первые ряды римских политиков [14, р. 262]. Заметим, кстати, что, начав активную деятельность примерно одновременно, они практически одновременно и сходят со сцены, и оба погибают от рук своих приближенных: по словам Страбона, «после восстания некоторых мятежников против Беребисты последний был низвержен, прежде чем римляне выступили против него походом. Его преемники разделили державу на несколько частей» (VII. 3. 11. С 304, пер. Г.А. Стратановского).

К сожалению, история правления Буребисты известна нам лишь в самых общих чертах. Главным источником здесь служит все тот же Страбон. Он пишет: «Беребиста, гет, достиг верховной власти над своим племенем. Ему

удалось возродить свой народ, изнуренный длительными войнами, и настолько возвысить его путем физических упражнений, воздержания и повиновения его приказам, что за несколько лет он основал великую державу и подчинил гетам большую часть соседних племен. Он стал внушать страх даже римлянам, так как безбоязненно переходил Истр, разоряя Фракию вплоть до Македонии и Иллирии; он опустошил также страну кельтов, смешавшихся с фракийцами и иллирийцами, а бойев, бывших под властью Критасира, и таврисков совершенно уничтожил» (VII. 3. 11. С 304).

Исходя из этих данных румынские историки приписывают вождю гетов продуманный политический курс. Так, И. Кришан пишет, что «это не были изолированные акции с целью разграбления того или иного греческого города, но тщательно запланированная политика интеграции всего западнопонтийского побережья со всеми его городами в Гето-Дакийское государство» [16, р. 125]. П. Вэдан говорит об инкорпорации понтийских колоний в Дакийское царство [40, р. 78-79]. Ареал гетской военной экспансии действительно был достаточно велик, но утверждение, что все эти земли вошли в «царство» Буребисты [8, с. 25], все же слишком рискованное. Геты вообще не стремились экономически и политически освоить разоренные ими земли – что на востоке, что на западе. После разгрома и полного уничтожения бойев, например, их земли пустовали, так что Страбон говорит о «пустыне бойев» (VII. 1. 5. С 292); то же самое наименование, *deserta boiorum*, многими годами позже употребляет Плиний Старший (NH. III.146).

Но если мотивы истребления бойев еще как-то можно объяснить перманентной кельтской угрозой, то варварские набеги на Западный Понт носили откровенно разбойничий характер. Что до характера военных побед Буребисты на Понте, то его тактика заключалась в выборе наиболее обескровленного противника, не способного в данный момент оказать серьезное сопротивление. Аполлония, например, накануне была разметена войсками Марка Теренция Лукулла (Eutr. VI. 10), Истрия пришла в упадок еще столетием раньше Буребисты, а Ольвия к тому времени тоже уже практически не представляла собой крупного города. Таким образом, покорение этих городов вовсе не требовало недюжинной военной одаренности [3, с. 267-269]. Подобная форма военной экспансии характерна для начальных этапов раз-

вития государства, так что само объединение, возглавляемое Бурбистой, являлось ни в коем случае не монархией, тем более не монархией эллинистического типа, а племенным союзом [9, с. 90; 3, с. 265, прим. 168; 270-271].

Однако племенной союз был едва ли не более опасным соседом, чем развитое государственное образование. Внешняя политика соседнего государства в любом случае более предсказуема, чем варварская стихия. Ю.Г. Виноградов блестяще охарактеризовал основы «политики» варваров: «Да, это была политика, ...но политика совершенно иного толка: вместо создания протектората, вместо экономической эксплуатации путем регулярного взимания трибута в обмен на гарантии защиты..., совершенно неприкрытое насилие, причем прежде всего над наиболее слабым противником, без думы о завтрашнем дне, вырезание целых племен, разгром, грабеж, стирание с лица земли целых городов, жестокие требования беспрекословного повиновения от современников и т.д.» [3, с. 270]. Ситуация была тем более острой, что в распоряжении «царя» гетов находились значительные силы. Страбон называет численность выставляемого Бурбистой войска – 200 тыс. чел. По мнению В. Пырвана, цифра эта вполне реальна и даже довольно скромна для густонаселенного карпато-дунайского региона, если принять, что в войско, согласно обычной варварской системе, мобилизовали пятую часть населения [33, р. 203/91]. Но если даже цифра завышена, что обычно для античных авторов, то, во всяком случае, не подлежит сомнению, что силы и активность Бурбисты были действительно велики и он был очень опасным соседом для римских владений.

В этом контексте следует рассматривать и контакты Бурбисты с Помпеем. О самом факте посольства нам известно только из декрета в честь Акорниона, гражданина Дионисополя (Ditt. Syll. 762. 32-37), который исполнил это поручение вождя гетов; однако о цели посольства нам неизвестно ничего, и, скорее всего, прав Ю.Г. Виноградов: Акорнион должен был либо отвлечь от гетов опасность того, что Помпей обратит свое оружие против них, либо убедиться, что таковой не существует [3, с. 266]. Но кроме этого следует учитывать и взгляд на эти события самого Цезаря: Помпей принял посольство от могущественного варвара, который в любой момент может вторгнуться в римские владения. Пусть даже это не имело никаких практических последствий, но опасность сохранялась и ее надлежало ликвидировать.

Сходной была ситуация и на другом естественном рубеже Рима – на Евфрате. Парфянская угроза, *timor Paethici belli*, также существовала уже почти десять лет, со времени поражения Красса, ее упоминает и сам Цезарь (Caes. BC. III. 31. 3), и Цицерон (Cic. Fam. XII. 19. 2). В начале гражданской войны Луцилий Гирр был послан Помпеем к парфянскому царю Ороду II (Caes. BC. III. 82. 5). Если верить Кассию Диону, царь не предоставил Помпею помощи, о которой тот просил, а самого Гирра заключил в оковы (Cass. Dio. XLII. 2. 5). Хотя цели посольства и его результаты не вполне ясны (возможно, речь шла вовсе не о помощи, а о соблюдении парфянами нейтралитета [23, р. 393-394]), парфяне удержались от вмешательства в римские дела и от интервенции, не пытаясь воспользоваться ослаблением римского контроля над восточными провинциями. Однако при этом тщательное рассмотрение источников демонстрирует, что Парфия отнюдь не обязательно была союзницей Помпея и расценивалась им как возможная база для продолжения борьбы после битвы при Фарсале [27, р. 142-143].

Всего этого явно недостаточно, чтобы приписывать Цезарю планы парфянского похода уже начиная с 47 г., как это делают некоторые исследователи [24, с. 326; 28, р. 29-30; 30, р. 601; 38, р. 114-115]. Противостояние носило, если можно так выразиться, «холодный» характер, и не в интересах Цезаря было переводить его в «горячую» стадию, добавляя себе нового опасного военного противника. Но вскоре ситуация изменилась [1, с. 77-78]. Уже в 46 г. наместник Киликии Кв. Корнифиций опасался парфянского вторжения в Сирию, которую Цезарь добавил к его провинции (Cic. Fam. XII. 19. 2), что, возможно, было связано с просьбой о помощи, с которой к парфянскому царю обратился мятежный военачальник Кв. Цецилий Басс [38, р. 115]. Сам Корнифиций в сирийское командование так и не вступил [4, с. 105]; как он и опасался, в конце 45 г. значительные силы парфянской конницы во главе с царевичем Пакором вторглись в Сирию и нанесли удар по войскам цезарианца Г. Антистия Вета, блокировавшего Басса в Апамее. Блокада была прорвана, а войска Вета понесли большие потери (Cic. Fam. XII. 17. 1; Strab. XVI. 753; Jos. AJ. XIV. 268; VJ. I. 216; Cass. Dio. XLVII. 26. 3-27. 2). Интересны два момента: во-первых, хотя мы ничего не знаем об условиях, на которых парфяне оказали помощь Бассу, нет ника-

ких признаков того, что они пытались как-то закрепиться в Сирии, что, как будто, не очень вяжется с их стремлением подчинить себе эту римскую провинцию. Во-вторых, любопытно, что вторжение возглавлял Пакор – фигура, несомненно, знаковая, с которой были связаны воспоминания о предыдущем вторжении в Сирию в 51-50 гг. [10, с. 312-322]. Таким образом, на передний план вновь выдвинулась группировка, настроенная на проведение активной политики по отношению к римским владениям. Именно это превращало границу по Евфрату в еще одну «горячую» зону и делало насущно необходимым урегулирование ситуации.

Таким образом, причину готовившихся Цезарем мероприятий следует искать не в мифических планах «завоевания мира» [31, р. 472], и не в «большой империалистической политике по отношению к Парфии» [38, р. 114], а именно в этих внешнеполитических проблемах. Каково было возможное развитие событий? Скорее всего, кампания 44 г. должна была быть направлена против Бурбисты [13, р. 6]. Цезарю не впервой было иметь дело с могущественным варварским вождем, и, как правило, дело ограничивалось одной кампанией; вряд ли он полагал, что на гетов понадобится больше времени, тем более что его армия значительно превышала по численности ту, которую он имел во время Галльских войн [34, с. 438]. К моменту гибели Цезаря войска из Аполлонии двигались в Македонию, на соединение со стоящими там легионами. Концентрация войск на севере Балканского полуострова, возможно, тоже говорит о намерении нанести первый удар по Бурбисте [5, с. 78, прим. 3; 6, с. 360-361]. При этом вполне возможно, что его поход за Дунай должен был явиться всего лишь грандиозной карательной акцией – на 43 г. провинцию Македония должен был получить М. Антоний [36, р. 187], так что вполне возможно, что окончательное замирение побежденных гетов должно было достаться ему [28, р. 54-55].

На кампанию на Востоке оставалось бы два года. Но какое-то время, почти наверняка, пришлось бы потратить и на установление порядка в пестром мире зависимых царств. Во всяком случае, из наиболее крупных проблем, которые оставались на момент похода, можно назвать судьбу Дейотара и его царства, которые Цезарь, скорее всего, хотел решить на месте [32, с. 596; 37, с. 167], а также вопрос о власти в Боспорском царстве, где он столкнулся с явным неповиновением своей воле. Довольно вероят-

ным выглядит предположение о том, что Цезарь опасался возможного союза между Бурбистой и непокорным царем Боспора Асандром [12, р. 715]. Предпринятая Цезарем попытка утвердить на Боспоре своего ставленника Митридата Пергамского завершилась неудачей [22], что, несомненно, требовало вмешательства самого диктатора. Возможно, именно это намерение вмешаться в боспорские дела преобразилось в воображении Плутарха в рассказ о намерении Цезаря возвращаться в Рим кружным путем – план, который Г. Бенгтсон справедливо назвал «империалистической фантазией, не имеющей никакого отношения к реальной политике» [13, р. 9].

К этому следует добавить, что неизвестно, как развивались бы события, связанные с мятежом Цецилия Басса. Во всяком случае, к 44 г. борьба с ним длилась уже около двух лет, а те шесть легионов, которые действовали против него, не добились существенных успехов, так что, скорее всего, Цезаря на Востоке ожидал еще и этот противник. Кроме того, согласно рассказу Светония, Цезарь намеревался «не вступать в решительный бой, не познакомившись предварительно с неприятелем» (Suet. DJ. 44. 3). Такое знакомство и другие подготовительные мероприятия тоже требовали определенного времени. Думается, что все это заняло бы второй год кампании.

Наконец, обеспечив себе спокойствие в тылу, можно было начинать наступление на Парфию. По поводу этой кампании предположения строить невозможно, все они окажутся чисто гадательными. Из Светония мы знаем общее направление наступления – через Малую Армению, т.е. избегая тех ошибок, которые допустил в своем походе Красс [31, р. 475; 41, р. 136, прим. 50]. Однако конкретная цель похода остается неясной. Возможно, Цезарь сознательно избегал четкой постановки целей, по крайней мере, их публичной формулировки. Это давало ему возможность представить любой успех как достижение поставленных задач [34, с. 437]. Поскольку ни о каком «завоевании» в территориальном смысле [17, р. 464-465; 39, р. 605] и речи быть не может в силу ограниченности отведенного на поход времени, скорее всего, речь должна была идти о демонстрации силы без намерения приобретения территорий за Евфратом [29, р. 224], или победе/победах над парфянской армией и «принуждении к миру», т.е. оттеснении парфян за новую границу по Евфрату [20, р. 172] и заключении договора с парфян-

ским царем [26, р. 90-91]. Довольно вероятно и то, что зримым воплощением успеха всего предприятия должно было стать возвращение орлов, захваченных парфянами в результате поражения армии Красса [29, с. 227]. В конце концов, вполне вероятным выглядит и вторжение в Парфию, имеющее итогом утверждение на троне нового царя, который будет зависим от поддержки Рима. Во всяком случае, такое развитие событий можно предположить, исходя из политики М. Антония на Востоке, и принимая в расчет те условия, на которых Август урегулировал отношения двух держав (об аналогиях см.: [6, с. 362-363]).

В дополнение ко всему сказанному о характере и целях последних внешнеполитических планов Цезаря можно высказать еще одно соображение. Если Цезарь готовил масштабный поход на Восток, то, разумеется, план этой войны должен был умереть вместе с ним. Между тем Аппиан неоднократно упоминает, что после смерти Цезаря провинцию Сирия и поручение вести войну с парфянами получил Долабелла (Апп. ВС. III. 7; 8; 24). Таким образом, диктатор был мертв, а необходимость ведения войны с парфянами сохранилась, только теперь вести ее должен был уже не гениальный полководец, а заурядный римский магистрат.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бокщанин А.Г. Парфия и Рим. Ч. 2. М., 1966.
2. Веселаго Е.Б. Николай Дамаский // Вестник древней истории. 1960. № 3. С. 235-244.
3. Виноградов Ю.Г. Политическая история ольвийского полиса. М., 1989.
4. Дибвойз Н.К. Политическая история Парфии. СПб., 2008.
5. Егоров А.Б. Последние планы Цезаря (к проблеме римского глобализма) // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. 2006. Вып. 5. С. 77-94.
6. Егоров А.Б. Юлий Цезарь: политическая биография. СПб., 2014.
7. Златковская Т.Д. Племенной союз гетов под руководством Биребисты (I в. до н.э.) // Вестник древней истории. 1955. № 2. С. 73-91.
8. История Румынии. М., 2005.
9. Моммзен Т. История Рима. Т. III. СПб., 1995.
10. Смыков Е.В. После Карр: римско-парфянское противостояние в Сирии в 53-50 гг. до н.э. // Из истории античного общества. Вып. 9-10. Нижний Новгород, 2007. С. 312-322.
11. Ферреро Г. Величие и падение Рима. Кн. 1. СПб., 1997.
12. Adcock, F., 1932. Caesar's dictatorship. In: The Cambridge Ancient History. Vol. IX. Cambridge, pp. 691-740.
13. Bengtson, H., 1974. Zum Partherfeldzug des Antonius. München.
14. Brandis, K.G., 1903. Burebista. In: Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Splbd. 1. Stuttgart, pp. 261-264.
15. Brandis, K.G., 1901. Dacia. In: Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Hbd. 8. Stuttgart, pp. 1948-1976.
16. Crişan, I.H., 1978. Burebista and his time. Bucureşti.
17. Debecq, J., 1951. Les Parthes et Rome. Latomus, Vol. 10, pp. 459-469.
18. Drumann, W., 1906. Geschichte Roms in seinem Übergange von der republikanischen zur monarchischen Verfassung: oder Pompeius, Caesar, Cicero und ihre Zeitgenossen nach Geschlechtern und mit genealogischen Tabellen. Bd. 3. Leipzig.
19. Fowler, W.W., 1900. Julius Caesar and the foundation of the Roman imperial system. New York.
20. Freber, Ph.-St., 1993. Der hellenistische Osten und das Illyricum unter Caesar. Stuttgart.
21. Hartmann, U., 2008. Das Bild der Parther bei Plutarch. Historia, Vol. 57, pp. 426-452.
22. Heinen, H., 1994. Mithridates von Pergamon und Caesars bosporanische Pläne. Zur Interpretation von Bellum Alexandrinum 78. In: E fontibus haurire: Beitrage zur rdmischen Geschichte und zu ihren Hilfswissenschaften. Paderborn, pp. 63-79.
23. Hillmann, T.P., 1996. Pompeius ad Parthos? Klio, Vol. 78, pp. 380-399.
24. Holmes, T.R., 1928. The Roman Republic and the founder of empire. Vol. 3. Oxford.
25. Laqueur, R., 1936. Nicolaos von Damaskos. In: Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Hbd. 33. Stuttgart, pp. 362-424.
26. Lerouge, Ch., 2007. L'image des Parthes dans le monde gréco-romain. Du début du Ier siècle av. J.-C. jusqu'à la fin du Haut-Empire romain. Stuttgart.
27. Losehand, J.M.S., 2005. Die letzten Tage des Pompeius. Dissertation. Universität Wien.
28. Malitz, J., 1984. Caesars partherkrieg. Historia, Vol. 33, pp. 21-59.
29. McDermott, W.C., 1982-1983. Caesar's projected Dacian-Parthian expedition. Ancient Society, Vol. 13-14, pp. 223-231.

30. Meier, Ch., 1986. Caesar. München.
31. Meyer, Ed., 1922. Caesars Monarchie und das Principat des Pompeius. Berlin.
32. Niese, B., 1887. Straboniana. Rheinisches Museum für Philologie, Vol. 42, pp. 563-602.
33. Pârvan, V., 1926. Getica, o protoistorie a Daciei. București.
34. Pelling, Ch., 2012. Commentary. In: Plutarch. Caesar. Oxford.
35. Rawlinson, G., 1873. The sixth great oriental monarchy, or the geography, history, antiquities of Ancient Parthia. New York.
36. Schwartz, E., 1898. Die Vertheilung der Roemischen Provinzen nach Caesars tod. Hermes, Vol. 33, no. 2, pp. 185-244.
37. Sullivan, R.D., 1990. Near Eastern royalty and Rome, 100-30 B.C. Toronto; Buffalo; London.
38. Timpe, D., 1962. Die Bedeutung der Schlacht von Carrhae. Museum Helveticum, Vol. 19, pp. 104-129.
39. Townend, G.B., 1983. A clue to Caesar's unfulfilled intentions. Latomus, Vol. 42, no. 3, pp. 601-606.
40. Vădan, P., 2008. Pattern of continuity in Geto-Dacian foreign policy under Burebista. Hirundo: The McGill Journal of Classical Studies, Vol. 6, pp. 69-86.
41. Wolski, J., 1993. L'Empire des Arsacides. Louvain: Peeters.
- of Birebysta (1st century BC)], Vestnik drevnei istorii, no. 2, pp. 73-91. (in Russ.)
8. Istoriya Rumynii [The history of Romania]. Moskva, 2005. (in Russ.)
9. Mommsen, T., 1995. Istoriya Rima [The history of Rome]. T. III. Sankt-Peterburg. (in Russ.)
10. Smykov, E.V., 2007. Posle Karr: rimsko-parfyanskoe protivostoyanie v Sirii v 53-50 gg. Do n.e. [After the Battle of Carrhae: the Roman-Parthian confrontation in Syria in 53-50 B.C.]. In: Iz istorii antichnogo obshchestva, Vyp. 9-10, Nizhniy Novgorod, pp. 312-322. (in Russ.)
11. Ferrero, G., 1997. Velichie i padenie Rima [The greatness and fall of Rome]. Kn. 1. Sankt-Peterburg. (in Russ.)
12. Bengtson, H., 1974. Zum Partherfeldzug des Antonius [To the Parthian campaign of Antonius]. München. (in German)
13. Brandis, K.G., 1903. Burebista [Burebista]. In: Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Splbd. 1. Stuttgart, pp. 261-264. (in German)
14. Brandis, K.G., 1901. Dacia [Dacia]. In: Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Hbd. 8. Stuttgart, pp. 1948-1976. (in German)
15. Crișan, I.H., 1978. Burebista and his time. București.
16. Debecq, J., 1951. Les Parthes et Rome [The Parthians and Rome], Latomus, Vol. 10, pp. 459-469. (in French)
17. Drumann, W., 1906. Geschichte Roms in seinem Übergange von der republikanischen zur monarchischen Verfassung: oder Pompeius, Caesar, Cicero und ihre Zeitgenossen nach Geschlechtern und mit genealogischen Tabellen [History of Rome in its transition from republic to monarchy or Pompey, Caesar, Cicero and their contemporaries]. Bd. 3. Leipzig. (in German)
18. Fowler, W.W., 1900. Julius Caesar and the foundation of the Roman imperial system. New York.
19. Freber, Ph.-St., 1993. Der hellenistische Osten und das Illyricum unter Caesar [The Hellenistic East and Illyricum under Caesar]. Stuttgart. (in German)
20. Hartmann, U., 2008. Das Bild der Parther bei Plutarch [The image of the Parthians by Plutarch], Historia, Vol. 57, pp. 426-452. (in German)
21. Heinen, H., 1994. Mithridates von Pergamon und Caesars bosporanische Pläne. Zur Interpretation von Bellum Alexandrinum 78 [Mithridates of Pergamon and Caesar's Bosporan plans. On the interpretation of Bellum Alexandrinum 78].

REFERENCES

1. Bokshchanin, A.B., 1966. Parfiya i Rim. Ch. 2 [Parthia and Rome. Part 2]. Moskva. (in Russ.)
2. Veselago, E.B., 1960. Nikolai Damasskiy [Nicolaus of Damascus], Vestnik drevnei istorii, no. 3, pp. 235-244. (in Russ.)
3. Vinogradov, Yu.G., 1989. Politicheskaya istoriya Ol'viiskogo polisa [Political history of the polis of Olbia]. Moskva. (in Russ.)
4. Debevoise, N.C., 2008. Politicheskaya istoriya Parfii [A political history of Parthia]. Sankt-Peterburg. (in Russ.)
5. Egorov, A.B., 2006. Poslednie plany Tsezarya (k probleme rimskogo globalisma) [Caesar's last plans (to the problem of Roman globalism)]. In: Mnemon. Issledovaniya i publikatsii po istorii antichnogo mira. Vyp. 5. Sankt-Peterburg, pp. 77-94. (in Russ.)
6. Egorov, A.B., 2014. Yuliy Tsezar': politicheskaya biografiya [Julius Caesar: a political biography]. Sankt-Peterburg. (in Russ.)
7. Zlatkovskaya, T.D., 1955. Plemennoy soyuz getov pod rukovodstvom Birebisty (I v. do n.e.) [Tribal union of geth under the leadership

In: *E fontibus haurire: Beiträge zur römischen Geschichte und zu ihren Hilfswissenschaften*. Paderborn, pp. 63-79. (in German)

22. Hillmann, T.P., 1996. *Pompeius ad Parthos?* [Pompeius ad Parthos?], *Klio*, Vol. 78, pp. 380-399. (in German)

23. Holmes, T.R., 1928. *The Roman Republic and the founder of empire*. Vol. 3. Oxford.

24. Laqueur, R., 1936. *Nicolaos von Damaskos* [Nicolaus of Damascus]. In: *Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft*. HBd. 33. Stuttgart, pp. 362-424. (in German)

25. Lerouge, Ch., 2007. *L'image des Parthes dans le monde gréco-romain. Du début du Ier siècle av. J.-C. jusqu'à la fin du Haut-Empire romain* [The image of the Parthians in the Greco-Roman world. From the beginning of the 1st century BC until the end of the High Roman Empire]. Stuttgart. (in French)

26. Losehand, J.M.S., 2005. *Die letzten Tage des Pompeius* [The last days of Pompey]. Dissertation. Universität Wien. (in German)

27. Malitz, J., 1984. *Caesars partherkrieg* [Caesar's Parthian war], *Historia*, Vol. 33, pp. 21-59. (in German)

28. McDermott, W.C., 1982-1983. *Caesar's projected Dacian-Parthian expedition*. *Ancient Society*, Vol. 13-14, pp. 223-231.

29. Meier, Ch., 1986. *Caesar* [Caesar]. München. (in German)

30. Meyer, Ed., 1922. *Caesars Monarchie und das Principat des Pompeius* [Caesar's monarchy and the principate of Pompey]. Berlin. (in German)

31. Niese, B., 1887. *Straboniana* [Straboniana]. *Rheinisches Museum für Philologie*, Vol. 42, pp. 563-602. (in German)

32. Pârvan, V., 1926. *Getica, o protoistorie a Daciei* [Getica, a protohistory of Dacia]. București. (in Romanian)

33. Pelling, Ch., 2012. *Commentary*. In: *Plutarch. Caesar*. Oxford.

34. Rawlinson, G., 1873. *The sixth great oriental monarchy, or the geography, history, antiquities of Ancient Parthia*. New York.

35. Schwartz, E., 1898. *Die Vertheilung der Roemischen Provinzen nach Caesars tod* [The distribution of the Roman provinces after Caesar's death], *Hermes*, Vol. 33, no. 2, pp. 185-244. (in German)

36. Sullivan, R.D., 1990. *Near Eastern royalty and Rome, 100-30 B.C.* Toronto; Buffalo; London.

37. Timpe, D., 1962. *Die Bedeutung der Schlacht von Carrhae* [The meaning of the Battle of Carrhae], *Museum Helveticum*, Vol. 19, pp. 104-129. (in German)

38. Townend, G.B., 1983. *A clue to Caesar's unfulfilled intentions*. *Latomus*, Vol. 42, no. 3, pp. 601-606.

39. Vădan, P., 2008. *Pattern of continuity in Geto-Dacian foreign policy under Burebista*. *Hirundo: The McGill Journal of Classical Studies*, Vol. 6, pp. 69-86.

40. Wolski, J., 1993. *L'Empire des Arsacides* [The Empire of Arsacids]. Louvain: Peeters. (in French)

А.В. Короленков*

АРМИЯ В ГОДЫ ПЕРВОЙ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В РИМЕ

В статье рассматриваются особенности позиции армии в первой гражданской войне в Риме. Армия начала играть гораздо большую роль в римской политике. Так называемые клиентские армии стали опорой многих римских военачальников: именно они выказывали наибольшую боеспособность и устойчивость. Но и новобранцы проявляли неслыханное прежде своеволие. Однако превращение армии в самостоятельную политическую силу было еще впереди.

Ключевые слова: гражданская война, Рим, римская армия, Сулла, Помпей Страбон

The army in the years of the first civil war in Rome. ANTON V. KOROLENKOV (State Academic University for the Humanities)

The article explores the position of army in the first civil war in Rome, when it started to play much more important role in the Roman politics. So-called client armies became the backbone of many military leaders: it was them who demonstrated the greatest combat power and stability. Though it must be noted that the new recruits showed unprecedented willfulness. However the transformation of the Roman army into an independent political power was yet to come.

Keywords: civil war, Rome, Roman army, Sulla, Pompey Strabo

Гражданская война 88-82 гг. (здесь и далее – до н.э.) в Риме началась с военного мятежа, который подняли Сулла и его солдаты. Это был не первый случай вмешательства солдат в политическую жизнь, однако на сей раз оно приняло крайние формы [19, р. 188]. В историографии долгое время бытовало мнение о том, что реформа Мария привела к профессионализации римской армии и сделала «возможными гражданские войны, закончившиеся лишь с установлением принципата» [16, р. 133]¹. Однако процесс этот завершился намного позже начала гражданских войн, уже в эпоху Империи [20, р. 385-386], а потому преувеличивать

значение реформы Мария в этом отношении не стоит – нет никаких оснований считать, что малоимущие составляли большинство в армии и имели какие-то особые интересы, не говоря уже о лоббистском ядре, чтобы эти интересы отстаивать [15, р. 24-28]². Кроме того, даже если воины владели земельными участками, ничто не мешало им добиваться новых, тем более что многие имели двух и более сыновей, которые при дроблении надела могли оказаться в очень стесненном положении.

Однако то, что войско не стало «пролетарским», не означает, что оно не могло изменить свое отношение к полководцу и государству –

¹ Теория эта восходит еще к Т. Моммзену [18, р. 195-197].

² Даже в речи у Саллюстия (Iug. 85) Марий апеллирует не к чувствам «профи», а к патриотизму катоновского толка [20, р. 129].

* КОРОЛЕНКОВ Антон Викторович, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Государственного академического университета гуманитарных наук.

E-mail: sallust@list.ru

© Короленков А.В., 2018

другое дело, насколько это связано именно с реформой Мария, а не общей политической эволюцией вообще и условиями смуты в частности. Речь идет о возникновении так называемых клиентских армий. В историографии этот вопрос обсуждался неоднократно, высказывалось немало возражений, однако противники точки зрения о существовании военной клиентелы и «клиентских армий» оказались в меньшинстве³. Они появились в годы Союзнической войны – ими стали армии Суллы и Помпея Страбона [5, р. 228 + п. 7]⁴. Первая оставалась под командованием до окончания гражданской войны и последующего ее роспуска, вторая – до смерти полководца. Другими такого рода формированиями были армии Метелла Пия, Помпея, Красса. Во многом это относится и к войску Мария в 87 г. Все это свидетельствует о том, что речь идет уже не о единичных случаях, а о системе. Причем именно эти армии – что, впрочем, неудивительно – были наиболее устойчивы и боеспособны, и именно то, что большинство их держало сторону врагов Суллы, обеспечило ему победу.

³ Аргументы Н. Рулана, оспаривающего понятие военной клиентелы, убедительно опроверг А.В. Махлаюк [1, с. 42-44]. А. Кивни, возражая против теории «клиентских армий», все же признал, что таковые существовали, назвав армии Помпея, Метелла Пия, Красса [15, р. 30-33], которые относятся как раз к интересующему нас периоду. Исключать из числа таковых армии Суллы и Помпея Страбона вряд ли обоснованно, ибо это ведет к неоправданному сужению понятия «клиентская армия».

⁴ К. Крист, развивая точку зрения Плутарха (Sulla 6.17), вполне серьезно рассматривает эпизод с убийством А. Постумия Альбина, за которое Сулла не наказал виновных, как важный этап в складывании новых отношений между ним и войском [9, р. 77], а С. Дж. Крисантос называет весь инцидент «поворотным пунктом в истории римских военных мятежей» [8, р. 51]. Однако нельзя исключить, что в чрезвычайных условиях Союзнической войны это так не воспринималось, тем более что большинство виновных могло просто погибнуть в ближайших боях – вполне вероятно, что Сулла, предоставив им шанс искупить содеянное кровью (Plut. Sulla 6.16; Oros. V. 16. 22), использовал их, говоря современным языком, как штрафной батальон. Явно ошибочным выглядит предположение К. Амидани о том, что современники видели в этом угождение войску в видах возможного назначения на Восток [3, р. 91-92] – Плутарх (Sulla 6.17) приписывает подобные мысли лишь самому Сулле, да и то вряд ли основательно. Еще более фантастично предположение Э.Т. Сэлмона о том, что Сулла подстрекал воинов убить Постумия [23, р. 366].

Важным показателем изменившегося морального состояния войск являлись умножившиеся солдатские мятежи, с одного из которых и началась сама гражданская война. И если в «клиентских армиях» они вспыхивали потому, что воины желали сохранить собственного полководца, то солдаты, призванные лишь недавно по набору, поднимали бунт, чтобы сменить существующего. Примерами первого являются события в легионах Суллы и Помпея Страбона, второго – в войсках Флакка и Цинны. Была и еще одна форма солдатского своеволия, особенно характерная как раз для гражданских войн – переход на сторону неприятеля, впервые произошедший в 87 г., когда легион Аппия Клавдия поддержал Цинну, покинув своего командира. Затем аналогичные случаи имели место в армиях Фимбрии, Сципиона, Карбона, Мария Младшего [17, р. 36-37, 100, 118-119, 124, 127 (с указанием источников)]. Однако и «клиентские армии» не были полностью застрахованы от этого – во время осады Рима воины Метелла Пия начали братание с циннанцами (Gran. Lic. 23F), что могло кончиться и сменой фронта, да и войско Фимбрии, которое вполне можно считать уже его собственной армией, легко перешло на сторону Суллы, когда сочло это более выгодным. При этом следует учесть одно обстоятельство: Р. Олстон отмечает, что воинам, прослужившим уже какое-то время вместе, было проще осознать свои интересы, примером чего является армия того же Цезаря [2, р. 33]. Между тем воины марианских легионов, бунтовавшие против своих командиров, сплошь и рядом были еще новобранцами, но свои интересы уже осознавали, коль скоро боролись за них таким образом. Дело, видимо, в характере целей: ни в одном случае солдаты марианских армий не выдвигали экономических требований, столь популярных у воинов Цезаря⁵. Последние явно договаривались между собой о том, чего они ждут от *sestitutio*, причем при удовлетворении их пожеланий они изъявляли готовность прекратить мятеж. Требования же солдат марианских армий были не таковы, чтобы военачальники могли их выполнить – это либо отказ воевать, либо стремление перейти на сторону врага⁶. Т.е. они отличались большей примитивностью,

⁵ Это обстоятельство стоило бы учесть Р. Олстону, который ставит в один ряд мятежи воинов марианских легионов и Цезаря [2, р. 32].

⁶ Всего на сторону Суллы и его военачальников, если верить источникам, в 83-82 гг. перешло примерно 18 марианских легионов [29, р. 18-20].

что делало несложным их усвоение основной массой солдат, даже не осознавших себя еще в должной мере единым коллективом.

Весьма примечательно, что изменение роли армии далеко не сразу стало понятно современникам. Марию, который *mutatis mutandis* немало сделал для изменения характера армии, и в голову не пришло открыто использовать ее в борьбе за свое положение, хотя его ветераны в 100 г. сыграли заметную роль в политической борьбе – первым это сделал его враг Сулла [15, р. 94] (см. также: [20, р. 147; 26, р. 17, п. 1]⁷, да и то лишь оказавшись в очень тяжелом положении. И даже он при принятии решения о передаче армии Помпея Страбона своему коллеге по консулату не подумал о собственном примере, который он явил, отказавшись уступить командование Марию [11, р. 84]. Объясняется это, видимо, не только силой инерции, но и вероятной уверенностью Суллы в принципиальной разнице ситуаций – его самого отстранили от командования *per vim*, тогда как на сей раз решение принято законным порядком. Отметим одно важное отличие от случая со взятием Рима: если Сулла, пусть и в нарушение всех норм, брал город, ссылаясь на то, что решение о его отстранении незаконно, поскольку принято под давлением (насколько это соответствовало действительности – вопрос отдельный), то люди Помпея Страбона убили консула безо всяких ссылок на закон, это стало открытым обращением к праву сильного. При этом вряд ли можно считать, «что Помпей Страбон, как думают некоторые, обнаружил скрытый потенциал своей армии до Суллы или, во всяком случае, выступал как его подражатель» [15, р. 79].

У нас очень мало сведений о том, как именно предводители «клиентских армий» обеспечивали их преданность. Плутарх рассуждает в связи с реквизицией храмовых сокровищ Суллой, который сравнивается с Титом Фламинием, Ацилием Глабрионом и Эмилием Павлом, которые их не тронули: «Ведь они в согласии с законом распоряжались людьми воздержными, привыкшими беспрекословно повиноваться начальствующим [...], а лезть войску почитали более позорной, нежели страх перед врагом; теперь же полководцы добивались первенства не доблестью, а насилием, и, нуждаясь в войске

больше для борьбы друг против друга, чем против врагов, вынуждены были, командуя, заискивать перед подчиненными и сами не заметили, как, бросая солдатам деньги на удовлетворение их низменных потребностей и тем покупая их труды, сделали предметом купли-продажи и самое родину, а желая властвовать над лучшими, оказались в рабстве у худших из худших» (Sulla 12. 9-13. Пер. В.М. Смирин). Однако здесь, как резонно замечает А. Кивни, Плутарх явно переносит на 80-е гг. реалии эпохи триумвиров⁸, когда уже отношения между солдатами и военачальниками были совсем иными и первые диктовали свои условия вторым, Сулла же являлся полновластным хозяином армии⁹, с солдатскими бунтами придется столкнуться Цезарю (см. [14, р. 298-300; 15, р. 5-6, 30]).

Бесспорно, обильная добыча поддерживала симпатии солдат к полководцу¹⁰, но одной ее было вряд ли достаточно – как известно, Эмилий Павел, давший воинам разграбить Эпир, популярностью у них не пользовался (Liv. XLV. 34. 1-7; Plut. Aem. 30.4). Репутация военачальника основывалась на разных составляющих, которые сформулировал Цицерон: «Истинный полководец (*summus imperator*) должен обладать следующими четырьмя дарами: знанием военного дела, доблестью, авторитетом, удачливостью (*scientia rei militaris, virtus, auctoritas, felicitas*)» (De imp. Pomp. 28. Пер. В.О. Горенштейна). Бесспорно, всеми этими качествами Сулла обладал, продемонстрировав их еще в Союзническую войну. К ним, несомненно, нужно добавить еще одно – умение находить общий язык с солдатами и центурионами (об этом Цицерон, естественно, умолчал, поскольку оно не

⁸ В то же время А. Кивни преувеличивает, считая, что Плутарх в Sulla 14 показывает, будто воины любили Суллу за разрешение грабить [12, р. 270] – в 14.5 сказано лишь о разрешении делать это, но не о любви солдат к полководцу.

⁹ Л. де Блау со ссылкой как раз на Plut. Sulla 12 пишет, что Сулле приходилось покупать преданность солдат [7, р. 18], что, несомненно, является упрощением. Проецирует этот пассаж на ситуацию 80-х гг. и Э. Вальджильо [25, р. 16]. Поэтому распространное мнение, что здесь Плутарх излагает последствия реформы Мария [4, р. 349; 10, р. 378; 26, р. 65], более чем спорно.

¹⁰ Ф. Сантанджело предполагает, что именно желание обеспечить воинов добычей делало для Суллы невозможным соглашение с властями Афин в 86 г. [23, р. 40]. Не исключено, что это было одной из причин неуступчивости Суллы и накануне его вторжения в Италию при переговорах с марианцами.

⁷ По мнению Р. Олстона, использование Суллой воинов было беспрецедентным не в принципе, а по масштабам [2, р. 32]. Стоило бы также отметить, что и в организационном отношении армия выступила здесь именно как армия, а не отряды ветеранов, причем даже в пределах померия она не сложила оружия.

укладывалось в рамки образа сурового полководца, добывающегося беспрекословного выполнения своих приказов). Наглядным примером этого стала речь Суллы к воинам накануне похода на Рим в 88 г., когда и он, и его воины прекрасно поняли друг друга (App. BC. I. 57. 252)¹¹. Другой случай такого рода (даже два) мы наблюдаем накануне высадки в Италии: по словам Плутарха, солдаты по собственной инициативе (ἄφ' αὐτῶν) поклялись не покидать своего предводителя¹² и обещали не чинить насилий в Италии¹³, а заодно предложили ему свои сбережения, считая, что он нуждается в деньгах (Plut. Sulla 27. 5-6)¹⁴. Полководец поблагодарил воинов, но отказался принять, как выразился Дж. Бэйкер, «материальное выражение их лояльности» [6, р. 239]¹⁵. Почему же Сулла так поступил? Весьма вероятно, что он не хотел иметь лишних обязательств перед воинами. К тому же столь красивый жест еще больше поднимал его в глазах солдат. Что же касается клятвы не чинить насилий в Италии, то воины соблюдали ее, судя по источникам, до тех пор, пока Сулла после срыва соглашения со Сципионом не начал разорять неприятельскую территорию (App. I. BC. 86. 389).

Однако отношения будущего диктатора с армией не всегда были безоблачными. В частности, ему пришлось оправдываться перед солдатами, возмущенными Дарданским миром,

¹¹ Это, однако, не значит в буквальном смысле, как думает А. Кивни, будто воины поверили, когда Сулла им говорил, что они идут освобождать город от тиранов [14, с. 301] – естественно, их занимало не столько избавление Рима от тирании, сколько обеспечение собственных интересов.

¹² По-видимому, речь идет о *sacramentum* [10, р. 438, п. 611].

¹³ Как замечает при этом В. Шур, воины «знали, что он (Сулла – прим. авт.) после победы так или иначе позаботится о них» [25, р. 158]. Мысль самоочевидная, но от этого не менее справедливая.

¹⁴ Речь могла идти либо о недоразумении, либо о краткосрочной нехватке средств (например, из-за задержки с доставкой денег из Азии), в целом же финансовое положение Суллы благодаря военной добыче, реквизициям храмовых сокровищ и понтийской контрибуции было прочным, и в займах у воинов он не нуждался [4, р. 376-377; 10, р. 438-439, п. 613; 25, р. 153, Anm. 2]. Более того, он, судя по всему, впервые в римской истории стал чеканить ауреи для уплаты жалованья воинам [21, р. 193, п. 235].

¹⁵ Здесь напрашивается параллель с Цезарем, который, напротив, сделал заем у центурионов, чтобы еще больше привязать их к себе (Caes. BC. I. 39. 4; см. также: Suet. Iul. 68.1).

прибегая к измышлениям о возможном союзе между Митридатом и Фимбрией в случае, если бы договор с царем Понта не был заключен (Plut. Sulla 24.7)¹⁶. Примечательно также, что Сулла, если верить Плутарху, собираясь перевезти воинов в Италию, боялся, как бы, достигнув ее берегов, его воины не разошлись по домам¹⁷ – для этого и понадобилась клятва¹⁸, о которой только что шла речь. Но важно, что в обоих случаях все обошлось для полководца благополучно – даже если инициатива присяги исходила от воинов лишь отчасти (Сулла мог их подтолкнуть к этому умело выстроенной речью, как и в случае с походом на Рим), это мало что меняет.

Примечательно поведение солдат Помпея Страбона: после смерти своего полководца они не разбрелись и не предложили свои услуги на выгодных условиях неприятелю, но пожелали, чтобы ими командовал более достойный полководец, нежели консул Октавий, не пользовавшийся их уважением, и перешли на сторону врага лишь после того, как им отказали (Plut. Mar. 42.5-6). Несомненно, само такое требование резко противоречило римской традиции и свидетельствовало о серьезных переменах в психологии воинов, но также говорило и о том, что они руководствовались в своем поведении не только сугубо материальными соображениями – налицо проявление корпоративного сознания и, если угодно, самоуважения.

¹⁶ Лживость подобных рассуждений признает даже симпатизирующий Сулле А. Кивни [13, р. 89].

¹⁷ Предполагается, что этот эпизод восходит к мемуарам Суллы [10, р. 438, п. 611; 26, р. 126]. Однако допустим и другой источник, например, труд Корнелия Сисенны – ведь свои сомнения в верности воинов Сулла мог изложить в речи, как бы приглашая солдат опровергнуть их. А. Кивни видит в опасениях Суллы доказательство того, что будущий диктатор вовсе не баловал армию, чтобы потом использовать ее для похода на Рим [14, р. 298]. Но, строго говоря, первый поход на город к тому времени уже состоялся, да и не вполне ясно, насколько серьезны были опасения – к 83 г. воины Суллы уже более чем достаточно продемонстрировали ему свою лояльность, и он мог попросить ее подтверждения, что называется, на всякий случай.

¹⁸ По мнению С. Фанг, это была одна из первых клятв такого рода (еще раньше подобную присягу принесли воины Цинны: (App. BC. I. 66. 301)) – воины дали ее лично полководцу [21, р. 119]. Однако и прежде они приносились именно полководцу, а не государству, ибо последнее означало бы в глазах римлян присягать на верность самим себе [15, р. 72-73] (также см. [27, р. 43, п. 95], где эта клятва не выделяется из ряда других, более ранних).

Своим «правом» на более «достойного» предводителя воспользовались и солдаты Валерия Флакка. Сначала они взбунтовались против него, предпочтя ему талантливому и удачливому Фимбрию, к тому же не обделявшего их добычей, но когда им пришлось столкнуться с превосходящими силами Суллы, они спокойно перешли на его сторону. Не случайно тот оставил Фимбриани в Азии (Plut. Luc. 7. 1-2; App. Mithr. 64.265), поскольку быть уверенным в их верности или хотя бы управляемости в схватке за Италию, естественно, не мог; сомнительно, во всяком случае, что они проявили бы ту сдержанность во время марша по Южной Италии, которая была призвана обеспечить (и наверняка обеспечила) Сулле симпатии, а то и поддержку многих жителей Апеннинского полуострова.

Таким образом, во время первой гражданской войны армия, что вполне естественно, стала играть намного более важную роль в римской политике, чем прежде, осознав себя как политическая сила. Тем не менее, она еще не заставляла политиков подчиняться в такой степени, как то произойдет во времена второго триумvirата. «Клиентские армии» стали опорой многих военачальников, и именно они демонстрировали наибольшие боеспособность и устойчивость. При этом и воины, призванные по набору, также стали проявлять неслыханное прежде своеволие, о чем говорят убийство Цинны и неоднократные переходы на сторону неприятеля. Превращение же армии в самостоятельную политическую силу было еще впереди.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Махлаюк А.В. Войсковая клиентела в позднеереспубликанском и раннеимперском Риме // Вестник древней истории. 2005. №3. С. 36-57.
2. Alston, R., 2002. The role of the military in the Roman revolution. *Aquila legionis*, Vol. 3, pp. 7-41.
3. Amidani, C., 1994. L'assassinio di A. Postumio Albino e l'assegnazione del commando mitridatico a L. Cornelio Silla. *Aevum*, Vol. 68, pp. 89-94.
4. Angeli Bertinelli, M.G., 1997. Introduzione e commento alla biografia di Sulla. In: Plutarco. *Le Vite di Lisandro e di Silla*. Milano, pp. XXI-XXXVII, 289-418.
5. Badian, E., 1958. *Foreign clientelae (264-70 B.C.)*. Oxford.
6. Baker, G.P., 1927. *Sulla the Fortunate: Roman general and dictator*. London.
7. de Blois, L., 2000. Army and society in the Late Roman Republic: professionalism and the role of the military middle cadre. In: Alföldy, G., Dobson, B. and Eck, W. eds., 2000. *Kaiser, Heer und Gesellschaft in der Römischen Kaiserzeit*. Stuttgart, pp. 11-31.
8. Chrissanthos, S.J., 1999. *Seditio: mutiny in the Roman Army 90-40 B.C.* PhD dissertation. University of Southern California.
9. Christ, K., 2002. *Sulla. Eine römische Karriere*. München.
10. Ghilli, L., 2001. *Commento (alla biografia di Silla)*. In: Plutarco. *Vite parallele*. Lisandro. Silla. Milano, pp. 300-514.
11. Keaveney, A., 1983. What happened in 88? *Eirene*, Vol. 20, pp. 53-86.
12. Keaveney, A., 2001. *Introduzione (alla biografia di Silla)*. In: Plutarco. *Vite parallele*. Lisandro. Silla. Milano, pp. 247-274.
13. Keaveney, A., 2005. *Sulla: the last Republican*. London; New York: Routledge.
14. Keaveney, A., 2005. Sulla the Warlord and other mythical beasts. In: de Blois, L. et al. eds., 2005. *The statesman in Plutarch's works*. Vol. II. Leiden; Boston, pp. 297-302.
15. Keaveney, A., 2007. *The army in the Roman revolution*. London; New York: Routledge.
16. Last, H., 1932. The significance of the Jugurthine war. In: *The Cambridge Ancient History*, Vol. IX. Cambridge, pp. 201-210, 264-272.
17. Lovano, M., 2002. *The age of Cinna: crucible of late Republican Rome*. Stuttgart.
18. Mommsen, Th., 1881. *Römische Geschichte*. Bd. II. Berlin.
19. Nicolet, C., 1976. *Le métier de citoyen dans la Rome républicaine*. Paris.
20. Nicolet, C., 1988. *The world of the citizen in Republican Rome*. Berkeley: University of California Press.
21. Phang, S.E., 2008. *Roman military service ideologies of discipline in the late Republic and early Principate*. Cambridge; New York.
22. Salmon, E.T., 1967. *Samnium and Samnites*. Cambridge.
23. Santangelo, F., 2007. *Sulla, the elites and the Empire: a study of Roman policies in Italy and the Greek East*. Leiden; Boston.
24. Schur, W., 1942. *Das Zeitalter des Marius und Sulla*. Leipzig.
25. Valgiglio, E., 1956. *Silla e la crisi repubblicana*. Firenze.
26. Valgiglio, E., 1960. *Plutarco. Vita di Silla*. Torino.

27. Ward, G.A., 2012. Centurions: the practice of Roman officership. PhD dissertation. University of North Carolina.

28. Wiehn, E., 1926. Die illegalen Heereskommanden in Rom bis auf Caesar. Marburg.

REFERENCES

1. Makhlayuk, A.V., 2005. Voyskovaya klientela v pozdnerespublikanskom i ranneimperskom Rime [Military clientele in Rome of the late Republican and early Imperial periods], Vestnik drevney istorii, no. 3, pp. 36-57. (in Russ.)

2. Alston, R., 2002. The role of the military in the Roman revolution. Aquila Legionis, Vol. 3, pp. 7-41.

3. Amidani, C., 1994. L'assassinio di A. Postumio Albino e l'assegnazione del comando mitridatico a L. Cornelio Silla [The assassination of A. Postumio Albino and the transfer of the command to Cornelius Sulla]. Aevum, Vol. 68, pp. 89-94. (in Italian)

4. Angeli Bertinelli, M.G., 1997. Introduzione e commento alla biografia di Sulla [Introduction and commentary to the Life of Sulla]. In: Plutarco. Le Vite di Lisandro e di Silla. Milano, pp. XXI-XXXVII, 289-418. (in Italian)

5. Badian, E., 1958. Foreign clientelae (264-70 B.C.). Oxford.

6. Baker, G.P., 1927. Sulla the Fortunate. Roman general and dictator. London.

7. de Blois, L., 2000. Army and society in the Late Roman Republic: professionalism and the role of the military middle cadre. In: Alföldy, G., Dobson, B. and Eck, W. eds., 2000. Kaiser, Heer und Gesellschaft in der Römischen Kaiserzeit. Stuttgart, pp. 11-31.

8. Chrissanthos, S.J., 1999. Seditio: mutiny in the Roman Army 90-40 B.C. PhD dissertation. University of Southern California.

9. Christ, K., 2002. Sulla. Eine römische Karriere [Sulla. A Roman career]. München. (in German)

10. Ghilli, L., 2001. Commento (alla biografia di Silla) [Comments to the Life of Sulla]. In: Plutarco. Vite parallele. Lisandro. Silla. Milano, pp. 300-514. (in Italian)

11. Keaveney, A., 1983. What happened in 88? Eirene, Vol. 20, pp. 53-86.

12. Keaveney, A., 2001. Introduzione (alla biografia di Silla) [Introduction to the Life of Sulla]. In: Plutarco. Vite parallele. Lisandro. Silla. Milano, pp. 247-274. (in Italian)

13. Keaveney, A., 2005. Sulla: the last Republican. London; New York: Routledge.

14. Keaveney, A., 2005. Sulla the Warlord and other mythical beasts. In: de Blois, L. et al. eds., 2005. The statesman in Plutarch's works. Vol. II. Leiden; Boston, pp. 297-302.

15. Keaveney, A., 2007. The army in the Roman revolution. London; New York: Routledge.

16. Last, H., 1932. The significance of the Jugurthine war. In: The Cambridge Ancient History, Vol. IX. Cambridge, pp. 201-210, 264-272.

17. Lovano, M., 2002. The age of Cinna: crucible of late Republican Rome. Stuttgart.

18. Mommsen, Th., 1881. Römische Geschichte [The history of Rome]. Vol. II. Berlin. (in German)

19. Nicolet, C., 1976. Le métier de citoyen dans la Rome républicaine [The job of citizen in Republican Rome]. Paris. (in French)

20. Nicolet, C., 1988. The world of the citizen in Republican Rome. Berkeley: University of California Press.

21. Phang, S.E., 2008. Roman military service ideologies of discipline in the late Republic and early Principate. Cambridge; New York.

22. Salmon, E.T., 1967. Samnium and Samnites. Cambridge.

23. Santangelo, F., 2007. Sulla, the elites and the Empire: a study of Roman policies in Italy and the Greek East. Leiden; Boston.

24. Schur, W., 1942. Das Zeitalter des Marius und Sulla [The age of Marius and Sulla]. Leipzig. (in German)

25. Valgiglio, E., 1956. Silla e la crisi repubblicana [Silla and the republican crisis]. Firenze. (in Italian)

26. Valgiglio, E., 1960. Plutarco. Vita di Silla [Plutarch. The Life of Sulla]. Torino. (in Italian)

27. Ward, G.A., 2012. Centurions: the practice of Roman officership. PhD dissertation. University of North Carolina.

28. Wiehn, E., 1926. Die illegalen Heereskommanden in Rom bis auf Caesar [The illegal army commanders in Rome except Caesar]. Marburg. (in German)

И.Г. Гурин*

ШКОЛА В ОСКЕ И ПОЛИТИКА СЕРТОРИЯ
В ЦЕНТРАЛЬНОЙ ИСПАНИИ

В статье рассматривается сюжет о создании Серторием в городе Оска в центральной Испании школы для детей местной знати. Анализируя данные источников, автор показывает, что в центральной Испании Серторий стремился к союзу только с местной аристократией.

Ключевые слова: Серторий, Рим, Испания, местная аристократия

The school in Osca and the politics of Sertorius in Central Spain. IGOR G. GURIN (Samara National Research University)

The article is devoted to the establishment of a school for children of local nobility in Osca, a city in Spain, by Quintus Sertorius. Analyzing various sources, the author shows that Sertorius sought a union only with the local aristocracy in central Spain.

Keywords: Sertorius, Rome, Spain, local aristocracy

С тех пор как в конце XVI в. вышел знаменитый труд по истории Испании Х. Марианы, бывший на протяжении веков главным источником знания по испанской истории, в том числе древней, не только для жителей Пиренейского полуострова, но и за его пределами [2, с. 515], упоминающийся в нем сюжет о созданной Серторием в городе Оска школы [45, р. 98], где дети туземной знати получали греко-римское образование, обычно содержится как в научных работах, специально посвященных Серторианской войне, так и в более общих трудах, в которых события этой войны упоминаются.

Специальные труды, посвященные этой школе, отсутствуют, за исключением работ, связанных с творчеством Плутарха, который единственный и сообщает об этом событии (Plut. Sert. 14. 3-4), но в этих работах вопросы политической истории не исследуются [48, р. 282-291].

При этом в исторических трудах последние проблемы в основном только затрагиваются. Но и в них историки, вслед за Плутархом, помимо простого упоминания о событии, концентрируют внимание на самом факте изучения учениками латыни и греческого языка, а также на восторженном отношении их отцов к этому обучению и римскому облику своих детей [4, с. 19; 15, р. 61, 131; 17, р. 99-101, 106; 19, р. 123-124; 20, р. 145; 24, р. 187; 33, р. 144; 30, р. 20; 39, р. 25; 40, р. 394; 44, р. 100; 45, р. 98; 48, р. 282-291; 47, р. 141; 49, р. 80; 50, р. 169].

Наибольший интерес вызывает следующее обстоятельство. Ученики школы носили *toga praetexta*, а после того, как вырастут, должны были получить *ius romanum* и *ius honorum* (Plut. Sert. 14. 3), т.е. права римского гражданства и права занимать выборные должности, что означало предоставление им прав всаднического сословия римских граждан [10, р. 225-226; 16, р. 190].

* ГУРИН Игорь Геннадьевич, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории, международных отношений и документоведения Самарского национального исследовательского университета им. академика С.П. Королева.

E-mail: ig-gurin@yandex.ru

© Гурин И.Г., 2018

Х. Берве считает, что Серторий не мог обещать своим туземным приверженцам такие привилегии, ибо для позднеереспубликанского времени это было явлением нереальным, и впервые нечто подобное имело место только в середине I в. н.э., когда император Клавдий даровал подобное право провинциалам в Галлии. Он склонен относиться к этим действиям Сертория как к чему-то несерьезному [10, р. 216, 225-226].

Ф. Спанн утверждает, что невозможно поверить, чтобы Серторий в ходе гражданской войны серьезно занимался закладкой основ антиримского движения в Испании или утверждения просвещенного варианта правления провинциями. Дарование учащимся права надеть *toga praetexta* – это эксплуатация доверчивости туземцев и грубый обман [50, р. 167-168].

Дж. Гаджеро считает, что учащиеся были прежде всего заложниками, но не исключено, что со временем они могли использоваться на государственной службе, получить римское гражданство и *ius honorum*. Это было туманной перспективой на будущее, воспринимавшееся туземной знатью как ближайшее [20, р. 145-146].

А.В. Короленков поддерживает мнение Берве и добавляет, что Серторий, возможно, и хотел дать права некоторым испанцам *ius honorum*, но он не мог не понимать, что римское общество еще не готово к столь неслыханному нововведению. Автор согласен с Дж. Гаджеро в том, что предоставление ученикам школы *ius romanum* и *ius honorum* было лишь туманной перспективой [3, с. 180-184].

По мнению Ю.Б. Циркина, в самом образовании школы и даже в одежде детей чувствовалась изрядная доля демагогии, тем более что дети служили и заложниками. Но и в этом случае школу надо рассматривать в свете испанской политики Сертория: он как бы показывал местной аристократии те возможности, которые она получит в случае его победы. Не исключено, что он серьезно рассчитывал сделать из этих юношей в будущем свою опору в провинции. Эта школа была важным признаком интеграции испанской аристократии в римский образ жизни [5, с. 256-257].

Цель мероприятия вслед за Плутархом (Plut. Sert. 14. 3) определяется обычно как стремление взять заложников под видом учеников [20, р. 145; 24, р. 187; 30, р. 20; 33, р. 144; 45, р. 98; 49, р. 80; 47, р. 141; 50, р. 169; 48, р. 283]. О происхождении учеников обычно пишут просто как о знати Испании [3, с. 180; 5, с. 256; 10,

р. 216, 225-226; 20, р. 145-146; 40, р. 394]. Ф. Спанн и И. Шерр считают (или допускают), что большинство учащихся должны были быть выходцами со среднего и нижнего Эбро, из романизированных до некоторой степени городов и из семей, приверженных римскому образу жизни [48, р. 282; 50, р. 167-168].

Однако ученики школы были казнены или проданы в рабство после того, как серторианцы потеряли центральную Испанию. Это произошло в том числе и потому, что против них вспыхнули восстания местного населения [1, с. 196-212]. Это показывает, кого Серторий считал виновными в данных восстаниях, а также указывает на то, что учащиеся школы были детьми знати центральной Испании.

В рассматриваемую эпоху очень сильно романизированы были южная, юго-восточная, восточная и северо-восточная Испания, долина Эбро [31, р. 124-136; 32, р. 149, 162-164; 32, р. 402; 38, р. 252; 18, р. 179-203; 9, р. 27; 8, р. 402-408; 14, р. 107-120; 42, р. 121-123; 28, р. 28-29; 27, р. 194-202; 7, р. 55; 13, р. 30; 23, р. 470-486]. По сравнению с ними центральная Испания была очень бедным, отсталым и слабо развитым в экономическом и культурном плане регионом, хотя здесь имелись и относительно развитые области [12, р. 42-48, 83; 11, р. 83, 213-216, 225-228, 232; 34, р. 107-108; 36, р. 23-41; 26, р. 64-88]. Главной чертой политической организации было наличие сильной знати, реально господствующей в своих общинах и образовывавшей изолированную от остального общества группу [5, с. 192-198; 11, р. 83, 215-216, 221, 232; 12, р. 42-48, 83]. На юге уже довольно широко распространялось римское гражданство [7, р. 55; 27, р. 194-202; 28, р. 28-29], причем некоторые туземцы включались в сословие всадников [27, р. 210].

В центральной Испании со II в. тоже шел процесс романизации, но он затронул лишь аристократию [29, р. 431-436; 35, р. 145; 41, р. 1141-1148; 46, р. 61-63]. Римское гражданство широко распространилось среди этого слоя также со II в. [6, р. 102]. Таким образом, ничего неслыханного в предоставлении испанцам римского гражданства не было, в том числе и в центральной Испании.

Почему-то традиционно не обращается должного внимания на другой факт – ученики носили тоги и буллы (Plut. Sert. 14). Тога – не просто римская одежда, но отличительная черта римлян, сам термин *togati* был обычным обозначением римских граждан, *toga praetexta* –

одежда римских подростков 14-16 лет [25, р. 1652-1660; 43, р. 1662]. Буллы – особые золотые украшения, которые могли носить первоначально только дети патрициев, позднее сенаторов, однако уже довольно рано, по Плинию Старшему, с самого начала, это право получили дети всаднических семей и, наконец, дети всех свободнорожденных римских граждан [37, р. 1048-1049]. Следовательно, родители учащих получили, как минимум, права римских граждан, а возможно – и права всадников.

Плутарх не сообщает, что Серторий обещал ученикам права *ius romanum* и *ius honorum* предоставить в будущем. Говорится, что они получают их, когда вырастут, и должны получить соответствующее их неизбежному статусу образование. Все это, скорее всего, предполагает, что такие же права были у их отцов. Плутарх и не пишет, что у отцов учащихся не было таких прав. Он, как обычно, всячески стремится создать у своего читателя впечатление, что Серторий никогда не действовал в интересах испанского населения, а Серторианская война не представляла угрозы для римского господства (Plut. Sert. 14, 22,23).

Таким образом, можно утверждать, что значительная часть аристократии центра полуострова получила права римских граждан и, возможно, права всадников. Нет никаких свидетельств союза Сертория с каким-либо другим слоем населения Центральной Испании, а данные эпиграфики сообщают, что из 32 упоминаемых Серториев в испанских надписях на Центральную Испанию приходится лишь пять [21, р. 243-252], что говорит о крайне ограниченном распространении здесь гражданских прав, причем – учитывая реалии местного общества – о распространении его лишь на знать.

Все это показывает, что в Центральной Испании Серторий стремился заручиться союзом только с местной аристократией, что не удивительно, учитывая роль этого слоя в данном регионе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гурин И.Г. Серторианская война. Самара, 2001.
2. История Испании. Т. 1. М., 2012.
3. Короленков А.В. Квинт Серторий: политическая биография. СПб., 2003.
4. Моммзен Т. История Рима. Т. III. М., 1941.
5. Циркин Ю.Б. История Древней Испании. СПб., 2011.
6. Alföldy, G., 1975. Römische Sozialgeschichte. Wiesbaden, 1975.

7. Almagro-Gorbea, M., 1997. Uno scenario bellico. In: Arce, J., Ensoli, S. and La Rocca, E. eds., 1997. Hispania Romana. Da terra di conquista a provincia dell'Impero. Roma, 22 settembre – 23 novembre 1997. Roma, pp. 51-59.

8. Asensio Esteban, J.A., 1995. La ciudad en el mundo prerromano en Aragon. Zaragoza.

9. Beltran Lloris, M., 1985. La Arqueologia Romana del valle Medio del Ebro. In: XVII Congreso Nacional de Arqueologia 1983. Zaragoza, pp. 274-284.

10. Berve, H., 1929. Sertorius. In: Hermes, Vol. 64, pp. 199-227.

11. Blázquez, J.M., 1968. Economica de los pueblos Prerromanos del Area no Iberica hasta la epoca de Augusta. In: Estudios de Economica Antigua de la Peninsula Iberica. Barcelona, pp. 191-269.

12. Blázquez, J M., 1978. Historia economica de la Hispania Romana. Madrid.

13. Clavel, M. and Leveque, P., 1971. Villes et structures urbaines dans l'Occident Romain. Paris.

14. Chaves Tristan, F., 1994. Indegenismo y romanización desde la optica de las amonedaciones hispanas de la Ulterior. Habis, Vol. 25, pp. 107-120.

15. Curchin, L., 2004. The Romanization of Central Spain. London; New York.

16. Ehrenberg, V., 1935. Ost und West. Studien zur geschichtlichen Problematik der Antike. Prague.

17. Encarnação, J., 2009. Sertorio, general romano: guerrilheiro e mito? In: CEAMA, no. 3, pp. 99-105.

18. Fatas Cabeza, G., 1973. La Sedetania. Las tierras zaragozanos hasta la fundación de Caesaraugusta. Zaragoza.

19. Ferreras, J., 1742. Histoire generale d'Espagne. T. 1. Paris.

20. Gaggero, G., 1977. Sertorio e gli Iberi. In: Contributi di storia antica in onore di Albino Garzetti. Genova.

21. Gallego Franco, Y., 2000. Los Sertorii: una gens de origen republicano en Hispania romana. Iberia, Vol. 3, pp. 243-252.

22. García Bellido, A., 1985. La Peninsula Iberica en los comienzos de su historia. Madrid.

23. García Bellido, A., 1972. Die Latinisierung Hispaniens. In: Aufstieg und Niedergang der Römischen Welt. Bd. 1. Berlin; New York, pp. 462-500.

24. Gelzer, M., 1932. Hat Sertorius in seinem Vertrag mit Mithridates die Provinz Asia abgetreten? Philologische Wochenschrift, Vol. 52, pp. 1129-1136.

25. Goethert, F., 1937. Toga. In: Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft, Bd. 6, pp. 1651-1660.
26. González-Cobos Davila, A.M., 1989. Los Vacceos: Estudio sobre los pobladores del valle medio del Duero durante la penetration romana. Salamanca.
27. González Román, C., 1981. Imperialismo y romanización en la provincia Hispania Ulterior. Granada.
28. González Román, C. and Marin Diaz, M.A., 1981-1982. El Bellum Hispaniense y la romanización del Sur de la Peninsula. Hispania Antiqua, Vol. 11-12, pp. 17-36.
29. Hernandez, F., 1970. Excavaciones en el castro de las Villasviejas del Tamuja (Botija, Caceres). In: XI Congreso National de Arqueologia. Zaragoza, pp. 431-436.
30. Ihne, W., 1886. Römische Geschichte. Bd. VI. Leipzig.
31. Keay, S., 1990. Processes in the development of coastal communities of Hispania Citerior in the Republican period. In: The early Roman Empire in the West. Oxford, pp. 120-150.
32. Keay, S., 1996. La Romanización en la Sur y el Levante de España hasta la Epoca de Augusta. In: Blázquez Martínez, J. and Alvar Ezquerro, J. eds., 1996. La Romanización en Occidente. Madrid, pp. 147-177.
33. Konrad, C.F., 1994. Plutarch Sertorius: a historical commentary. Chapel Hill; London.
34. Lomas, F.J. et al., 1980. Historia de España Antigua. T. 1. Madrid.
35. Mar, R., 1997. L'Urbanistica Romana nella penisola Iberica. In: Arce, J., Ensoli, S. and La Rocca, E. eds., 1997. Hispania Romana. Da terra di conquista a provincia dell'Impero. Roma, 22 settembre – 23 novembre 1997. Roma, pp. 142-148.
36. Martin, C. et al., 1993. The Bronze Age of la Mancha. Antiquity, Vol. 67, pp. 23-45.
37. Mau, A., 1897. Bulla. In: Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft, Bd. 3, pp. 1047-1051.
38. Miro, J., 1988. La producción de anforas romanas en Catalunya (I a.C. – I d.C.). Oxford.
39. Montalban Carmona, J.A., 2017. El joc de poder entre Sertori e Pompeu a Hispania. Clapir. Revista Dignital de Historia Valenciana. Edicio Especial, pp. 24-29.
40. Naco del Hoyo, T. and Principal, J., 2018. Q. Sertorius: a warlord in Hispania? In: War, warlords and interstate relations in the Ancient Mediterranean. Leiden; Boston: Brill, pp. 318-414.
41. Ortiz Romero, P. and Rodriguez Diaz, A., 1989. Problematica general en torno a los recintos-torre de La Serena (Badajos). In: XIX Congreso Nayional de Arqueologia. Zaragoza, pp. 1141-1150.
42. Perez Garcia-Gelabert, M., 1993. Indigenismo y romanización en Turdetania durante la Republica. In: Espacio, Tiempo y Forma, Serie 2, Vol. 6. Madrid, pp. 99-132.
43. Philipp, H., 1937. Togati. In: Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft, Bd. 6, pp. 1662-1663.
44. Placido, D., 1989. Sertorio. Studia Historica. Historia Antigua, Vol. 7, pp. 97-104.
45. Mariana, J., 1619. Historiae de rebus Hispaniae. Moguntiae.
46. Prados Torreira, L., Santos Velasco, J.A. and Perea Caveda, A., 1990. Indigenismo y romanizacion en la Carpetania: bases para su estudio. In: Toledo y Carpetania en la Edad Anitigua. Toledo, pp. 55-63.
47. Rice Holmes, T., 1923. The Roman Republic and the founder of the Empire. Vol. 1. Oxford.
48. Scherr, J., 2015. Die Jünglinge von Osca. In: Antike Lebenswelten: Althistorische und papyrologische Studien. Berlin; Boston, pp. 282-291.
49. Schulten, A., 1926. Sertorius. Leipzig.
50. Spann, Ph.O., 1987. Quintus Sertorius and the legacy of Sulla. Fayetteville.

REFERENCES

- Gurin, I.G., 2001. Sertorianskaya voyna [The Sertorian War]. Samara. (in Russ.)
- Istoriya Ispanii [The history of Spain]. T. 1. Moskva, 2012. (in Russ.)
- Korolenkov, A.V., 2003. Kvint Sertoriy [Quintus Sertorius]. Sankt-Peterburg. (in Russ.)
- Mommsen, T., 1941. Istoriya Rima [The history of Rome]. T. III. Moskva. (in Russ.)
- Tsirkin, Yu.B., 2011. Istoriya Drevney Ispanii [The history of ancient Spain]. Sankt-Peterburg. (in Russ.)
- Alföldy, G., 1975. Römische Sozialgeschichte [Roman social history]. Wiesbaden. (in German.)
- Almagro-Gorbea, M., 1997. Uno scenario bellico [A war scenario]. In: Arce, J., Ensoli, S. and La Rocca, E. eds., 1997. Hispania Romana. Da terra di conquista a provincia dell'Impero. Roma, 22 settembre – 23 novembre 1997. Roma, pp. 51-59. (in Italian)
- Asensio Esteban, J.A., 1995. La ciudad en el mundo prerromano en Aragon [The city in the pre-Roman world in Aragon]. Zaragoza. (in Spanish)

9. Beltran Lloris, M., 1985. La Arqueologia Romana del valle Medio del Ebro [The Roman archeology of the Middle Ebro valley]. In: XVII Congreso Nacional de Arqueologia 1983. Zaragoza, pp. 274-284. (in Spanish)
10. Berve, H., 1929. Sertorius. In: *Hermes*, Vol. 64, pp. 199-227. (in German.)
11. Blázquez, J.M., 1968. Economica de los pueblos Prerromanos del Area no Iberica hasta la epoca de Augusta [The economics of the Pre-Roman peoples of the Non-Iberian Area until the time of August]. In: *Estudios de Economica Antigua de la Peninsula Iberica*. Barcelona, pp. 191-269. (in Spanish)
12. Blázquez, J M., 1978. Historia economica de la Hispania Romana [The economic history of the Roman Spain]. Madrid. (in Spanish)
13. Clavel, M. and Leveque, P., 1971. Villes et structures urbaines dans l'Occident Romain [Cities and urban structures in the Roman West]. Paris. (in French)
14. Chaves Tristan, F., 1994. Indegenismo y romanización desde la optica de las amonedaciones hispanas de la Ulterior [Indigenism and Romanization from the perspective of Hispanic coinage of Ulterior]. *Habis*, Vol. 25, pp. 107-120. (in Spanish)
15. Curchin, L., 2004. *The Romanization of Central Spain*. London; New York.
16. Ehrenberg, V., 1935. Ost und West. Studien zur geschichtlichen Problematik der Antike [East and West. Studies on the historical problems of antiquity]. Prague. (in German)
17. Encarnação, J., 2009. Sertorio, general romano: guerrilheiro e mito? [Sertorius, a Roman general: guerrilla and myth?], *CEAMA*, no. 3, pp. 99-105. (in Spanish)
18. Fatas Cabeza, G., 1973. La Sedetania. Las tierras zaragozanos hasta la fundación de Caesaraugusta [The Sedetania. The lands of Zaragoza until the foundation of Caesaraugusta]. Zaragoza. (in Spanish)
19. Ferreras, J., 1742. *Histoire generale d'Espagne* [General history of Spain]. T. 1. Paris. (in French)
20. Gaggero, G., 1977. Sertorio e gli Iberi [Sertorio and the Iberians]. In: *Contributi di storia antica in onore di Albino Garzetti*. Genova. (in Italian)
21. Gallego Franco, Y., 2000. Los Sertorii: una gens de origen republicano en Hispania romana [The Sertorii: a gens of republican origin in Roman Hispania]. *Iberia*, Vol. 3, pp. 243-252. (in Spanish)
22. García Bellido, A., 1985. La Peninsula Iberica en los comienzos de su historia [The Iberian Peninsula at the beginning of its history]. Madrid. (in Spanish)
23. García Bellido, A., 1972. Die Latinisierung Hispaniens [The Latinization of Hispania]. In: *Aufstieg und Niedergang der Römischen Welt*. Bd. 1. Berlin; New York, pp. 462-500. (in German)
24. Gelzer, M., 1932. Hat Sertorius in seinem Vertrag mit Mithridates die Provinz Asia abgetreten? [Has Sertorius ceded the province of Asia in his contract with Mithridates?], *Philologische Wochenschrift*, Vol. 52, pp. 1129-1136. (in German)
25. Goethert, F., 1937. Toga [Toga]. In: *Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft*, Bd. 6, pp. 1651-1660. (in German)
26. González-Cobos Davila, A.M., 1989. Los Vacceos: Estudio sobre los pobladores del valle medio del Duero durante la penetration romana [The Vacceos: a study on the inhabitants of the middle valley of the Duero during the Roman penetration]. Salamanca. (in Spanish)
27. González Román, C., 1981. Imperialismo y romanización en la provincia Hispania Ulterior [Imperialism and romanization in the province Hispania Ulterior]. Granada. (in Spanish)
28. González Román, C. and Marin Diaz, M.A., 1981-1982. El Bellum Hispaniense y la romanización del Sur de la Peninsula [The Spanish War and the Romanization of the South of the peninsula]. *Hispania Antiqua*, Vol. 11-12, pp. 17-36. (in Spanish)
29. Hernandez, F., 1970. Excavaciones en el castro de las Villasviejas del Tamuja (Botija, Caceres) [Excavations in the forts of the Villasviejas del Tamuja (Botija, Caceres)]. In: *XI Congreso Nacional de Arqueologia*. Zaragoza, pp. 431-436. (in Spanish)
30. Ihne, W., 1886. *Römische Geschichte* [Roman history]. Bd. VI. Leipzig. (in German)
31. Keay, S., 1990. Processes in the development of coastal communities of Hispania Citerior in the Republican period. In: *The early Roman Empire in the West*. Oxford, pp. 120-150.
32. Keay, S., 1996. La Romanización en la Sur y el Levante de España hasta la Epoca de Augusta [The Romanization in the South and the Levant of Spain until the times of August]. In: Blázquez Martínez, J. and Alvar Ezquerro, J. eds., 1996. *La Romanización en Occidente*. Madrid, pp. 147-177. (in Spanish)
33. Konrad, C.F., 1994. *Plutarch Sertorius: a historical commentary*. Chapel Hill; London.
34. Lomas, F.J. et al., 1980. *Historia de España Antigua* [The history of Ancient Spain]. T. 1. Madrid. (in Spanish)

35. Mar, R., 1997. L'Urbanistica Romana nella penisola Iberica [Roman urbanism in the Iberian peninsula]. In: Arce, J., Ensoli, S. and La Rocca, E. eds., 1997. *Hispania Romana. Da terra di conquista a provincia dell'Impero*. Roma, 22 settembre – 23 novembre 1997. Roma, pp. 142-148. (in Italian)
36. Martin, C. et al., 1993. The Bronze Age of la Mancha. *Antiquity*, Vol. 67, pp. 23-45.
37. Mau, A., 1897. Bulla [Bulla]. In: *Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft*, Bd. 3, pp. 1047-1051. (in German)
38. Miro, J., 1988. La producción de anforas romanas en Catalunya (I a.C. – I d.C.) [The production of Roman amphoras in Catalonia, I B.C. – I A.D.]. Oxford. (in Spanish)
39. Montalban Carmona, J.A., 2017. El joc de poder entre Sertori e Pompeu a Hispania [The power game between Sertori and Pompeu in Hispania], *Clapir. Revista Dignital de Historia Valenciana. Edicio Especial*, pp. 24-29. (in Spanish)
40. Naco del Hoyo, T. and Principal, J., 2018. Q. Sertorius: a warlord in Hispania? In: *War, warlords and interstate relations in the Ancient Mediterranean*. Leiden; Boston: Brill, pp. 318-414.
41. Ortiz Romero, P. and Rodriguez Diaz, A., 1989. Problematica general en torno a los recintos-torre de La Serena (Badajos) [General problem around the tower enclosures of La Serena (Badajos)]. In: *XIX Congresso Nayional de Arqueologia. Zaragoza*, pp. 1141-1150. (in Spanish)
42. Perez Garcia-Gelabert, M., 1993. Indigenismo y romanización en Turdetania durante la Republica [Indigenism and Romanization in Turdetania during the Republic]. In: *Espacio, Tiempo y Forma, Serie 2, Vol. 6*. Madrid, pp. 99-132. (in Spanish)
43. Philipp, H., 1937. Togati [Togati]. In: *Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft*, Bd. 6, pp. 1662-1663. (in German)
44. Placido, D., 1989. Sertorio [Sertorius], *Studia Historica. Historia Antigua*, Vol. 7, pp. 97-104. (in Spanish)
45. Mariana, J., 1619. *Historiae de rebus Hispaniae. Moguntiae*. (in Latin)
46. Prados Torreira, L., Santos Velasco, J.A. and Perea Caveda, A., 1990. Indigenismo y romanizacion en la Carpetania: bases para su estudio [Indigenism and Romanization of Carpetania: bases for their study]. In: *Toledo y Carpetania en la Edad Anitigua. Toledo*, pp. 55-63. (in Spanish)
47. Rice Holmes, T., 1923. *The Roman Republic and the founder of the Empire*. Vol. 1. Oxford.
48. Scherr, J., 2015. *Die Jünglinge von Osca [The young men of Osca]*. In: *Antike Lebenswelten: Althistorische und papyrologische Studien*. Berlin; Boston, pp. 282-291. (in German)
49. Schulten, A., 1926. *Sertorius [Sertorius]*. Leipzig. (in German)
50. Spann, Ph.O., 1987. *Quintus Sertorius and the legacy of Sulla*. Fayetteville.

АРХЕОЛОГИЯ, АНТРОПОЛОГИЯ И ЭТНОЛОГИЯ В CIRCUM-PACIFIC

УДК 902

DOI dx.doi.org/10.24866/1997-2857/2018-2/36-42

А.В. Табарев, Д.А. Иванова*

ПОГРЕБЕНИЯ, КЕРАМИКА, РАКОВИННЫЕ КУЧИ: ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ ЭПОХИ ДЗЁ:МОН, ЯПОНСКИЙ АРХИПЕЛАГ**

16 сентября 1877 г. американский натуралист Э.С. Морс начал раскопки раковинной кучи Оомори (остров Хонсю). Это событие стало отправным моментом в истории изучения новой культуры с названием «дзё:мон» («веревочный орнамент»). Авторы детально прослеживают непростой путь введения этого термина в научный оборот в конце XIX – начале XX вв., а также предлагают свой вариант для определения «дзё:мон», который в литературе определяется и как «культура», и как «период», и как «эпоха». В связи с проблематикой эпохи дзё:мон авторами рассматривается также вопрос о феномене «ранней керамики» в финальнопалеолитических культурах континентальной части Дальнего Востока.

Ключевые слова: Японский архипелаг, дзё:мон, керамика, раковинные кучи, культура, эпоха

Burials, pottery, and shell-mounds: from the history of the Jōmon epoch sites studies, Japanese archipelago. ANDREY V. TABAREV, DARYA A. IVANOVA (Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences)

September 16th, 1877 American naturalist E.S. Morse (1838-1925) started the excavations at Oomori shell-mound (Honshu Island). This was the starting point in the history of the investigation of a new culture called “Jōmon” (cord-marked ornament). The authors thoroughly reconstruct the context of the introduction of this term into the scientific practice in the end of the XIXth – beginning of the XXth centuries and offer their own version for the meaning of “Jōmon” which is called by various names, including “culture”, “period” and “epoch”. In connection with the Jōmon epoch studies the authors pay special attention to the phenomenon of “early pottery” in the Final Paleolithic cultures of the continental part of the Far East.

Keywords: Japanese archipelago, Jōmon, pottery, shell-mounds, culture, epoch

---

* ТАБАРЕВ Андрей Владимирович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, заведующий сектором зарубежной археологии Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН.

E-mail: olmec@yandex.ru

ИВАНОВА Дарья Александровна, инженер-исследователь сектора зарубежной археологии Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН.

E-mail: nightliro@bk.ru

© Табарев А.В., Иванова Д.А., 2018

** Авторы выражают искреннюю благодарность своим японским коллегам – профессору С. Ито (Университет Сэйнан Гакуин, г. Фукуока), профессору Й. Каномата (Университет Тохоку, г. Сэндай) и профессору Т. Цуцуми (Музей Дзё:мона Асама, преф. Нагано) за возможность работы с археологическими коллекциями эпохи дзё:мон во время научных командировок и ценные комментарии по сюжетам настоящей статьи.

Несмотря на географическое соседство и плодотворное сотрудничество российских и японских археологов многие страницы древней истории Японского архипелага в отечественной литературе освещены в весьма обобщенном виде или, наоборот, сюжетно. В первую очередь это относится к одной из наиболее интересных и ярких эпох – эпохе дзё:мон (14-2,3 тыс. л.н.) – ее региональным особенностям, принципам периодизации и, конечно, истории изучения и появления самого термина «дзё:мон». Археологические материалы дзё:монских памятников представляют исключительный интерес для отечественных специалистов, занимающихся периодами финального палеолита, неолита и палеометалла на российском Дальнем Востоке.

В археологической литературе начало изучения культуры дзё:мон (англ. Jōmon)¹ традиционно связывают с именем американского натуралиста Эдварда Сильвануса Морса (1838-1925). Он прибыл в Японию в июне 1877 г. и по пути из Йокогамы в Токио (для работы в недавно созданном Токийском университете) увидел из окна поезда крупную раковинную кучу, которая была разрезана полотном железной дороги. Эта раковинная куча напомнила ему о подобных объектах на побережье штата Мэн в Северной Америке. По словам самого Морса, он несколько месяцев с нетерпением ждал возможности произвести раскопки, опасаясь, что это сделает кто-нибудь раньше [28].

На самом деле, раковинная куча под названием «Оомори» уже была известна местным любителям древностей, которые собирали на ее поверхности фрагменты керамики и каменные изделия. Есть также вероятность, что незадолго до Э. Морса небольшие раскопки на Оомори производили австрийский коллекционер Генрих фон Сибольд (1852-1908) и немецкий геолог Эдмунд Науман (1854-1927) [9, pp. 832-841].

Тем не менее, именно Э. Морс был первым, кто получил официальное разрешение на раскопки памятника (от руководства Токийского университета), и первым, кто опубликовал археологический отчет об этих исследованиях, как на английском, так и на японском языках. Именно Э. Морсу посвящена памятная плита и скульптурная композиция на месте памятника Оомори², который сегодня является археоло-

гическим музеем. Свои раскопки раковинной кучи Оомори Э. Морс начал 16 сентября 1877 г. Это событие стало отправным моментом в истории изучения новой культуры с названием «дзё:мон» (досл. – «веревочный орнамент», «繩文») и, одновременно, дискуссии о ее хронологии и содержании.

История появления терминов «керамика типа дзё:мон» и «культура дзё:мон» весьма запутана. В работах самого Э.С. Морса – нескольких статьях и научно-популярной книге «Япония, день за днем» – слово «дзё:мон» (Jōmon) не встречается [25; 26; 27; 28], он вообще никогда и не произносил данного слова. Первый день раскопок на Оомори Э. Морс провел со своим сослуживцем доктором Д. Мюрреем, переводчиком (?) Ю. Мацумура, а также двумя студентами – Т. Сасаки и С. Мацура. Среди большого количества керамики Морс особо выделяет фрагменты со следами скрученного шнура («twisted cord-mark»). Однако, как именно в тот день звучал этот термин в переводе на японский язык, мы не знаем.

Известно, что менее чем через месяц после начала раскопок (13 октября 1877 г.) Э. Морс выступил с лекцией «Следы древнего человека в Японии» в «Азиатском обществе» в г. Йокогама. Слушателями были в основном проживавшие в городе англичане и американцы, лекция была на английском языке, и докладчик использовал исключительно англоязычные термины для описания демонстрируемых находок, в частности, «керамика, отмеченная шнуром» (cord-marked).

Уже 29 ноября того же года краткая заметка с тем же названием («Следы древнего человека в Японии») и тем же термином для описания керамики выходит в журнале «Nature» [25].

В июне 1878 г. Э. Морс представляет большую лекцию в Токийском университете для членов археологического клуба, переводчиком выступает заместитель директора университета д-р Хаттори, но и в этом случае мы не знаем, какой вариант перевода для керамики с орнаментом в виде «скрученного шнура» был выбран.

В 1879 г. в издательстве Токийского университета были опубликованы английская (июль), а затем японская (декабрь) версии отчета о раскопках «Раковинные кучи Оомори» [26]. Перевод японской версии выполнил коллега Э. Морса по департаменту науки профессор ботаники Р. Ятабэ. При этом, в зависимости от употребления термина «cord mark», Ятабэ использовал разные варианты сочетания: impression of the well-known cord mark – 索繩型

¹ Здесь и далее по тексту авторы используют написание «дзё:мон» с указанием на долготу, согласно транскрипционной системе записи японских слов кириллицей, разработанной Е.Д. Поливановым.

² Первый вариант памятника был установлен еще в 1929 г.

(сакудзэ:гата); the cord mark – 繩索状 (дзэ:саку-дзэ:); cord marked – 索紋 (сакумон); the cord marked impressions – 索紋 (сакумон); (ancient) cord marked pottery – 蓆紋 (мусиромон); cord mark (areas) – 索紋 (сакумон-тай)³.

Последний раз Э. Морс побывал в Японии в 1882 г. Во время этого визита, в знак признательности за заслуги, ему подарили коллекцию, включающую подборку керамических сосудов и их фрагментов (в том числе, дзэ:монские), которая в настоящее время хранится частями в Музее искусств в Бостоне и Музее Пибоди в Салеме (США). Э. Морс сохранил самые теплые чувства к Японии на протяжении всей своей дальнейшей жизни. Так, в 1923 г., узнав о том, что в результате мощнейшего землетрясения была разрушена библиотека в Токийском университете, он пожертвовал в пользу университета всю свою личную библиотеку [24, р. 158].

Таким образом, раскопки памятника Оомори знаменовали собой не только начало научной археологии в Японии, они были фактически одним из первых опытов по раскопкам раковинных куч в мире в целом. Если же говорить о первых раскопках раковинных куч, проведенных непосредственно японскими исследователями, то это произошло через два года после работ на Оомори, в 1879 г. – студенты Э. Морса биологи Т. Сааки⁴ и И. Иидзума провели работы на раковинной куче Окадайра (преф. Ибаракки) и спустя некоторое время даже опубликовали небольшой иллюстрированный отчет [16].

Институализация науки о древностях происходит в последующие годы – в 1884 г. С. Цубой с коллегами организует Японское антропологическое общество, а в 1893 г. в Токийском императорском университете создается Департамент антропологии.

Первый специализированный департамент археологии появляется в 1916 г. в Киотском императорском университете, его главой становится профессор К. Хамада (1881-1938), получивший образование в Японии (Токийский и Киотский университеты) и в Великобритании

(Лондонский университет). Он активно использовал «европейский опыт», внедрял типологический метод анализа материала (по О. Монтелиусу), написал ряд книг и учебных пособий для студентов, в которых часто ссылался на публикации европейских и североамериканских авторов, а также производил полевые исследования [24, р. 158].

Один из таких полевых проектов – раскопки погребений на раковинной куче Цукумо (преф. Окаяма). Местонахождение было известно еще с 1870-х гг., оно неоднократно посещалось и осматривалось японскими учеными, есть упоминания об обнаружении отдельных скелетов в период с 1915 по 1918 гг. Полномасштабные исследования проводились с сентября 1919 г. по январь 1920 г. Всего на памятнике было найдены останки 170 индивидуумов, которые были погребены в одиночных, парных и групповых могилах, в сопровождении керамической посуды, каменных орудий и украшений из раковин и рога, есть также данные о детских погребениях в сосудах. Примечательно, что авторы отчета использовали при описании находок и термин «дзэ:мон», а также, следуя европейской терминологии, называют памятник «неолитическим могильником» [20].

«Неолитическими» (в англоязычных публикациях японских авторов) именовались и другие комплексы в раковинных кучах, которые исследовались в период 1915-1920 гг. – Аосима, Миято, Тодороки, Идзума, Ко, Ибусуки и другие [23].

Значимость этих памятников для российских специалистов, занимающихся культурами неолита, трудно переоценить, они заслуживают специальной публикации. Напомним читателю, что на сегодняшний день на территории Приамурья и Приморья известно всего два комплекса (Бойсмана-2 и Чертовы Ворота) с антропологическим материалом, информации о характере и особенностях погребальной практики крайне мало. Для сравнения, уже в первой четверти XX в. только в центральной части Японского архипелага (о-в Хонсю) было открыто и раскопано около двух десятков дзэ:монских памятников (в основном, раковинные кучи), обнаружено несколько сотен погребений.

Что же касается термина «дзэ:мон» (Jōmon), то переход к его использованию вместо термина «неолит» прослеживается только в конце 1920-х гг. и связан с новым подходом к классификации керамического материала (форма, орнаментика, хронология, периодизация) в работах выдающегося японского археолога Сугао

³ Следует отметить, что именно в это время шел активный процесс изменений в японской грамматике и иероглифике (упрощение написания), поэтому многие названия встречаются в старом и новом вариантах написания. Именно так произошло и с термином «дзэ:мон доки», который впервые появляется в статье Сирай Мицутаро в 1886 г. и выполнен в старом написании иероглифов 繩紋 (繩文 – современное написание) [8, р. 49].

⁴ Участник работ на Оомори.

Яманоути (1902-1970). Этот подход проявляется уже в его ранних статьях, таких как «Керамика с текстильным оттиском на севере Канто» (1929), «Распространение керамики стиля камэгаока и конец существования керамики стиля дзё:мон» (1930), серия работ «Доисторическая культура Японии» (1932). Классической публикацией и важнейшей вехой в историографии дзё:мона считается 12 томный «Иллюстрированный справочник по доисторической керамике Японии», опубликованный в 1939-1941 гг. [24, p. 163].

Тем не менее, за прошедшие с этого времени десятилетия в публикациях японских исследователей так и не выработалось единого мнения о содержании термина «дзё:мон» – например, в немногочисленных переводных монографиях «дзё:мон» в равной степени определяется и как «культура», и как «период» [13; 17; 21]. Аналогична ситуация («дзё:мон» как «эпоха», «культура», «период» и «традиция») и в статьях современных англоязычных авторов [15; 18].

Нет единства в использовании термина и в отечественной археологической литературе. В ранних работах [3; 5; 6] авторы употребляли сочетания «культура веревочной керамики (дзё:мон-культура)», «культура неолита», «культурно-хронологический период», «неолитический этап»; «керамика с оттисками рогожи» и т.д. В публикациях 1980-х – 2000-х гг. число вариантов уменьшается до трех основных – «культура дзё:мон», «эпоха дзё:мон» и «период дзё:мон» [1; 2; 4].

В двух имеющихся на сегодняшний день в российской археологической науке диссертационных исследованиях по данной проблематике [10; 11] в равной степени присутствуют «культуры эпохи дзё:мон», «культура дзё:мон», «период дзё:мон» и даже «дзё:монское время». При этом все сходятся в том, что одна культура не может существовать на протяжении почти 12 тыс. лет, и проведение прямой аналогии «дзё:мон = неолит» абсолютно некорректно.

Еще одним, не менее интересным предметом полемики является общая хронология дзё:мона и его периодизация. С обнаружением наиболее древней (финальноплейстоценовой) керамики в различных частях Японского архипелага, нижняя граница дзё:мона опустилась до 14 тыс. л.н., а периодизация (ранний-средний-поздний-финальный) пополнилась сначала «начальным» (Initial Jōmon – sōki), а потом и «изначальным» (Incipient Jōmon – sōsōki) периодами. При этом сосуды наиболее ранних периодов практически

не орнаментированы шнуром, главным признаком «дзё:мона», что, по мнению ряда исследователей, не позволяет причислять эту керамику к «дзё:монской традиции».

В свою очередь, подвижность отличает и верхнюю границу дзё:мона (2,3 тыс. л.н. или 2,8 тыс. л.н.): это связано с дискуссией о времени начала земледелия на архипелаге – сменой основного хозяйственного вектора с присваивающего на производящий, приходом с территории Корейского полуострова носителей новой культуры (яёй), а также с различной интерпретацией радиоуглеродных датировок [29].

Более того, внутренняя периодизация дзё:мона также демонстрирует явную специфику для северных (остров Хоккайдо), центральных (острова Хонсю, Сикоку) и южных (остров Кюсю, архипелаг Рюкю) районов, разные хронологические рамки для одних и тех же периодов. Еще более запутывает ситуацию использование некалиброванных и калиброванных дат, увеличивая разницу между периодами от 200 до 2 тыс. лет [14]. С другой стороны, внутри одного периода (средний дзё:мон) разница в датах между отдельными регионами о. Хонсю варьируется в пределах от 100 до 400 лет. Например, для региона Тохоку характерны некалиброванные даты в интервале 4 570 – 4 000 л.н., для региона Канто – 4 950 – 4 010 л.н., для района Хокурику – 4 900 – 3 960 л.н., для района Косиньэцу – 5 050 – 4 170 л.н. [9; 13].

И, наконец, ситуация с наиболее ранней дзё:монской керамикой (изначальный и начальный дзё:мон) и появление дополнительных разделов в периодизационной колонке послужили толчком к поиску, и обнаружению финальноплейстоценовой керамики в континентальной части Дальнего Востока (в Китае, в Приамурье, в Забайкалье) [12; 30].

Оказалось, что «мезолит» для целого ряда культур этих регионов является лишь временным, промежуточным термином, отражающим начальную степень изученности. С совершенствованием методик анализа и датировки органических останков, а также обнаружения в археологических материалах керамической посуды отдельные горизонты, слои и даже культуры обретают свое новое место в периодизационной схеме. Именно так случилось с осиповской, громатухинской, новопетровской и другими культурами российского Дальнего Востока.

Один из недавних примеров в этом ряду – Забайкалье, где десятилетиями нарабатанная схема «верхний палеолит-мезолит-неолит»

была сначала подвергнута определенному испытанию в лице серии памятников Усть-Каренга (среднее течение р. Витим), на которых были найдены следы гончарства с возрастом 12 200 – 10 600 л.н. (Усть-Каренга-12, гор. 7) [22]. Затем появились новые датировки по памятникам в бассейне р. Чикой. Несмотря на то, что в археологических коллекциях памятников Студёное-1 (гор. 8-9) и Усть-Менза-1 (гор. 8) части керамических сосудов были зафиксированы еще в 1980-х гг., их возраст долгое время представлялся специалистам спорным. Новая серия AMS-дат получена по фрагментам сосудов с нагаром в лаборатории Токийского университета в 2010 г.: по Студёному-1 для культурного горизонта 8 – 11 600±60 BP (MTC-16735), 11 570±60 (MTC-16734) и 11 730±60 BP (MTC-16736), для горизонта 9 Г – 11 600±60 BP (MTC-16737) и 11 960±80 BP (TKa-15554), по Усть-Мензе-1 для горизонта 8 – 11 550±50 BP (MTC-16738) [7, с. 170].

У данной ситуации есть явный привкус парадокса – целый ряд комплексов, традиционно фигурировавших в литературе в качестве финальнопалеолитических или мезолитических при нахождении нескольких фрагментов керамики одновременно («по щелчку») становятся начальнеолитическими или раннеолитическими. Достаточно ли одного признака для такой перекалфикации памятников и целых культур или же необходимо продемонстрировать некий «пакет признаков» – вопрос дискуссионный. Как, например, быть с сосуществованием на одной территории комплексов с финальноплейстоценовой керамикой и без нее при практически полной идентичности каменного инструментария?

Несмотря на очевидные преимущества керамической посуды, быстрого перехода к ее широкому использованию и массовому изготовлению в финальноплейстоценовое время не происходит. Продолжается производство емкостей из органических волокон, кожи, дерева, мягкого камня. Керамическая посуда не приводит к быстрой «кулинарной революции», более того – во многих случаях фрагменты ранней керамики вообще не связаны с очажными конструкциями и термической обработкой пищи. На протяжении нескольких тысяч лет она, скорее всего, имеет весьма специфическое (по мнению авторов, исключительно церемониальное) употребление. Как уже оговаривалось выше, несмотря на то, что памятников с финальноплейстоценовой керамикой на Японском

архипелаге насчитывается десятки, количество фрагментов ранней керамики (изначального и начального дзёмона, 14-10 тыс. л.н.) на каждом из этих памятников невелико. Дзёмонский «керамический бум» начинается лишь с 10-9,5 тыс. л.н. [19, р. 347-348].

По мере накопления археологических материалов (около 100 тыс. зарегистрированных памятников на территории архипелага) дзёмон представляется все более и более комплексным, и многослойным явлением. Крупные структурированные поселения, сложные технологии гончарства, камнеобработки и ткачества, развитые сезонные промыслы, монументальные ритуальные сооружения (каменные круги и выкладки), разнообразие и многообразность искусства – все это позволяет многим специалистам говорить о «дзёмонской цивилизации», не уступающей по своим масштабам и значимости раннеземледельческим цивилизациям Передней Азии и Европы. Безусловно, это еще одно исключительно перспективное направление для дискуссий и выработки новых теоретических моделей.

Итак, на наш взгляд, использование термина «культура» для двенадцатитысячелетнего отрезка времени вряд ли применимо; «период» не может делиться на «периоды»; «традиция» не отражает всей целостности и комплексности явления. В качестве наиболее понятного и удобного инструментария нам представляется корректным говорить об «эпохе дзёмон», подразделяющейся на несколько «периодов» и материальной «культуре» конкретного периода на определенной территории (например, «культура среднего дзёмона Кюсю»).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аникович М.В. К определению понятия «археологическая эпоха» // Советская археология. 1992. №1. С. 85-94.
2. Васильевский Р.С., Лавров Е.Л., Чан Су Бу. Культуры каменного века Северной Японии. Новосибирск: Наука, 1982.
3. Воробьев М.В. Древняя Япония. М.: Издательство восточной литературы, 1958.
4. Жущиковская И.С. Древнейшая керамика: пути технологической инновации // Вестник ДВО РАН. 2011. № 1. С. 101-110.
5. Окладников А.П. К вопросу о древнейшем населении Японских островов и его культуре // Советская этнография. 1946. №4. С. 11-33.
6. Окладников А.П., Деревянко А.П. Далекое прошлое Приморья и Приамурья. Владивосток: Дальневосточное книжное издательство, 1973.

7. Разгильдеева И.И., Куникита Д., Яншина О.В. Новые данные о возрасте древнейших керамических комплексов Западного Забайкалья // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. Вып. 2. Фундаментальные проблемы формирования разнообразия палеосреды и палеокультур Евразии. Смена парадигм: материалы II Всерос. науч. конф. // Отв. ред. Г.И. Медведев. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2013. С. 168-178.

8. Сирай Мицутаро. Сэкидзоку (Наконечники стрел) // Дзинруй гаккай хо:коку. 1886. № 3. С. 49-51.

9. Со:ран дзё:мон доки (Справочник по керамике дзё:мон) / под ред. Т. Кобаяси. Токио: UM Promotion, 2008.

10. Соловьева Е.А. Догу: классификация и интерпретация: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2005.

11. Чан Су Бу. Поздний дзёмон Хоккайдо: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1977.

12. Cohen, D.J., 2013. The advent and spread of early pottery in East Asia: new dates and new considerations for the world's earliest ceramic vessels. *Journal of Austronesian Studies*, Vol. 4, no. 2, pp. 55-92.

13. Habu, J., 2004. *Ancient Jomon of Japan*. Cambridge: Cambridge University Press.

14. Habu, J., 2008. Growth and decline in complex hunter-gatherer societies: a case study from the Jomon period Sannai Maruyama site, Japan. *Antiquity*, Vol. 82, pp. 571-584.

15. Hudson, M.J., 1999. *Ruins of identity: ethnogenesis in the Japanese Islands*. Honolulu: University of Hawaii Press.

16. Iijima, I. and Sasaki, C., 1883. *Okadaira shell mound at Hitachi*, Vol. 1: Being an appendix to memoir Vol. I. Part I. of the Science department, Tôkiô Daigaku (University of Tôkiô). Tokyo: Tokyo Daigaku.

17. Imamura, K., 1996. *Prehistoric Japan. New perspectives on insular East Asia*. Honolulu: University of Hawaii Press.

18. Kaner, S. and Ishikawa, T., 2007. Reassessing the concept of the 'Neolithic' in the Jomon of Western Japan. *Documenta Praehistorica*, Vol. 34, pp. 1-7.

19. Keally, C.T., Taniguchi, Y., Kuzmin, Y.V. and Shewkomud, I.Y., 2004. Chronology of the beginning of pottery manufacture in East Asia. *Radiocarbon*, Vol. 46, no. 1, pp. 345-351.

20. Kiyono, K., Shimada, S. and Hamada, K., 1920. The excavation of the shell-mound at Tsukumo, a Neolithic cemetery in the province of Bitchu. Report upon Archaeological Research,

Department of Literature, Kyoto Imperial University, Vol. 5, pp. 1-7.

21. Kobayashi, T., 2004. *Jomon reflections. Forager life and culture in the prehistoric Japanese archipelago*. Oxford: Oxbow Books.

22. Kuzmin, Y.V. and Vetrov, V.M., 2007. The earliest Neolithic complex in Siberia: the Ust'-Karenga 12 site and its significance for the Neolithization process in Eurasia. *Documenta Praehistorica*, Vol. 34, pp. 9-20.

23. Matsumoto, H., 1921. Notes on the Stone Age people of Japan. *American Anthropologist*, Vol. 23, no. 1, pp. 50-76.

24. Miyamoto, K., 2017. The beginnings of modern archaeology in Japan and Japanese archaeology before World War II. *Japanese Journal of Archaeology*, Vol. 4, no. 2, pp. 157-164.

25. Morse, E.S., 1877. Traces of early man in Japan. *Nature*, Vol. 17, p. 89.

26. Morse, E.S., 1879. *Shell Mounds of Ômori*. Memoirs of the Science Department, University of Tokyo, Japan, Tokyo, Vol. 1, Part 1.

27. Morse, E.S., 1879. Traces of an early race in Japan. *The Popular Science Monthly*, Vol. 14, pp. 257-266.

28. Morse, E.S., 1917. *Japan day by day 1877, 1878-79, 1882-83*. Vol. 1. Boston: Houghton Mifflin Company.

29. Shoda, S., 2010. Radiocarbon and Archaeology in Japan and Korea: What was changed because of the Yayoi dating controversy? *Radiocarbon*, Vol. 52, no. 2-3, pp. 421-427.

30. Wu, X., Zang, C., Goldberg, P., Cohen, D., Pan, Y., Arpin, T. and Bar-Yosef, O., 2012. Early pottery at 20,000 years ago in Xianrendong cave, China. *Science*, no. 336, pp. 1696-1700.

REFERENCES

1. Anikovitch, M.V., 1992. К определению понятию «археологическая эпоха» [To the determination of the «archaeological epoch»], *Sovetskaya arkheologiya*, no. 1, pp. 85-94. (in Russ.)

2. Vasilevskiy, R.S., Lavrov, E.L. and Chan Su Bu, 1982. *Kul'tury kamennogo veka Severnoi Yaponii* [Stone Age cultures of Northern Japan]. Novosibirsk: Nauka. (in Russ.)

3. Vorob'ev, M.V., 1958. *Drevnyaya Yaponiya* [Ancient Japan]. Moskva: Izdatel'stvo vostochnoi literatury. (in Russ.)

4. Zhushchikhovskaya, I.S., 2011. *Drevneishaya keramika: puti tekhnologicheskoi innovatsii* [The most ancient pottery: ways of technological innovations], *Vestnik DVO RAN*, no. 1, pp. 101-110. (in Russ.)

5. Okladnikov, A.P., 1946. К вопросу о древнейшем населении Японских островов и его культуре [Towards the question of the most ancient population of the Japanese Islands and its culture], *Sovetskaya etnografiya*, no. 4, pp. 11-33. (in Russ.)
6. Okladnikov, A.P. and Derevyanko, A.P., 1973. Dalekoe proshloe Primor'ya i Priamur'ya [The distant past of Primorye and Priamur'e]. Vladivostok: Dal'nevostochnoe knizhnoe izdatel'stvo. (in Russ.)
7. Razgil'deeva, I.I., Kunikita, D. and Yanshina, O.V., 2013. Novye dannye o vozraste drevneishikh keramicheskikh kompleksov Zapadnogo Zabaikal'ya [New data on the age of the most ancient pottery complexes in Western Trans-Baikal Region]. In: *Evrasiya v kainozoe. Stratigrafiya, paleoekologiya, kul'tury. Vyp. 2. Fundamental'nye problemy formirovaniya raznoobraziya paleosredy i paleokul'tur Evrazii. Smena paradigm: materialy II Vseros. nauch. konf. Irkutsk: Izd-vo IGU*, pp. 168-178. (in Russ.)
8. 白井光太郎, 1886. 石鏃考 [Stone arrowhead], *人類學會報告*, no. 3, pp. 49-51. (in Japanese).
9. 小林達雄 ed., 2008. 総覧縄文土器 [Handbook of Jōmon pottery]. 東京: アム・プロモーション. (in Japanese)
10. Solov'eva, E.A., 2005. Dogu: klassifikatsiya i interpretatsiya [Dogu: classification and interpretation], avtoreferat dissertatsii kandidata istoricheskikh nauk. Novosibirsk. (in Russ.)
11. Chan Su Bu, 1977. Pozdnyy dzyomon Hokkaido [The late Jomon of Hokkaido], avtoreferat dissertatsii kandidata istoricheskikh nauk. Novosibirsk. (in Russ.)
12. Cohen, D.J., 2013. The advent and spread of early pottery in East Asia: new dates and new considerations for the world's earliest ceramic vessels. *Journal of Austronesian Studies*, Vol. 4, no. 2, pp. 55-92.
13. Habu, J., 2004. *Ancient Jomon of Japan*. Cambridge: Cambridge University Press.
14. Habu, J., 2008. Growth and decline in complex hunter-gatherer societies: a case study from the Jomon period Sannai Maruyama site, Japan. *Antiquity*, Vol. 82, pp. 571-584.
15. Hudson, M.J., 1999. *Ruins of identity: ethnogenesis in the Japanese Islands*. Honolulu: University of Hawaii Press.
16. Iijima, I. and Sasaki, C., 1883. Okadaira shell mound at Hitachi, Vol. 1: Being an appendix to memoir Vol. I. Part I. of the Science department, Tōkiō Daigaku (University of Tōkiō). Tokyo: Tokvo Daigaku.
17. Imamura, K., 1996. *Prehistoric Japan. New perspectives on insular East Asia*. Honolulu: University of Hawaii Press.
18. Kaner, S. and Ishikawa, T., 2007. Reassessing the concept of the 'Neolithic' in the Jomon of Western Japan. *Documenta Praehistorica*, Vol. 34, pp. 1-7.
19. Keally, C.T., Taniguchi, Y., Kuzmin, Y.V. and Shewkomud, I.Y., 2004. Chronology of the beginning of pottery manufacture in East Asia. *Radiocarbon*, Vol. 46, no. 1, pp. 345-351.
20. Kiyono, K., Shimada, S. and Hamada, K., 1920. The excavation of the shell-mound at Tsukumo, a Neolithic cemetery in the province of Bitchu. Report upon Archaeological Research, Department of Literature, Kyoto Imperial University, Vol. 5, pp. 1-7.
21. Kobayashi, T., 2004. *Jomon reflections. Forager life and culture in the prehistoric Japanese archipelago*. Oxford: Oxbow Books.
22. Kuzmin, Y.V. and Vetrov, V.M., 2007. The earliest Neolithic complex in Siberia: the Ust'-Karenga 12 site and its significance for the Neolithization process in Eurasia. *Documenta Praehistorica*, Vol. 34, pp. 9-20.
23. Matsumoto, H., 1921. Notes on the Stone Age people of Japan. *American Anthropologist*, Vol. 23, no. 1, pp. 50-76.
24. Miyamoto, K., 2017. The beginnings of modern archaeology in Japan and Japanese archaeology before World War II. *Japanese Journal of Archaeology*, Vol. 4, no. 2, pp. 157-164.
25. Morse, E.S., 1877. Traces of early man in Japan. *Nature*, Vol. 17, p. 89.
26. Morse, E.S., 1879. Shell Mounds of Ōmori. *Memoirs of the Science Department, University of Tokyo, Japan, Tokyo*, Vol. 1, Part 1.
27. Morse, E.S., 1879. Traces of an early race in Japan. *The Popular Science Monthly*, Vol. 14, pp. 257-266.
28. Morse, E.S., 1917. *Japan day by day 1877, 1878-79, 1882-83*. Vol. 1. Boston: Houghton Mifflin Company.
29. Shoda, S., 2010. Radiocarbon and Archaeology in Japan and Korea: What was changed because of the Yayoi dating controversy? *Radiocarbon*, Vol. 52, no. 2-3, pp. 421-427.
30. Wu, X., Zang, C., Goldberg, P., Cohen, D., Pan, Y., Arpin, T. and Bar-Yosef, O., 2012. Early pottery at 20,000 years ago in Xianrendong cave, China. *Science*. no. 336. pp. 1696-1700.

А.Ю. Зеленская*

КЛАД КАМЕННЫХ ЗАГОТОВОК С РЕКИ ИГАНДЖА НА ВЕРХНЕЙ КОЛЫМЕ: КУЛЬТУРНО-ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ АТРИБУЦИЯ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ НЕОЛИТИЧЕСКИХ КЛАДОВ СЕВЕРО-ВОСТОКА АЗИИ

В статье рассматриваются проблемы выделения и «прочтения» кладов каменного века на основе анализа скопления каменных заготовок с р. Иганджа. Несмотря на малочисленность неолитических кладов на Северо-Востоке Азии, были определены некоторые закономерности в процессе производства этих заготовок (ударная грубая краевая ретушь), а также выборе места их расположения (на холмах и террасах недалеко от водных ресурсов). Технично-типологический анализ иганджинских заготовок позволил идентифицировать данное скопление как охотничий клад и предварительно определить его культурно-хронологическую принадлежность к поздне-неолитической ымьяхтахской культуре периода II-I тыс. до н.э.

Ключевые слова: клад, каменные заготовки, Колыма, Чукотка, поздний неолит, бифасы, напильниковидные трехгранники

Stone blanks cache from the Igandzha River on the Upper Kolyma: cultural and chronological attribution in comparison with the Neolithic caches of Northeast Asia. ALISA Yu. ZELENSKAYA (N.A. Shilo North-East Interdisciplinary Scientific Research Institute, Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences)

Basing on the study of the stone blanks cache from the Igandzha River, discovered in 2017, the article analyzes the concept of «cache» and discusses the main types of the Stone Age caches (personal, hunting, sacred, etc.). Most of the stone blanks from the cache are represented by blanks of arrowheads, spears or darts. Based on the results of topographic and stratigraphic analysis, the author identifies this cluster of artifacts as a hunting cache. The comparative analysis of the tools in the context of other Northeast Asian caches allows to determine its cultural and chronological affiliation to the Late Neolithic Ymyyakhtakh culture of II-I millennium BC. The author concludes that the stone blanks cache from the Igandzha River provides valuable information on the Late Neolithic Upper Kolyma, as well as on the way of life of ancient tribes in this area.

Keywords: cache, stone blanks, Kolyma, Chukotka, late Stone Age, bifaces, file shape points

Введение

Клад представляет из себя совокупность ценных (с точки зрения его создателя) материальных объектов, которые надежно укрывались в тайнике с определенной целью. Считается,

что это «исключительные объекты, сгруппированные в ограниченном пространстве» [23, р. 237]. Археологический клад орудий каменного века является в большинстве случаев довольно спорной дефиницией, в силу разной семан-

* ЗЕЛЕНСКАЯ Алиса Юрьевна, младший научный сотрудник Лаборатории истории и экономики Северо-Восточного комплексного научно-исследовательского института им. Н.А. Шило Дальневосточного отделения РАН.

E-mail: zelenskaya@neisri.ru

© Зеленская А.Ю., 2018

тической наполненности, которую вкладывают в это понятие исследователи. Достаточно часто под «кладом» понимается склад вещей, найденных в границах одной стоянки и имеющих тот же культурно-хронологический и технологический облик, что и материал стоянки. Такое толкование скоплений без должного скептицизма приводит к приумножению находок кладов. Для таких выводов необходимо тщательное изучение планиграфии и микростратиграфии расположения клада относительно стоянки, а также состава и распространения его элементов.

Еще одним довольно спорным моментом в изучении кладов орудий является их сакрализация, не имеющая под собой объективную материальную доказательную базу (наличие особой орнаментации на бытовых предметах, присутствие культовых вещей/амулетов и пр.).

В археологической литературе, посвященной анализу кладов, зачастую можно встретить авторские варианты типологии кладов каменного века [1; 10; 17; 21; 26]. В большинстве своем все это многообразие можно свести к четырем основным типам, подходящим для характеристики кладов на территории Северо-Востока Азии: личные клады (в т.ч. «ранцевые наборы» (термин дан по [9, с. 126])), ритуальные клады (т.н. votivные дары), охотничьи клады (располагаются в стратегически выгодном месте для ведения охоты) и обменные клады (предназначенные для натурального обмена дефицитным сырьем между племенами).

Некоторые исследователи относят ккладам сакрального порядка погребальный инвентарь, который представляет собой скопления вещей в различных частях костяка или рядом с ним [4; 11; 27]. В своем исследовании мы придерживаемся мнения, что погребальный инвентарь не может выступать в качестве клада [2, с. 111; 28, р. 88], т.к. депонирование клада производилось в первую очередь с целью его сокрытия. В то же время погребения зачастую были легко различимы на поверхности (курганские насыпи, каменные кладки, стелы, в т.ч. сооружения, не сохранившиеся до наших дней – из костей крупных животных и морских млекопитающих, срубы-домики, арангасы и проч.), что в свою очередь породило в археологической науке целую дискуссию о проблеме преднамеренного разрушения (напр., с целью нанести вред врагу или, наоборот, обезопасить себя от мести за гробных духов) или разграбления могил (в первую очередь – ради изъятия металлических изделий) [14; 13; 22]. В этой связи основная цель

сотворения клада (а именно – прятанье ценных вещей) теряется: зачем нужен клад, который так легко найти чужаку? Поэтому ритуальным типом клада вполне логично считать сакральные скопления (амулеты, украшения, уникальные по своему виду и материалу орудия и проч.), залегающие вне могильных комплексов.

В нашей статье под понятием «клад» мы будем подразумевать скопление находок на небольшой площади, без отходов производства, имеющих единый культурно-хронологический и технологический облик и располагающихся вне стоянок и погребений.

Характеристика клада с р. Иганджа

В 2017 г. в ходе проведения рекогносцировочных работ в Магаданской области было обнаружено скопление каменных заготовок на р. Иганджа (Рис. 1). Долина р. Иганджа (правый приток р. Армань) располагается на территории Континентального Приохотья, недалеко от Охотско-Колымского водораздела. Река Иганджа (Игандя – на картах 1960-х – 1970-х гг.) протекает в горной местности с террасированными склонами. Окружающие горы поднимаются в высоту до 1000-1300 м над уровнем моря. В среднем течении р. Иганджа в нее впадает река Бэргэндя, ниже устья которой, вдоль левого берега р. Иганджа, тянется невысокая (1,5-2 м) первая надпойменная терраса. От террасы до реки простирается широкий участок сильно обводненной (кочковатой) высокой поймы, на которой формируется многолетняя наледь. Терраса шириной ок. 300 м с северо-запада ограничена пологим склоном сопки. Поверхность террасы покрыта редколесьем, местами пропыхана посевами лиственницы. По террасе, вдоль ее кромки, проходит грунтовая дорога.

Стоит отметить, что в относительной близости от местонахождения клада в 10 км (по прямой) у пос. Мадаун при впадении реки Магадавен в реку Армань известен палеолитический памятник [3], а в 40 км от иганджинского клада располагается комплекс неолитических стоянок на Ольском плато (стоянки Хуренджа, Нил) [19].

В 2017 г. на террасе в обнажении, образованном колеями дороги, был обнаружен фрагмент заготовки орудия (инв. № 16). На месте находки были произведены раскопки на площади в 1 кв. м, где было выявлено скопление артефактов, которое впоследствии было интерпретировано как клад. Других подъемных находок на территории местонахождения клада найдено не было.

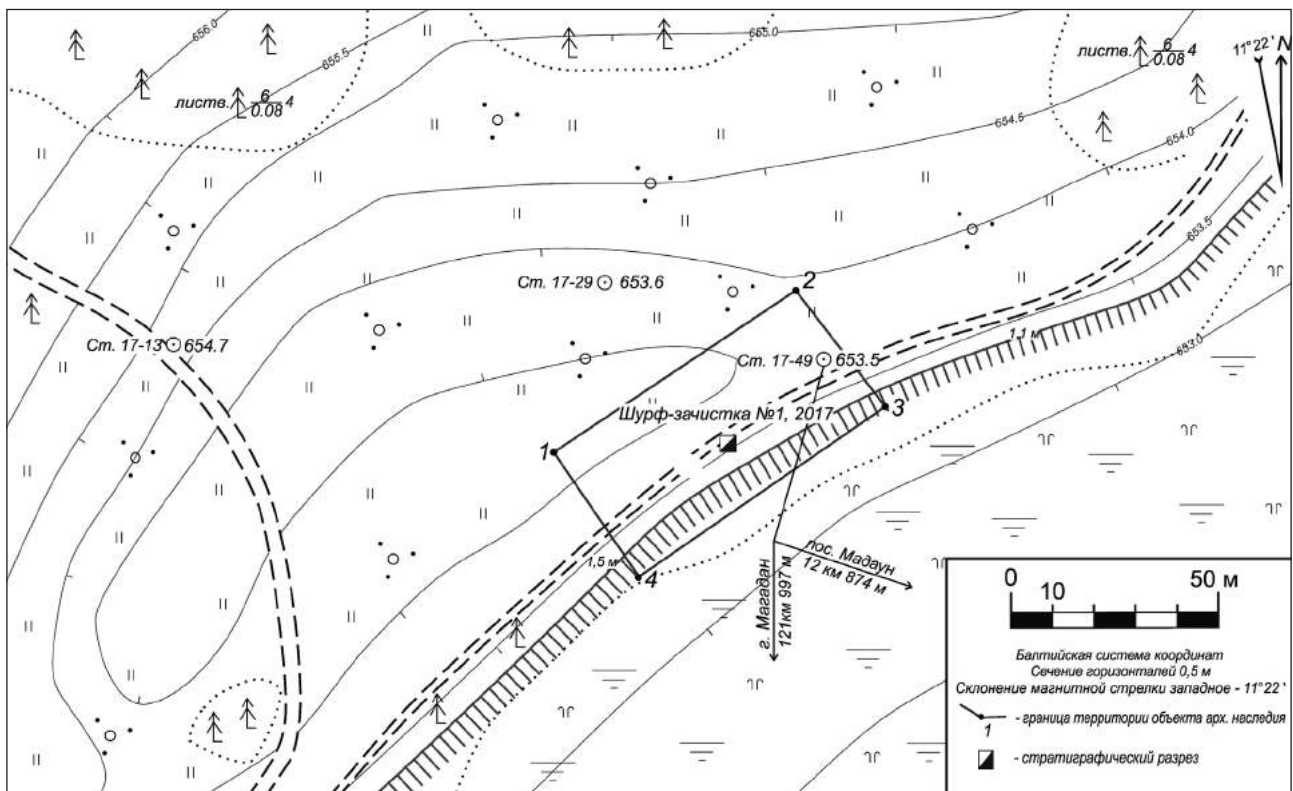

Рис. 1. Топографический план месторасположения Иганджинского клада (Магаданская обл.). М. 1 : 1000

Всего найдено 20 артефактов, из которых 16 изделий целых и 4 фрагмента (судя по характеру сломов, повреждения были нанесены проезжающим по дороге транспортом). Выявлена следующая стратиграфия шурфа (по западной стенке) (Рис. 2): 1. почвенно-растительный слой с березняком, мхами и ягелем мощностью 2-3 см; 2. серая гумусированная супесь мощностью 5 см; 3. светло-коричневые супесчаные отложения – 5 см. 4. материк – грубообломочный материал с преобладанием галечника аллювиального происхождения. Находки сконцентрированы по центру шурфа (1x1 м) и залежали в отложениях террасы от дневной поверхности до глубины 12 см.

Найденные орудия изготовлены из плитчатых отдельностей ороговикованного аргиллита разных цветов: от светло-серого с медно-оранжевой коркой до бурого. Сырье, из которого изготовлены артефакты, вероятнее всего, было получено из пород, слагающих близлежащие отроги гор. Согласно геологической карте, эти породы представлены ороговиковаными и глинистыми песчаниками, алевролитами и аргиллитами [5].

Предметный комплекс клада составляют: заготовки наконечников стрел/дротиков/копий (11 шт.), заготовки трехгранных напильниковидных наконечников/резцов (2 шт.), заготовка с трапециевидным сечением (1 шт.), заготовка

орудия на тонком отщепе (1 шт.), заготовка орудия на пластине (1 шт.) и 4 фрагмента заготовок орудий (Рис. 3, 4).

На большинстве изделий сохранились естественные грани плоскости кливажа сланцевых отдельностей и фрагменты корковой поверхности каменной плитки, а также характерные сколы десквамации.

Половина коллекции клада – это заготовки наконечников стрел/дротиков/копий. По морфометрическим особенностям эту категорию можно разделить на 3 группы: заготовки подтрапециевидной формы, листовидные и трехгранные напильниковидные.

1. Листовидные заготовки (7 шт., рис. 3, № 5-11) длиной 5,5-7 см и шириной 3,5 см (1 экз. – 10,5 x 3,9 см) имеют поперечное сечение уплощенно-линзовидное, зачастую ассиметричное. 6 заготовок имеют одинаковый характер обработки – боковые лезвия и основание обработаны унифасиально с противоположащих сторон: с одной стороны, как правило, плоской, крупной, стелящейся ретушью, с другой – более мелкой, крутой, удлиненной. Иногда можно проследить 2-3 негатива скола от подправки края и с обратной стороны лезвия. В итоге продольные режущие края таких заготовок получаются пильчатыми, недоработанными. Одна листовидная заготовка (инв. № 14) отличается бифаси-

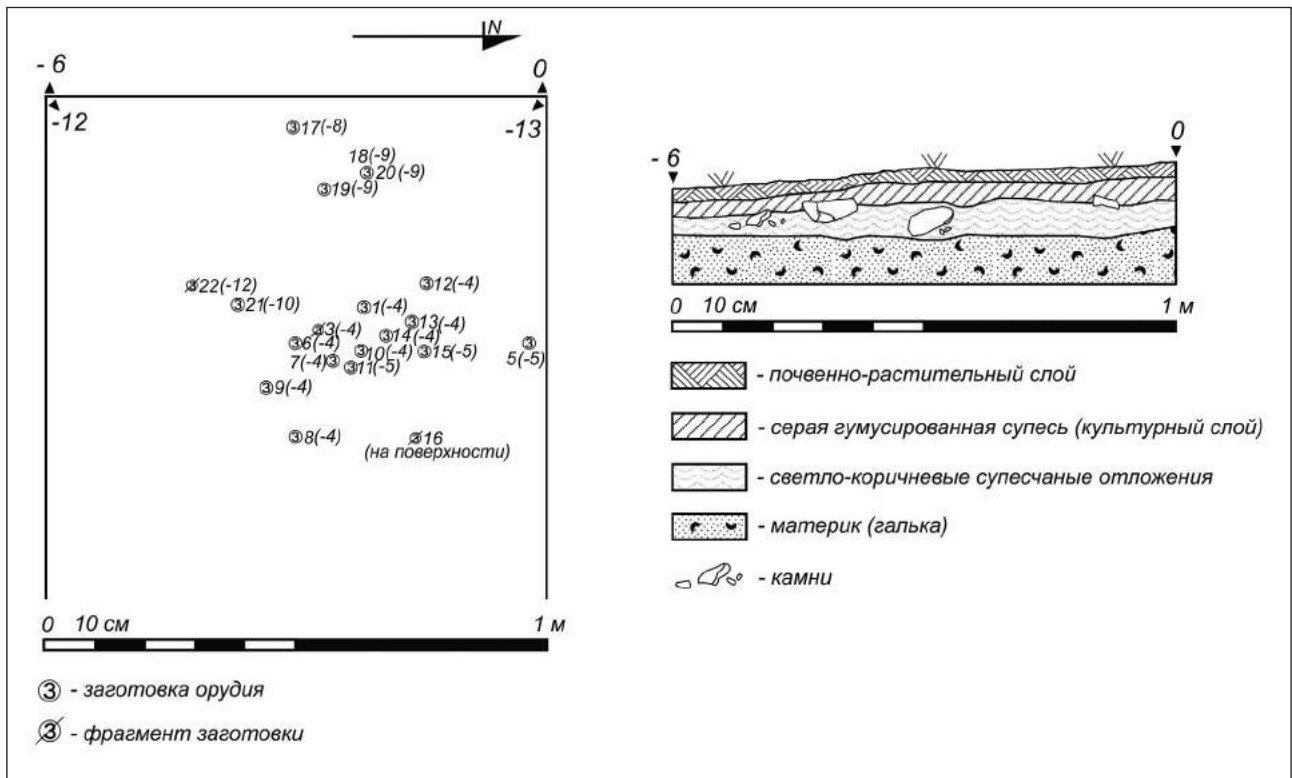

Рис. 2. План расположения находок и стратиграфия Иганджинского клада

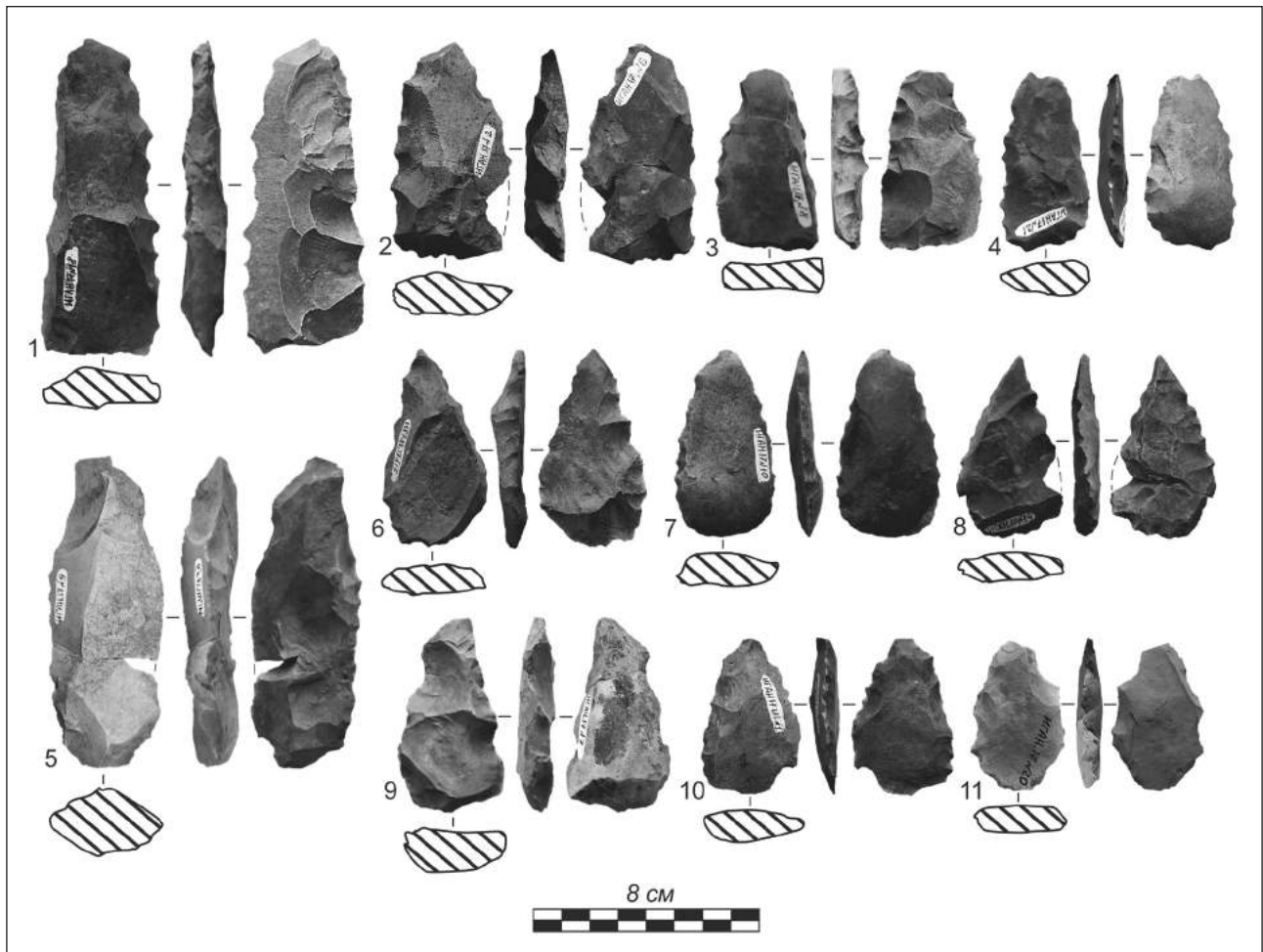

Рис. 3. Иганджинский клад (1-4 – подтрапцевидные заготовки орудий, 5-11 – листовидные заготовки орудий)

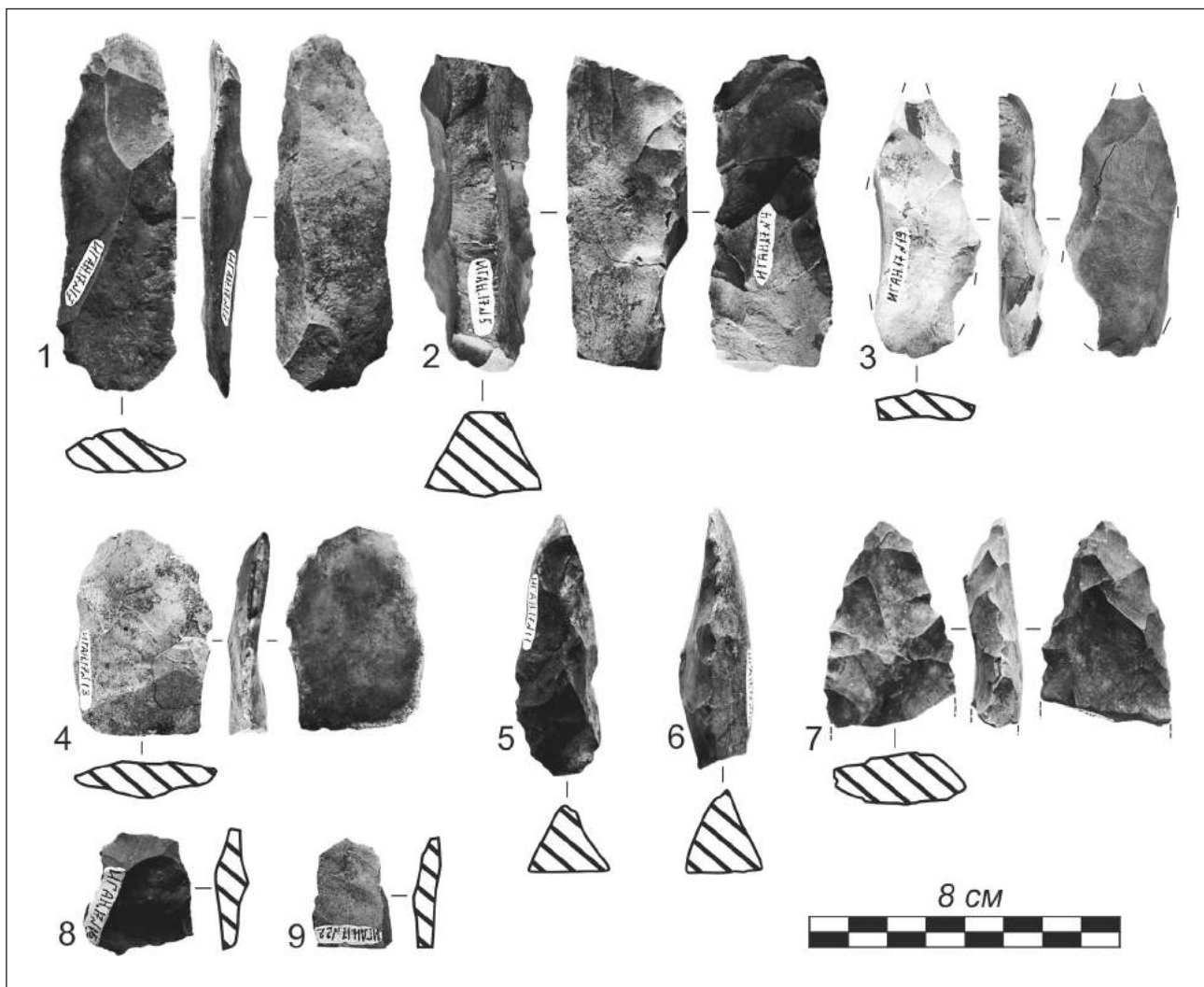

Рис. 4. Иганджинский клад (1 – заготовка орудия на пластине, 2 – заготовка с трапециевидным сечением, 3 – фрагментированная заготовка, 4 – заготовка на отщепе, 5-6 – трехгранные напильниковидные заготовки, 7 – фрагмент заготовки, острие, 8-9 – фрагменты заготовок орудий)

альной обработкой крупнофасеточной ретушью, а также мелкой краевой ретушью лезвия.

2. *Заготовки подтрапециевидной формы* (4 шт, рис. 3, № 1-4) длиной 6-7 см и шириной 3,5-4 см (1 экз. – 11 x 4,3 см) имеют асимметричное подпрямоугольное или линзовидное поперечное сечение. Характер обработки такой же, как и у заготовок листовидной формы, – противоположная унифасиальная обработка боковых лезвий. Широкое основание и зауженный конец также обрабатывались с одной стороны. На двух экземплярах прослеживается на локальных участках мелкофасеточная ретушь.

3. *Трехгранные напильниковидные заготовки* (2 шт, рис. 4, № 5-6) длиной 6,5-7 см имеют сечение правильного равностороннего треугольника (ширина сторон от 1,8 до 2 см). У одной заготовки две из сторон сохраняют естественную поверхность плитки (на одной из них имеется ретушь с концов), третья сторона об-

разована крупными ударными снятиями, в сочетании с мелкой ретушью по краю. У другой трехгранной заготовки две стороны покрыты крупнофасеточной ретушью, их сочленение образует зигзагообразное ребро, третья сторона представлена необработанной поверхностью плитки камня. У обоих изделий два противоположных конца заужены. Такие заготовки могли служить основой для изготовления трехгранных напильниковидных наконечников, или же резцов с трехгранной рукояткой.

Заготовка с трапециевидным сечением (размеры 8,2 x 3,2 x 2,9 см, рис. 4, № 2) изготовлена на бруске плитчатой отдельности. Одна из сторон заготовки представлена поверхностью кливажа породы, противоположная и боковые стороны имеют негативы крупных нерегулярных пластинчатых сколов.

Заготовка орудия на тонком отщепе (размеры 5,3 x 3,7 x 1 см, рис. 4, № 4) имеет подпрямоу-

гольную форму в плане и уплощенно-линзовидную в поперечном сечении. На проксимальном конце фиксируется фасетированная отжимная площадка. По кромке заготовки прослеживается нерегулярная мелкая краевая ретушь.

Заготовка орудия на пластине (размеры 9,2 x 3,1 x 1,1 см, рис. 4, № 1) имеет уплощенное асимметрично-ромбическое сечение. Одна сторона представлена естественной поверхностью пластины с 1 продольной гранью. Вторая сторона имеет две плоскости: одна с негативами от первичной обработки плитки, другая образована десквамационным сколом. Один конец пластины слегка заузен.

Среди фрагментов заготовок орудий (4 шт., рис. 4, № 3, 7, 8, 9) особого внимания, в силу сохранности своей формы минимум на 2/3, заслуживают 2 экземпляра:

1. Острие без основания (5,3 x 3,4 x 1,2 см, рис. 4, № 7) имеет линзовидное поперечное сечение и бифасиальную обработку крутой крупной ударной ретушью, нанесенной с краев заготовки к центру. На одной из сторон центральная часть представлена фрагментом корковой поверхностью камня. На обратной стороне в центральной части острия – негатив крупного уплощающего скола.

2. Фрагмент заготовки, предположительно листовидной формы (6,8 x 2,6 x 1 см, рис. 4, № 3) и усечено-линзовидной в поперечном сечении. У орудия сломано острие и часть лезвия. На обеих сторонах заготовки – фрагменты корковой поверхности камня. По сохранившемуся лезвию идет попеременная крупнофасеточная ретушь.

Таким образом, оба эти фрагмента, исходя из их морфологических особенностей, можно косвенно отнести к заготовкам листовидной формы.

Большинство найденных изделий имеет грубофасетированную поверхность в сочетании с фрагментами ровной плоскости первичных сколов плитчатой отдельности и/или необработанной естественной корки камня. Как правило, на месте негатива скола от точки приложения удара отмечается сильный раковистый излом. Вторичная подправка лезвий встречается редко и носит нерегулярный, попеременный характер.

Неолитические клады Северо-Востока Азии

На Северо-Востоке Азии известно несколько находок скоплений каменных изделий, обозначенных исследователями как клады [7; 8; 15; 16; 19].

В верховьях р. Сугой (правый приток р. Колымы), на стоянке Хетагчан II, на пологой

вершине сопки было найдено компактное (на площади 1 кв. м) скопление бифасов (более 20 штук) на глубине 10-15 см от дневной поверхности [19]. Отсутствие отходов производства и плотная компоновка изделий в слое позволяют классифицировать данное скопление как клад древнего человека. Бифасы от 7 до 12 см длиной из желтого окремнелого туфа, листовидной или подтреугольной формы, обработаны крупнофасеточной ретушью (не всегда регулярной) с включением фрагментов необработанной корковой поверхности или поверхности первичного отщипа. Представленное скопление бифасов во многом переключается по характеру обработки камня с кладом с р. Иганджа и ярко иллюстрирует некоторую закономерность в появлении подобных кладов заготовок, несущих явную практическую значимость.

На Колыме, в верховьях р. Омолон, на ст. большой Эльгахчан I, в 1991 г. был обнаружен клад («сумка охотника») из 265 предметов из окремнелых пород, роговика и халцедона (микровкладыши на ножевидных пластинах, вкладыши, наконечники стрел и дротиков, пилки, комбинированные орудия, 2 скребка, крупный нож-клинок, тесло, резец, абразив и два изделия из бронзы). Наиболее представительной частью коллекции являются наконечники – бесчерешковые треугольные, листовидные, трехгранные напильниковидные. Техничко-типологический анализ этого комплекса позволяет отнести его к северному варианту ымыяхтахской культуры и датировать первой половиной II тыс. до н.э. [7].

В центральной части Анадырского плоскогорья в 1955 г. на берегу оз. Эльгыгытгын геологами был обнаружен склад более 50 орудий на площади в 1 кв. м. Более 30 из них было проанализировано Н.Н. Диковым, который определил данный клад как мастерскую (по наличию отщепов, чешуек, сколов) с полностью законченным ансамблем орудий. На основе совокупности внешних признаков, Н.Н. Диков выделил 6 типов орудий: листовидные острия, скребки-ножи, клинки, однолезвийные ножи-скребла, комбинированные резчики и резцевидные инструменты [16]. Подробную характеристику 20-ти другим предметам из клада дал А.П. Окладников, который идентифицировал это скопление как тайник заготовок орудий древнего мастера [15]. А.П. Окладников выделил характерные особенности технологии изготовления каменных клинков из этого клада. Одно из лезвий клинка обрабатывалось унифасиально, с обратной стороны лезвие иногда

было подправлено одним-двумя продольными сколами; на втором боковом лезвии прослеживались следы бифасиальной обработки. Вторая особенность – одна сторона заготовки была обработана практически во всю дину, тогда как вторая – «оставлена почти без обработки» [15, с. 108]. Эта технология обработки имеет сходство с производственными особенностями изготовления листовидных и подтрапецевидных заготовок с р. Иганджа. Это наталкивает на мысль, что оба эти клада, возможно, были изготовлены носителями одной технологической традиции. Несмотря на разную классификацию предметов, представленную в публикациях А.П. Окладникова и Н.Н. Дикова, данное скопление вещей имеет единый композиционный облик, изготовлено из плиток сероватого кремневого сланца и представлено грубо обработанными заготовками наконечников стрел и копий, ножей, скребков, резцов и резчиков.

В 1996 г. на стоянке Верхнетытыльская IV в пункте I (Западная Чукотка) в центральной части восточного побережья оз. Тытыль был обнаружен клад (Верхнетытыльский клад №1) [8]. Преобладающая часть вещей была изготовлена из некачественного сланца и представлена законченным ансамблем наконечников (26 экз.) т.н. айонского типа [20]. По морфологии данных наконечников этот клад был отнесен к северочукотской культуре II (III?) – нач. I тыс. до н.э. Позднее на той же стоянке при зачистке северной части раскопа было обнаружено еще одно скопление орудий (Верхнетытыльский клад №2). Данный клад состоял из 87 предметов, представленных грубо обработанными крупными заготовками и их фрагментами. Характер обработки, формы и типы каменного инвентаря данного клада обнаруживают много общего с коллекцией каменных орудий с р. Иганджа: грубо обработанные заготовки копий, стрел, дротиков, бифасов, резцов с трехгранными рукоятками и т.п. Стоит отметить, что в Верхнетытыльском кладе №2, как и в кладе №1, присутствуют заготовки и законченные экземпляры наконечников айонского типа, что является характерным маркером поздненеолитической северочукотской культуры.

Таким образом, наиболее близкие аналогии в типах инвентаря и характере обработки камня обнаруживаются с кладами со стоянок Хетагчан II, Верхнетытыльская IV (клад №2) и кладом с оз. Эльгыгытгын, что, предположительно, определяет принадлежность этого скопления к носителям ымыяхтахской или северочукотской поздненеолитических культур II-I тыс. до н.э.

Обсуждение материалов

Данный компактный закрытый комплекс вещей с р. Иганджа, идентифицируемый нами как «клад», несет для исследователя более ограниченную информацию, нежели культурные остатки поселенческих стоянок. Вместе с тем эта информация более конкретна, если касаться анализа отдельных аспектов жизнеобеспечения древнего человека. В отличие от набора инвентаря стоянок, в котором могли сохраняться реликвии (выступающие в качестве сакральных фетишей), предметы заимствования и культурного обмена, индивидуальный набор клада несет на себе опечаток обстановки его создания – «здесь и сейчас». При определении культурной атрибуции такого материала эта особенность может являться как помехой – если клад создавался носителями неизвестной субкультуры, так и наоборот, хорошей подсказкой – в силу «чистоты» орудийного набора, исключающего обнаружение случайных предметов в комплексе.

По мнению некоторых исследователей, клад каменного века является индикатором индивидуальности [9; 12], потому что отображает личный выбор, предпочтения индивида при отборе каменного сырья, выборе способа его обработки, при изготовлении определенных типов орудий для последующего сохранения и использования. Этот тезис об индивидуальном трансформируется в понятие о личной собственности, т.к. клад формировался набором именно личных вещей. В этой связи интересно вернуться к типологии кладов, т.к. ритуальный клад мог быть создан всей общиной или некоторым кругом избранных лиц, в то время как создание других типов кладов (личные, обменные, охотничьи) является отражением сугубо личных предпочтений создателя. Иганджинский клад, бесспорно, был создан одним мастером, в пользу чего говорит и единообразие обработки заготовок – противоящая унифасиальная обработка боковых лезвий ударной ретушью.

Иганджинский клад располагался на первой невысокой надпойменной террасе, с которой открывается обширный вид на протяженную пойму реки, куда могли приходиться на водопой северные олени или лоси, а преобладание в кладе заготовок острий (как отмечалось выше) лишь подталкивает к мысли о неслучайном выборе места для расположения данного клада. Такая стратегически выгодная закладка орудий иллюстрирует довольно размеренный и стабильный быт древнего человека на этой

территории. Люди не один сезон наблюдали за передвижением животных, замечали их тропы и планировали свою охотничью деятельность заранее, приносили с месторождений кремневого сырья на сопках подходящий по своим качествам материал (в то время как поблизости в изобилии лежала речная галька, не пригодная для качественного расщепления) и изготавливали из него полуфабрикаты охотничьих орудий (которые затем укрывали в земле). За этим кладом древние охотники планировали вернуться и воспользоваться им непосредственно на этом месте. Такие «хранилища сырья и/или инструментов обнаруживаются на участках, где запланированы определенные мероприятия, такие как сезонная охота на путях передвижения стадных животных» [24, р. 271].

Все это свидетельствует о том, что люди, оставившие этот клад, достаточно долгое время проживали на определенной территории, из чего следует, что для внутриконтинентальных племен Колымы в позднем неолите была свойственна «относительная оседлость» (термин дан по: [6, с. 198]) образа жизни.

Заключение

Таким образом, анализ склада заготовок каменных орудий у р. Иганджа позволяет сделать следующие предварительные выводы:

Данное собрание вещей располагалось обособленно, контрольная прокопка до материка не выявила следов расположения здесь стационарной стоянки. Ввиду отсутствия каких-либо следов от построек, сооружений, очага, можно охарактеризовать данное скопление как целенаправленно сокрытое.

Ряд выявленных особенностей позволяет идентифицировать данное скопление как клад древнего человека: все вещи располагались изолированно единым компактным слоем на площади в 1 кв. м (закрытый комплекс); не было обнаружено отходов производства (что характерно для одномоментной закладки, без признаков расположения на этом месте стационарной мастерской или стоянки); собрание представлено серией однотипных артефактов с единообразной обработкой (эта особенность позволяет отнести их по принадлежности к одному автору).

Характер набора отложенных изделий в данном кладе – преобладание острий для последующего преобразования их в наконечники стрел/дротиков или копий, свидетельствует об охотничьем характере этой закладки.

Клады каменных заготовок играли важную роль в стратегии выживания древнего человека, такая тактика не только облегчала транспортировку сырья к месту назначения (в данном случае – к месту охоты), но и служила созданию важного сырьевого хранилища для «снижения риска материального дефицита» [25, р. 267].

Для более полной культурно-хронологической атрибуции данного скопления и определения его роли в ряде культур каменного века Северо-Востока Азии необходимы дальнейшие полевые изыскания на территории его местонахождения, а также пересмотр известных скоплений каменного века Северо-Востока Азии на предмет их возможной интерпретации в контексте кладов древнего человека.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арцыбашева Т.Н. Клад и кладоискательство в этимологии, типологии и современной жизни // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского гос. ун-та. 2015. №1. С. 1-9.
2. Брей У., Трамп Д. Археологический словарь. М.: Прогресс, 1990.
3. Воробей И.Е. Устье Магадавена I – позднепалеолитическое местонахождение в верховьях р. Армань // V Диковские чтения. Магадан: СВКНИИ, 2008. С. 66-68.
4. Гордиенко А.В. Радужнинский клад // Археология, этнография и антропология Евразии. 2007. №2. С. 63-74.
5. Государственная геологическая карта. Масштаб 1:200000 (новая серия). Лист Р-56-XXXI / Ред. И.Н. Котляр, В.Н. Смирнов; Авт. П.Н. Аноров, Г.М. Юдина, М.И. Зименко. СПб: КФ ВСЕГЕИ, 2001.
6. История первобытного общества. Эпоха первобытной родовой общины / Отв. ред. Ю.В. Бромлей. М.: Наука, 1986.
7. Кирьяк М.А. Каменный век Чукотки. Магадан: Кордис, 2005.
8. Кирьяк М.А. Поздненеолитические клады Чукотки // Неолит и палеометалл севера Дальнего Востока. Магадан, 2006. С. 22-26.
9. Колесник А.В. Ранцевые наборы кремневых инструментов каменного века как отражение феномена индивидуальности (к постановке вопроса) // Вестник Московского университета. Серия 23. Антропология. 2016. № 2. С. 122-128.
10. Колесник А.В. Эволюция взглядов на клады кремневой продукции юга Днепро-Донского междуречья: от сокровищ к культовым объектам // Stratum plus. 2018. №2. С. 259-271.

11. Костылева Е.Л., Уткин А.В. Волосовские ритуальные клады в составе погребальных комплексов (хронология и типология) // Тверской археологический сборник. 2011. Вып. 8. С. 340-360.

12. Леонова Н.Б., Виноградова Е.А. Специфические скопления культурных остатков на верхнепалеолитической стоянке Каменная Балка 2 // Труды Исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2014. №18. С. 88-98.

13. Максименков Г.А. Современное состояние вопроса о периодизации эпохи бронзы Минусинской котловины // Первобытная археология Сибири. Л., 1975. С. 48-58.

14. Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья: Историко-археологическое исследование. Ч. I, II. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1950.

15. Окладников А.П., Некрасов И.А. Новые следы континентальной неолитической культуры на Чукотке (находки у озера Эльгытхын) // Советская археология. 1957. № 2. С. 102-114.

16. Саяпин А.К., Диков Н.Н. Древние следы каменного века на Чукотке (находки на берегу озера Эльгытхын) // Записки Чукотского краеведческого музея. 1958. Вып. 1. С. 17-31.

17. Сериков Ю.Б. Сакральный аспект кладов каменных изделий на территории Урала // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. 2016. Вып. IX. С. 7-29.

18. Слободин С.Б. Новые неолитические стоянки Верхнего Приколымья (стоянки на озере Хуренджа) // Краеведческие записки. 1988. Вып. 15. С. 127-137.

19. Слободин С.Б. Верхняя Колыма и Континентальное Приохотье в эпоху неолита и раннего металла. Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2001.

20. Слободин С.Б. Распространение на Северо-Востоке Азии наконечников айонского типа и проблема районирования неолитических культур Чукотки // Культура Сибири и сопредельных территорий в прошлом и настоящем. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2003. С. 93-94.

21. Табарев А.В. Палеоиндейские клады-тайники Северной Америки // Гуманитарные науки в Сибири. 1999. № 3. С. 84-87.

22. Федосеева С.А. Диринг-Юряхский могильник (Ограбление могил и проблема зарождения первобытного атеизма) // Археология Якутии. Якутск: Изд-во ЯГУ, 1988. С. 79-98.

23. Angevin, R. and Langlais, M., 2009. Où sont les lames? Enquête sur les «caches» et «dépôts»

de lames du Magdalénien moyen (15 000 BP – 13 500 BP). In: Du matériel au spirituel: réalités archéologiques et historiques des "dépôts" de la Préhistoire à nos jours: XXIXe rencontres internationales d'archéologie et d'histoire d'Antibes. Antibes, 2009, pp. 223-242.

24. Barkai, R. and Gopher, A., 2011. Two flint caches from a Lower-Middle Paleolithic flint extraction and workshop complex at Mount Pua, Israel. In: 2nd International Conference of the UISPP Commission on Flint Mining in Pre – and Protohistoric Times, Oxford: Archaeopress, pp. 265-274.

25. Huckell, B.B. and Kilby, J.D., 2014. Clovis caches: current perspectives and future directions. In: Graf, K.E., Ketron, C.V. and Waters, M.R. eds., 2014. Paleoamerican Odyssey. College Station: Texas A&M University Press, pp. 257-272.

26. Hurst, S., 2017. Territorial perspective on lithic caching: Insights from Garza Protohistoric (1450-1650 CE) caching strategies on the Southern Plains, USA. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1040618217303051>

27. Meltzer, D.J., 2009. First peoples in a New World: colonizing Ice Age America. Berkeley: University of California Press.

28. Peresani, M., 2009. The range of caching behavior among the past hunter-gatherers of Europe. In: Du matériel au spirituel: réalités archéologiques et historiques des "dépôts" de la Préhistoire à nos jours: XXIXe rencontres internationales d'archéologie et d'histoire d'Antibes. Antibes, 2009, pp. 19-27.

REFERENCES

1. Artsybasheva, T.N., 2015. Klad i kladoiskatel'stvo v etimologii, tipologii i sovremennoi zhizni [Cache and cache hunt in etymology, typology and modern life], Uchenye zapiski. Elektronnyi nauchnyi zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta, no. 1, pp. 1-9. (in Russ.)

2. Brei, U. and Tramp, D., 1990. Arkheologicheskii slovar' [Archaeological dictionary]. Moskva: Progress. (in Russ.)

3. Vorobey, I.E., 2008. Ust'e Magadavena I – pozdnepaleoliticheskoe mestonakhozhdenie v verkhov'iakh reki Arman' [Magadaven Mouth I – Late Paleolithic locality in the upper reaches of the Arman' River]. In: V Dikovskie chteniya. Magadan: SVKNII, pp. 66-68. (in Russ.)

4. Gordienko, A.V., 2007. Raduzhninskii klad [Raduzhnin cache]. Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii, no. 2, pp. 63-74. (in Russ.)

5. Kotlyar, I.N. and Smirnov, V.N. eds., 2001. Gosudarstvennaya geologicheskaya karta [State geological map]. Sankt-Peterburg. (in Russ.)
6. Bromley, Yu.V. ed., 1986. Istoriya pervobytnogo obshchestva. Epokha pervobytnoi rodovoi obshchiny [History of the primitive society. The epoch of the bloodline]. Moskva: Nauka. (in Russ.)
7. Kir'yak, M.A., 2005. Kamenniy vek Chukotki [The Stone Age of Chukotka]. Magadan: Kordis. (in Russ.)
8. Kir'yak, M.A., 2006. Pozdneoliticheskie klady Chukotki [Late Neolithic caches of Chukotka]. In: Neolit i paleometall severa Dal'nego Vostoka. Magadan, pp. 22-26. (in Russ.)
9. Kolesnik, A.V., 2016. Rantsevye nabory kremnevykh instrumentov kamennogo veka kak otrazhenie fenomena individual'nosti (k postanovke voprosa) [Tool kits of Stone Age flint implements as a reflection of individuality phenomenon: formulating a question], Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 23. Antropologiya, no. 2, pp. 122-128. (in Russ.)
10. Kolesnik, A.V., 2018. Evolyutsiya vzglyadov na klady kremnevoi produktsii yuga Dnepro-Don'skogo mezhdurech'ya: ot sokrovishch k kul'tovym ob'ektam [Evolution of views on the caches of flint objects in the South of the Dnieper-Don Interfluvium: from hidden treasures to cult objects], Stratum plus, no. 2, pp. 259-271. (in Russ.)
11. Kostyleva, E.L. and Utkin, A.V., 2011. Volosovskie ritual'nye klady v sostave pogrebal'nykh kompleksov (khronologiya i tipologiya) [The ritual hoards of the Volosovo Culture in burial complexes (chronology and typology)], Tverskoi arkheologicheskii sbornik, vyp. 8, pp. 340-360. (in Russ.)
12. Leonova, N.B. and Vinogradova, E.A., 2014. Spetsificheskie skopleniya kul'turnykh ostatkov na verkhnepaleoliticheskoi stoyanke Kamennaya Balka 2 [Specific accumulations of cultural remains in the Upper Paleolithic site Kamennaya Balka 2], Trudy Istoricheskogo fakul'teta Sankt-Peterburgskogo universiteta, no. 18, pp. 88-98. (in Russ.)
13. Maksimenkov, G.A., 1975. Sovremennoe sostoyanie voprosa o periodizatsii epokhi bronzy Minusinskoi kotloviny [The current state of the question of the Bronze Age periodization of the Minusinsk Basin]. In: Pervobytnaya arkheologiya Sibiri. Leningrad, pp. 48-58. (in Russ.)
14. Okladnikov, A.P., 1950. Neolit i bronzoviy vek Pribaikal'ya: Istoriko-arkheologicheskoe issledovanie. Ch. I, II [Neolithic and Bronze Age of the Baikal region: historical and archaeological research. Part I, II]. Moskva-Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. (in Russ.)
15. Okladnikov, A.P. and Nekrasov, I.A., 1957. Novye sledy kontinental'noi neoliticheskoi kul'tury na Chukotke (nakhodki u ozera El'gytkhyn) [New traces of the continental Neolithic culture in Chukotka (artefacts from Elgytkhyn Lake)], Sovetskaya arkheologiya, no. 2, pp. 102-114. (in Russ.)
16. Sayapin, A.K. and Dikov, N.N., 1958. Drevnie sledy kamennogo veka na Chukotke (nakhodki na beregu ozera El'gygytgyn) [Ancient traces of the Stone Age in Chukotka (artefacts on Elgygytgyn Lake)], Zapiski Chukotskogo kraevedcheskogo muzeya, vyp. 1, pp. 17-31. (in Russ.)
17. Serikov, Yu.B., 2016. Sakral'niy aspekt kladov kamennykh izdelii na territorii Urala [Sacral aspect of the buried treasures of stone artefacts on the territory of Ural], Mirovozzrenie naseleniya Yuzhnoi Sibiri i Tsentral'noi Azii v istoricheskoi retrospektive, vyp. IX, pp. 7-29. (in Russ.)
18. Slobodin, S.B., 1988. Novye neoliticheskie stoyanki Verkhnego Prikolym'ya (stoyanki na ozere Khurendzha) [New Neolithic sites of Upper Prikolymye (sites at Khurendzha Lake)], Kraevedcheskie zapiski, vyp. 15, pp. 127-137. (in Russ.)
19. Slobodin, S.B., 2001. Verkhnyaya Kolyma i Kontinental'noe Priokhot'e v epokhu neolita i rannego metalla [The Upper Kolyma and Continental Priokhotye in the Neolithic and Early Metal epoch]. Magadan: SVKNII DVO RAN. (in Russ.)
20. Slobodin, S.B., 2003. Rasprostraneniye na Severo-Vostoke Azii nakonechnikov ayonskogo tipa i problema raionirovaniya neoliticheskikh kul'tur Chukotki [The spread of Ayonskiy type harpoon tips over North-East Asia and the issue of zoning Neolithic culture in Chukotka]. In: Kul'tura Sibiri i sopredel'nykh territorii v proshlom i nastoyashchem. Tomsk: Izd-vo Tomskogo un-ta, pp. 93-94. (in Russ.)
21. Tabarev, A.V., 1999. Paleoindeiskie klady-tainiki Severnoi Ameriki [Paleo-Indian caches of North America], Gumanitarnye nauki v Sibiri, no. 3, pp. 84-87. (in Russ.)
22. Fedoseeva, S.A., 1988. Diring-Yuryakhskii mogil'nik (Ograblenie mogil i problema zarozhdeniya pervobytnogo ateizma) [Deering Yuryakh burial ground (Grave robbery and the problem of the birth of primitive atheism)]. In:

Arkheologiya Yakutii. Yakutsk: Izd-vo YaGU, pp. 79-98. (in Russ.)

23. Angevin, R. and Langlais, M., 2009. Où sont les lames? Enquête sur les «caches» et «dépôts» de lames du Magdalénien moyen (15 000 BP – 13 500 BP). In: Du matériel au spirituel: réalités archéologiques et historiques des "dépôts" de la Préhistoire à nos jours: XXIXe rencontres internationales d'archéologie et d'histoire d'Antibes. Antibes, 2009, pp. 223-242.

24. Barkai, R. and Gopher, A., 2011. Two flint caches from a Lower-Middle Paleolithic flint extraction and workshop complex at Mount Pua, Israel. In: 2nd International Conference of the UISPP Commission on Flint Mining in Pre – and Protohistoric Times, Oxford: Archaeopress, pp. 265-274.

25. Huckell, B.B. and Kilby, J.D., 2014. Clovis caches: current perspectives and future directions.

In: Graf, K.E., Ketron, C.V. and Waters, M.R. eds., 2014. Paleoamerican Odyssey. College Station: Texas A&M University Press, pp. 257-272.

26. Hurst, S., 2017. Territorial perspective on lithic caching: Insights from Garza Protohistoric (1450-1650 CE) caching strategies on the Southern Plains, USA. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1040618217303051>

27. Meltzer, D.J., 2009. First peoples in a New World: colonizing Ice Age America. Berkeley: University of California Press.

28. Peresani, M., 2009. The range of caching behavior among the past hunter-gatherers of Europe. In: Du matériel au spirituel: réalités archéologiques et historiques des "dépôts" de la Préhistoire à nos jours: XXIXe rencontres internationales d'archéologie et d'histoire d'Antibes. Antibes, 2009, pp. 19-27.

Л.Н. Жукова*

К ВОПРОСУ О ПОЯВЛЕНИИ ЖЕЛЕЗНЫХ ИЗДЕЛИЙ
И КУЗНЕЧЕСТВА У СЕВЕРНЫХ ЮКАГИРОВ

В статье анализируются данные из различных источников о появлении первых изделий из железа у колымских юкагиров, привлекаются данные по юкагирам рек Яны, Индигирки, Анадыря. Хронологические рамки исследования охватывают период с конца XVI до конца XIX вв. Источниками нового материала и технологий изготовления предметов из металла для юкагиров являлись якуты, русские, возможно, тунгусы. В середине XVIII в. самые восточные группы юкагиров р. Анадырь уже знали кузнечество, оленные чукчи освоили кузнечество позднее.

Ключевые слова: Колымский регион, юкагиры, железные изделия, кузнечество, якуты, русские

On the emergence of iron items and blacksmithing among the northern Yukagirs. LYUDMILA N. ZHUKOVA (Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences)

The article analyzes the data from various sources on the emergence of the first iron items among the Kolyma Yukagirs, including the facts about the Yukagirs of the Yana, Indigirka and Anadyr rivers. The chronological scope of the study covers the period from the end of the XVIth to the end of the XIXth century. New materials and technologies of manufacturing iron items came from the Yakuts, Russians, and possibly the Tungus. In the middle of the XVIIIth century the most eastern Yukagir groups of the Anadyr River already knew blacksmithing, the Reindeer Chukchi mastered blacksmithing later.

Keywords: Kolyma region, Yukagirs, iron products, blacksmiths, Yakuts, Russians

В начале XX в. пионер юкагироведения В.И. Иохельсон писал, что с железом юкагиры познакомились ранее прихода русских на северо-восток Азии: «Древние юкагиры могли приобретать железо у якутов или японцев через курильцев, камчадалов и коряков или у китайцев через тунгусов ... и заимствовали искусство обработки железа не у русских, а у якутов» [12, с. 598-599]. К сожалению, обменные связи

юкагиров с названными народами еще мало исследованы.

Сохранилась челобитная русскому царю от известного землепроходца Семена Дежнева с сообщением о том, что в 1640-х гг. в боях с колымскими юкагирами он получил 9 ранений, причем два раза стрелой «железницею» (т.е. с железным наконечником) [15, с. 28]. Однако юкагиры верхней Колымы (или лесные, *одулы*)

* ЖУКОВА Людмила Николаевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела археологии и этнографии Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения РАН.

E-mail: zjukova@mail.ru

© Жукова Л.Н., 2018

считали себя народом, до прихода русских не знавшим железа, владевшим только каменными топорами, костяными стрелами и ножами из реберных костей животных [11, с. 105, № 28]. В варианте предания о первой встрече с русскими сообщается, что «юкагиров было весьма много. Среди русских вместе были (т.е. юкагиры объединились. – прим. авт.), взять их (русские) не могли». После того, как часть юкагиров умерла от эпидемии, силы их ослабли. «С русскими побратались, – говорится в предании. – Русские топоров дали. Русские сказали: «Этим дерево рубите». Все начали рубить. Некоторые, свои ноги отрубив, умерли. Свои каменные топоры все бросили. Ножей дали. Разных вещей – все давали» [11, с. 123, № 30].

Из текста следует, что верхнеколымские одулы после некоторого сопротивления («взять их (русские) не могли») «побратались» с русскими, и русские передали юкагирам «разные вещи», особенно отмечены предметы быта из железа – топоры для рубки деревьев и ножи, т.е. это не были предметы вооружения. Начиная с первой половины XVII в. изделия из металла (железо, медь, олово) для обмена на пушнину везли с собой землепроходцы, отправляясь на северо-восток Азии. Так, в 1640 г. из Якутского острога вниз по р. Лене для ясачного сбора отправился московский приказчик Яков Козьмин, кроме муки, воска, сетей, тканей и прочего, он вез «20 цепей собачьих... 3 000 пуговиц оловянных, 70 колокольчиков, 1 пуд олова в блюдах, 1,5 пуда меди красной в котлах, 2 пуда меди зеленой» [19, с. 19].

Расселению якутов на севере Якутии также предшествовали военные столкновения. Об этом повествуют отрывки песенных преданий юкагиров. «Недалеко от нынешнего Адья (Абья? – прим. авт.) (р. Индигирка) одулы увидели нечто невиданное и необъяснимое: они увидели белых и черных оленей без рогов с круглыми копытами, с волосатыми до самой земли хвостами. И на этих «оленях», больших, как лоси, ездили верхом люди, вооруженные **железными** (выделено нами. – прим. авт.) копьями и мечами, которые были гораздо смертоноснее, что копьё одулов или их стрелы с костяными и каменными наконечниками. Они поражали всех, кого только увидят. Эти существа, шестиногие, двуглавые, четырехглазые, с длинным хвостом, были все же смертны, ... и юкагиры ... сначала только убивали этих невиданных оленей, т.е. якутских лошадей, считая их главным злом, а на седоков даже не обращали осо-

бого внимания. Это и было причиной падения юкагиров и победы и торжества якутов», – писал верхнеколымский юкагир, первый из числа народов Севера к.э.н. Н.И. Спиридонов (Тэки Одулок) [18, с. 23].

Следовательно, еще до прихода русских на северо-восток Азии отдельные группы северных юкагиров узнали о железных боевых изделиях от якутских воинов. Известно, что русские землепроходцы встретили якутов-скотоводов близ устья р. Вилюй, на средней Лене и на р. Яне [16, с. 281], откуда они, видимо, продвигались далее на восток, в частности, на Индигирку, о чем поется в юкагирском предании. На верхней Колыме первые якутские поселения появились после прихода туда русских казаков, следовательно, первые железные изделия верхнеколымские юкагиры не могли получить от якутов.

Надо полагать, что колымские и другие территориальные группы юкагиров, как северные, так и южные, впервые узнали о железе не от пришлых торговцев, а во время военных столкновений. Установлению дружественных, меновых и торговых сношений юкагиров с соседними народами предшествовал период боевых стычек, на что указывается в архивном документе, составленном Семеном Дежневым, и в юкагирском фольклоре. Сообщение С. Дежнева в 1640-х гг. о наличии железных стрел у колымских юкагиров касается, должно быть, северной нижнеколымской группы юкагиров, имевшей ранние контакты с якутами.

Сведения о железных изделиях северные юкагиры могли получить и от тунгусов, на что указывал В.И. Иохельсон. Современные исследователи полагают, что «еще в начале XVII в. между юкагирами и эвенками велась вооруженная межплеменная вражда: эвенки расселялись на юкагирские земли и занимали их, юкагиры пытались отстоять свои территории, и в ходе этого процесса происходили ожесточенные столкновения, в которых юкагиры, согласно сообщенным В. Иохельсону преданиям, «преследовали тунгусов как диких зверей», и обе стороны доходили до того, что не щадили даже женщин» [14, с. 39]. Более точных сведений о наличии железных изделий у этих прибывших на север ранних тунгусских групп нет. «Отметим, что приохотские эвенки (ламуты), постоянные противники юкагиров в XVII в., в 1651 г., по сообщению русского документа, бились с русскими «збруйны и оружейны, с луки и копыя, в куюках и шишаках, в железных и костяных»» [13, с. 108].

А.А. Немировский сделал подборку архивных и литературных данных о железных изделиях, бывших в употреблении у северных юкагиров в первой половине XVII в. Так, «в челобитье Прокопия Краснояра от 1645 г. сказано, что уже в 1642 г. индигирские юкагиры атаковали русских служилых врукопашную не только своим обычным оружием (ножами, копьями, каменными топорами и т.д.), но и «саблями(!)»» [13, с. 108].

В.И. Иохельсон юкагирской «саблей» называл большой охотничий нож *чомо чобойэ*, используемый для поволоки оленей из челнока, а также для разделывания мяса лося или оленя: это «боевое оружие, в виде короткой сабли, по-якутски называется *батас*» [11, с. 69, № 17 (прим. 7); 12, с. 603]. Наличие в 1642 г. у индигирских юкагиров железной «сабли» (возможно, якутского *батас*) явно указывает на то, что оружие было трофейным, полученным в период стычек с иноплеменными воинами.

Особо интересен следующий приведенный в книге архивный документ. В 1649/1650 г. янские юкагиры в составе выплачиваемого русской власти ясака передали служилым людям изделия из металла: «десять куяков [наборных панцирей] якутских да четверы наручны [наручн], шапку железную [шлем], девять безмен олова, двести восемьдесят семь полиц [пластин] куяшных, две пальмы большие ..., два ножишка руския» [13, с. 109]. Таким образом, янские юкагиры сдали русским в ясак железные изделия преимущественно якутского производства (10 панцирей с 287 отдельными пластинами к ним, 4 наручн, 1 шлем, 2 большие пальмы). Вполне возможно, что под названием «большие пальмы» подразумеваются те же якутские сабли *батас*. Железное боевое снаряжение якутских воинов могло сохраняться янскими юкагирами как трофейное, доставшееся от периода проникновения якутов и защиты юкагирами своих северных территорий. Предполагаемые столкновения происходили в конце XVI – самом начале XVII вв., т.к. по картографической схеме, составленной Г.А. Поповым, на верхней и нижней Яне в 1630-х гг. уже значатся несколько поселений якутов [16, с. 280].

Предметы боевого снаряжения якутов в арсенале юкагиров – железные стрелы, «сабли», панцири – не были массовыми. В русских документах того времени, как показывают приведенные записи, упоминания о них единичны и с некоторым недоумением присутствия железных изделий среди прочего оружия юкаги-

ров, изготовленного из природных материалов. В историческом предании алазейских юкагиров о борьбе с соседними чукчами в начале XVII в. сообщается, что юкагирский вождь Эдилвей был облачен в железный панцирь [13, с. 109]. В середине XVII в. «замиренные» янские юкагиры сдали в ясак русским уже потерявшие прежнее значение боевые трофеи.

В перечне 1649/1650 г. в составе выплаченного янскими юкагирами ясака названы «два ножишка руския» и «девять безмен олова» – предметы, полученные от русских. Неясны причины включения этих предметов в ясак. Например, группа анадырских юкагиров-ходынцев в начале 1654 г. обещала русским возить их грузы с Анадыря на Анюю в обмен на «железо всякое дельное» (т.е. на всевозможные изделия из железа) [13, с. 109]. В меновой торговле с русскими на меха юкагиры предпочитали другим товарам железо «делное» (т.е. в изделиях) и одекуй (крупный бисер). В качестве «делного» железа привозили в Юкагирскую землю и разобранные на пластины куяхи (доспехи) [15, с. 28].

Во второй половине XVII в. анадырские, верхнеколымские, а также смежных приохотских ареалов юкагирские племена подверглись нападению другого восточного соседа – коряков. «По разрозненным русским источникам создается впечатление, что в конце 1660-х – 1680-х гг. имела место вспышка экспансии коряков... однако после 1690-х гг. такие набеги были существенно затруднены – приохотские коряки, смежные с бассейном Колымы, были довольно прочно обоснованы» [13, с. 11]. По-видимому, период примерно в сто лет (конец XVI – конец XVII вв.) для северных юкагиров рек Яны, Индигирки, Алазеи, Колымы, Анадыря был полон драматических событий, связанных с приходом якутских воинов, тунгусов, русских казаков-землепроходцев и коряков. Физические и моральные силы преимущественно охотничье-рыболовных юкагирских племен были истощены в неравной борьбе. С этого времени, нужно думать, начинается физическая и культурная депопуляция северных юкагиров, осложненная государственной ясачной политикой.

Полагаем, что сходные процессы могли происходить и в Южной Якутии, куда на ранних этапах железного века (начало I тыс. н.э.) стали проникать группы иноэтнического населения, вооруженного железным оружием [1]. Группы южных юкагиров и соседствующие с ними иноэтнические племена (носители неолитической

традиции хоронить умерших в грунтовых могилах, а также оставившие наскальные рисунки позднего неолита – бронзового века, по своему смысловому содержанию не соответствовавшие мировоззренческим установкам древних юкагиров [4; 6; 9]) были разгромлены пришельцами. Одной из причин их поражения являлась архаичность боевого арсенала, изготовленного из природных материалов (камень, кость, рог, дерево). Предполагаемый отход каких-то групп аборигенного населения в западном, северном и восточном направлениях мог осуществляться по ранее известным военно-промысловым, обменным, кочевым родоплеменным маршрутам.

События в южной и центральной Якутии, разделенные временем примерно в 1,5 тыс. лет – появление воинов, вооруженных железным оружием (начало I тыс. н.э.) и казаков с огнестрельным оружием (начало XVII в.), представляют собой два относительно схожих по значимости исторических события, вызвавших стрессовое состояние у населения Якутии и откочевки его с территорий проживания на новые места.

Со второй половины XVII в. с русскими связано более или менее систематическое получение колымскими юкагирами железных изделий. Плательщики ясака юкагиры в XVII-XVIII вв. обычно получали железные изделия в обмен на пушнину, участвуя в казачьих экспедициях в качестве проводников, рекрутировались в походы «на немирных» инородцев и проч. С появлением ввозимых торговыми и промышленными людьми предметов из металла и постепенным развитием собственного юкагирского кузнечества (в XVIII в.) произошло естественное исчезновение традиции использования камня в качестве материала для изготовления боевых и утилитарных предметов. Многие в прошлом изделия из камня были заменены на железные (топоры, ножи, наконечники стрел, копий, дротиков, скребки и проч.), однако количество их было незначительным. В этот период в традиционном инвентаре стали преобладать костяные изделия. Несмотря на это, в конце XX – начале XXI вв. юкагиры продолжали сохранять пережиточное религиозно-магическое отношение к камню как носителю особой природной силы [7].

В середине XVIII в. самые восточные группы юкагиров, проживавшие по р. Анадырь, имели разнообразные изделия из железа и могли его обрабатывать. И.С. Гурвич сделал анализ документа 1754 г. об ограблении оленными чук-

чами юкагиров чуванского и ходынского родов на р. Налуче (район р. Анадырь) [3]. В реестре отобранного у юкагиров имущества преобладающее число составляли домашние олени, одежда и металлические изделия. Исследователь писал: «Среди оружия упоминаются железные копыя, стрелы железницы, пальмы, железные наручни (кистени), ножи с украшениями в виде оловянных припоев. Следует отметить, что в списке упомянуто значительное число предметов русского производства, по-видимому, приобретенных юкагирами у русских служилых, торговых и промышленных людей. Большую ценность представляли для юкагиров металлические инструменты: топоры, всевозможные пилы, сверла (напари), зубила, палемки кроильные, тюкавки, скобели, молотки, ножницы и т.д... Среди захваченного имущества следует отметить медные и железные котлы, оценивавшиеся от 2 до 21 руб., сковороды, привозные украшения: круги серебряные, наигольники, колокольчики» [3, с. 248-249].

Едва ли юкагирскими или русскими были железные панцирные кольчуги: «У наиболее богатых и знатных юкагиров были кольчуги (куяки) представлявшие, по-видимому, большую ценность и редкость, так как перечень имущества начинался с них» [3, с. 248]. В тексте дважды названы «куяк железный» ценой 16 руб. 50 коп. и 14 руб. 50 коп. По одному разу упоминаются: «шишак железный», «палка железная», «трезуб железный», «тул (колчан) медный».

Опись показывает, что среди отнятых вещей чуванцев и ходынцев у князца Ядачи Соболюкова значатся «двой мехи» ценой 1 руб. У Толяха Еремкина – «одне клещи, два молота» общей стоимостью 6 руб. Четыре раза в списке назван «молот однорушный» по цене от 50 коп. до 1 руб. Эта восточная юкагирская группа в середине XVIII в. имела кузнечные меха, клещи, молоты, что является одним из ранних свидетельств появления местного кузнечества.

Из документа 1754 г. следует, что: 1) анадырские юкагиры (чуванцы и ходынцы) были оленеводами, по характеру оленеводства и глухому типу одежды их материальная культура близко примыкала к чукотской и корякской; 2) из описи имущества оленных коряков [2, с. 254], становится ясным, что в середине XVIII в. юкагиры и коряки получали железные изделия от русских, якутов и тунгусов; 3) кочевавшие восточнее р. Колымы оленные юкагиры и коряки имели своих кузнецов (умели чинить котлы), пользовались относительно одинаковыми

железными инструментами (топоры, ножи, палемки и др.) [8].

Якуты сыграли активную роль в распространении железных изделий среди юкагиров, когда расселились по р. Колыме, и якутское купечество приняло участие в сборе ясака и вступило в товарно-денежные отношения с аборигенным населением севера. «Во 2-й пол. XVIII в. усилилась торговля среди якутов. Появились свои купцы, которые кое-где стали вытеснять русский капитал. [В местную русскую администрацию] стали поступать жалобы русских купцов на «незаконную» торговлю якутов, особенно на севере» [17, с. 35].

Итак, во второй половине XVII-XVIII вв. под влиянием русских, якутов и тунгусов у северных юкагиров получили распространение изде-

лия из железа, почти полностью вытеснившие, в первую очередь, предметы из камня. Оленные чукчи, долгое время сопротивлявшиеся местной русской администрации, получали железные изделия чаще всего путем разорительных набегов на ясачных юкагиров и коряков.

В период проведения исследовательских работ В.И. Иохельсона (конец XIX – начало XX вв.) лесные юкагиры имели своего кузнеца, «который делал инструменты и различные изделия не только для своих сородичей, но и для соседей якутов и кочевых тунгусов» [12, с. 597-598]. Юкагирский кузнец мог ремонтировать ружья и копыя, делал ножи, топоры и др. (Рис. 1). Однако его изделия были несовершенными и грубыми: ножи и копыя, по свидетельству В.И. Иохельсона, отличались гибкостью, были и другие дефекты.

Рис. 1. Предметы из юкагирской коллекции В.И. Иохельсона [12]:

а – железный ледоруб; б – юкагирское копые, которым убивают оленей из челнока; в – топор для рубки деревьев

В осмотренных исследователем воздушных и наземных захоронениях колымских юкаги-ров XVIII-XIX вв. многие предметы вооруже-ния и промысла, религии и быта, украшения были изготовлены из природных материалов. Каменные наконечники стрел к концу XIX в. были заменены на костяные и железные, ис-пользовались и деревянные. В XVII-XVIII вв. в погребальном комплексе еще могли сочетаться предметы из камня и железа. В.И. Иохельсон при осмотре старинных юкагирских воздуш-ных могил нашел в одной из них (захоронение в колоде на 4-х столбах) каменные и костяные наконечники стрел, а также железное изделие: с левой стороны скелета лежал «наполовину проржавевший длинный воинский нож». Факт нахождения длинного воинского ножа из желе-за привел исследователя к заключению о том, что захоронение совершено после прибытия на Колыму «якутов, или, возможно, даже русских» [12, с. 312]. В этом мужском воздушном захоро-нении сочетаются древние (каменные наконеч-ники стрел) и новые привнесенные (железный воинский нож) элементы. Отсутствие железных изделий в юкагирских могилах объясняется также традицией не класть с покойником же-лезных изделий, которые отягощают «путника» в дороге.

В завершении исследования подведем неко-торые итоги.

1. В районе р. Колымы и рек северо-восто-ка Якутии археологические памятники начала I тыс. н.э., содержащие железные изделия, не обнаружены. Карта-схема распространения памятников раннего железного века в Якутии показывает, что носители культуры железного века двигались по южной и центральной Яку-тии в широтном направлении с востока на запад и вниз по р. Лене [1, с. 17].

2. Первые известия о железе некоторые группы северных юкаги-ров получили от якутов (и тунгусов?) в конце XVI – начале XVII в., еще до прихода русских казаков на северо-восток Азии.

3. Первые железные изделия появились у колымских юкаги-ров в виде боевых трофеев, позднее – как подарки от пришельцев (якуты, русские). В результате иноэтничных заимство-ваний появилось кузнечество и собственные кузнецы. На железо могли быть перенесены от-дельные автохтонные формы каменных и костя-ных изделий (середина XVIII-XIX вв.) [5; 10].

4. В распространении железных изделий можно выделить три этапа: начальный – появ-

ление боевых предметов в результате проник-новения этносов, набегов с целью захвата имущества, женщин, территорий. Второй пери-од – обменные контакты. Третий период – хо-зяйственно-культурные контакты. В этот пе-риод происходит освоение техники обработки металла.

5. Межэтнические контакты на северо-вос-токе Якутии в середине II тыс. н.э. (юкагиры, якуты, тунгусы, русские, коряки) способство-вали разнообразию инвентаря, в том числе из металла.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев А.Н. Древняя Якутия: железный век и эпоха средневековья. Новосибирск: Изд-во ИАиЭ СО РАН, 1996.
2. Вдовин И.С. Очерки этнической истории коряков. Л.: Наука, 1973.
3. Гурвич И.С. Юкагиры чуванского рода в середине XVIII в. // Сибирский этнографиче-ский сборник. Т. 35. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1957. С. 246-262.
4. Жукова Л.Н. Очерки по юкагирской куль-туре. Ч. 2. Новосибирск: Наука, 2012.
5. Жукова Л.Н. Феномен «якутского» ножа // Очерки по юкагирской культуре. Ч. 3. (Из ранее опубликованного). Якутск: Бичик, 2013. С. 71-79.
6. Жукова Л.Н. Древние грунтовые погре-бения р. Колымы (палеоэтнографический ана-лиз) // Homo Eurasicus в системах социальных коммуникаций. Материалы VI Всероссийской научно-практической конференции. Санкт-Пе-тербург, 26 октября 2015. М.-Берлин: Ди-рект-Медиа, 2015. С. 317-342.
7. Жукова Л.Н. Значение гальки и камня в традиционной культуре колымских юкаги-ров // Гуманитарные исследования в Восточной Си-бири и на Дальнем Востоке. 2015. № 3. С. 15-20.
8. Жукова Л.Н. Материальная культура юка-ги-ров-чуванцев (По архивному документу XVIII в.) // Якутский архив. 2015. № 1. С. 16-20.
9. Жукова Л.Н. Неолитическое погребение Каменка II на Средней Колыме (палеоэтногра-фический анализ) // Северо-Восточный гумани-тарный вестник. 2015. № 3. С. 19-26.
10. Жукова Л.Н. Традиционные формы ножей аборигенного населения Колымы и Чукотки: от каменной индустрии к изделиям из железа // Гуманитарные исследования в Восточной Си-бири и на Дальнем Востоке. 2017. №4. С. 22-28.
11. Иохельсон В.И. Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора, собранные в Колымском округе. Якутск: Бичик, 2005.

12. Иохельсон В.И. Юкагиры и юкагиризированные тунгусы / пер. с англ. В.Х. Иванова и З.И. Ивановой-Унаровой. Новосибирск: Наука, 2005.

13. Немировский А.А., Прокопьева П.Е. Материалы для изучения эпоса о Халандине. М.: «Буки Веди», 2017.

14. Немировский А.А., Прокопьева П.Е., Жукова Л.Н. «Грабитель не для себя»: мотив юкагирского эпоса о Халандине в историко-культурном контексте // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2018. № 1. С. 36-40.

15. Огородников В.И. Из истории покорения Сибири: Покорение юкагирской земли // Труды Университета народного образования в Чите. Кн. 1. Чита, 1922.

16. Попов Г.А. Расселение якутов в XVII и XVIII ст. // Сочинения. Т. 2. Якутск, 2006. С. 278-288.

17. Попов Г.А. К истории национально-буржуазного движения в Якутии до революции // Сочинения. Т. 6. Якутск, 2016. С. 11-72.

18. Спиридонов Н.И. (Тэки Одулок). Одулы (юкагиры) Колымского округа. Якутск: Северовед, 1996.

19. Явловский П.П. Летопись города Якутска от основания его до настоящего времени. Т. 1. Якутск: Якутский край, 2002.

REFERENCES

1. Alekseev, A.N., 1996. Drevnyaya Yakutiya: zhelezniy vek i epokha srednevekov'ya [Ancient Yakutia: the Iron Age and the Middle Ages]. Novosibirsk: Izd-vo IAI SO RAN. (in Russ.)

2. Vdovin, I.S., 1973. Ocherki etnicheskoy istorii koryakov [Essays on the ethnic history of the Koryaks]. Leningrad: Nauka. (in Russ.)

3. Gurvich, I.S., 1957. Yukagiry chuvanskogo roda v seredine XVIII v. [The Yukagirs of the Chuvan family in the middle of the XVIII century]. In: Sibirskiy ehtnograficheskiy sbornik. T. 35. Moskva-Leningrad: Izd-vo AN SSSR, pp. 246-262. (in Russ.)

4. Zhukova, L.N., 2012. Ocherki po yukagirskoy kul'ture. Ch. 2 [Essays on the Yukagir culture. Part 2]. Novosibirsk: Nauka. (in Russ.)

5. Zhukova, L.N., 2013. Fenomen «yakutskogo» nozha [The phenomenon of the «Yakut» knife]. In: Ocherki po yukagirskoy kul'ture. Ch. 3. (Iz ranee opublikovannogo). Yakutsk: Bichik, pp. 71-79. (in Russ.)

6. Zhukova, L.N., 2015. Drevnie gruntovye pogrebeniya r. Kolymy (paleoetnograficheskiy analiz) [Ancient soil burials of the Kolyma river

(paleoethnographic analysis)]. In: Homo Eurasicus v sistemakh sotsialnykh kommunikatsiy. Materialy VI Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Sankt-Peterburg, 26 oktyabrya 2015. Moskva-Berlin: Direkt-Media, pp. 317-342. (in Russ.)

7. Zhukova, L.N., 2015. Znachenie gal'ki i kamnya v traditsionnoy kul'ture kolymskikh yukagirov [The meaning of pebble and stone in the traditional culture of Kolyma Yukagirs], Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoy Sibiri i na Dal'nem Vostoke, no. 3, pp. 15-20. (in Russ.)

8. Zhukova, L.N., 2015. Material'naya kul'tura yukagirov-chuvantsev (Po arkhivnomu dokumentu XVIII v.) [The material culture of the Chuvans (according to the archival document of the 18th century)], Yakutskiy arkhiv, no. 1, pp. 16-20. (in Russ.)

9. Zhukova, L.N., 2015. Neoliticheskoe pogrebenie Kamenka II na Sredney Kolyme (paleoetnograficheskiy analiz) [Neolithic burial Kamenka II on the Middle Kolyma river (paleoethnographic analysis)], Severo-Vostochniy gumanitarniy vestnik, no. 3, pp. 19-26. (in Russ.)

10. Zhukova, L.N., 2017. Traditsionnye formy nozhey aborigennogo naseleniya Kolymy i Chukotki: ot kamennoy industrii k izdeliyam iz zheleza [Traditional forms of knives among the indigenous population of Kolyma and Chukotka: from stone to iron items], Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoy Sibiri i na Dal'nem Vostoke, no. 4, pp. 22-28. (in Russ.)

11. Jochelson, V.I., 2005. Materialy po izucheniyu yukagirskogo yazyka i fol'klora, sobrannyye v Kolymskom okruge [Materials on Yukagir language and folklore, collected in the Kolyma district]. Yakutsk: Bichik. (in Russ.)

12. Jochelson, V.I., 2005. Yukagiry i yukagirizirovannyye tungusy [Yukagir and Yukagirized Tungus]. Novosibirsk: Nauka. (in Russ.)

13. Nemirovsky, A.A. and Prokopieva, P.E., 2017. Materialy dlya izucheniya eposa o Khalandine [Materials for studying the epic about Khalandin]. Moskva: «Buki Vedi». (in Russ.)

14. Nemirovsky, A.A., Prokopieva, P.E. and Zhukova, L.N., 2018. «Grabit' ne dlya sebya»: motiv yukagirskogo eposa o Khalandine v istoriko-kul'turnom kontekste [«To plunder not for oneself»: the motif of the Yukagir epic about Khalandin in the historical and cultural context], Severo-Vostochnyy gumanitarnyy vestnik, no. 1, pp. 36-40. (in Russ.)

15. Oгородников, V.I., 1922. Iz istorii pokoreniya Sibiri: Pokorenie yukagirskoy zemli [From the

history of conquest of Siberia: the conquest of the Yukagir land]. In: Trudy Universiteta narodnogo obrazovaniya v Chite. Kn. 1. Chita. (in Russ.)

16. Popov, G.A., 2006. Rasselenie yakutov v XVII i XVIII st. [The settlement of the Yakuts in the XVII and XVIII centuries]. In: Popov, G.A., 2006. Sochineniya. T. 2. Yakutsk, pp. 278-288. (in Russ.)

17. Popov, G.A., 2016. K istorii natsional'no-burzhuaznogo dvizheniya v Yakutii do revolyutsii [To the history of the national-bourgeois movement

in Yakutia before the revolution]. In: Popov, G.A., 2016. Sochineniya. T. 6. Yakutsk, pp. 11-72. (in Russ.)

18. Spiridonov, N.I., 1996. Oduly (yukagiry) Kolymского округа [Oduls (Yukagirs) of the Kolyma district]. Yakutsk: Severoved. (in Russ.)

19. Yavlovskiy, P.P., 2002. Letopis' goroda Yakutsk ot osnovaniya ego do nastoyashchego vremeni. T. 1 [Chronicle of the city of Yakutsk from its foundation to the present day. Vol. 1]. Yakutsk: Yakutskiy krai. (in Russ.)

А.А. Сулейманов*

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА В АРКТИЧЕСКИХ РАЙОНАХ ЯКУТИИ В 1960-х – 1970-х гг.

В статье на основе анализа научной литературы и архивных материалов реконструирована история проведения в 1960-х – 1970-х гг. этнографических исследований в арктических районах Якутии, выявлены персональный состав и география реализованных инициатив, определены их основные направления. Автор описывает вклад участников изысканий в аккумуляцию научных сведений об истории, этногенезе, этнических процессах, традиционной хозяйственной деятельности и культуре долган, эвенков, эвенов, юкагиров и русских арктических старожилов Якутии.

Ключевые слова: этнография, экспедиции, научные исследования, Арктика, Якутия, коренные народы

Ethnographic study of the Northern indigenous peoples in the Yakut Arctic, 1960s – 1970s. ALEXANDER A. SULEYMANOV (Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences)

Based on the analysis of scientific works and archival materials, the article reconstructs the history of ethnographic study of the Northern indigenous peoples in the Arctic regions of Yakutia in 1960s and 1970s. The author explores the geographical scope and directions of the expeditions, describing the contribution of their members to the collection of information about the history, ethnogenesis, ethnic processes, traditional economy and culture of Dolgan, Evenki, Evens, Yukagirs and Russian Arctic old-timers of Yakutia.

Keywords: ethnography, expeditions, research, Arctic, Yakutia, indigenous peoples

13 арктических районов Якутии занимают гигантскую площадь в более чем 1600 тыс. кв. км и являются местом традиционного проживания представителей 5 коренных малочисленных народов Севера: долган, чукчей, эвенков, эвенов, юкагиров, а также самобытного этнического сообщества русских арктических старожилов. Начиная с XVIII в. эти аборигенные этносы оказались в фокусе внимания исследователей и путешественников [17]. Однако к

середине прошлого столетия число «лакун» и «белых пятен» в научных сведениях об их истории, языке и культуре по-прежнему существенно превышало размеры изведенного.

Своеобразным этнографическим бумом в истории изучения коренных малочисленных народов Севера были ознаменованы 1950-е гг. Этот бум в значительной степени был связан с именем выдающегося советского североведа И.С. Гурвича, который первоначально работал

---

* СУЛЕЙМАНОВ Александр Альбертович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения РАН.

E-mail: alexas1306@mail.ru

© Сулейманов А.А., 2018

в Институте языка, литературы и истории Якутского филиала Академии наук (ИЯЛИ ЯФ АН) СССР, а затем стал сотрудником московского Института этнографии АН СССР. Под руководством И.С. Гурвича в течение 1951-1954 гг. в 10 арктических районах Якутии были проведены исследования, посвященные выявлению этнического состава и численности аборигенных этносов, сбору материалов по их традиционной культуре, хозяйству и быту [8]. В 1959 г. исследователь являлся научным руководителем Юкагирской комплексной экспедиции – одной из выдающихся инициатив в истории научного познания не только этого древнего этноса, но и его «соседей» по Колымскому региону [9]. Участие в изысканиях Юкагирской комплексной экспедиции стало фактически «лебединой песней» в проведении И.С. Гурвичем масштабных полевых исследований в Заполярной Якутии. К тому времени он уже перебрался на работу в Москву, а вскоре сосредоточился на изучении народов Чукотки и Камчатки [1, с. 23-26]. После отъезда ученого этнографов-североведов такой квалификации и опыта в Якутии не осталось. В результате следующий период активизации этнографического изучения коренных малочисленных народов произойдет лишь в 1980-е гг., в том числе – на волне новых общественно-политических веяний. Вероятно, именно в силу отмеченных «волн» в деятельности этнографов, 1950-е и 1980-е гг., пусть и в крайне ограниченных масштабах, но представлены в отечественной историографии [2; 3; 8; 9; 10], тогда как период между этими двумя десятилетиями фактически не рассматривался специалистами по истории науки. Между тем, как будет показано в данной работе, в 1960-е – 1970-е гг. на севере Якутии было реализовано несколько интересных исследовательских инициатив, безусловно, заслуживающих должного освещения. Представляется очевидным, что реализация эффективной государственной политики в отношении коренных малочисленных народов Севера возможна лишь на основе концептуализации и корректной интерпретации опыта их научного изучения.

Первые из рассматриваемых исследований были организованы Институтом языка, литературы и истории в Момском и Томпонском районах Якутии. В течение 8 октября – 30 ноября 1960 г. научный сотрудник института М.Я. Жорницкая, а также работавшие по договору лаборанты эвены И.Е. Тарабукин (11.10 – 24.10), П.Х. Стручков (27.10 – 1.11) и Т.К. Неустроева

(3.11 – 13.11), занимались изучением традиционных эвенских плясок и игр.

В колхозах «Коммунизм» (Улахан-Чистайский наслег), «Сайды» (Чыбагалахский наслег), «Правда» (участок Суон тит) Момского района, «Победа» и им. Жданова Томпонского района исследователи опросили свыше 130 информантов. В единый вопросник входили пункты о содержании, смысле того или иного танца, значении танцевальных или игровых терминов, особенностях организации (участники, место и традиции исполнения) народной игры или пляски. Также информантам задавались вопросы, касающиеся традиционных свадебных обрядов и шаманских культов.

Основной формой проведения исследования было визуальное наблюдение за исполнением этнического танца или игры и его фиксация на кино – и фотопленку. Кроме того, на магнитофонную ленту записывались запевы к эвенским танцам, традиционные мелодии и песенные импровизации.

На основе собранного материала М.Я. Жорницкой были выявлены и описаны варианты исполнения традиционного эвенского хора, отдельные элементы старинных танцев «Кинди» и «Эһыкаай», свыше 20 эвенских игр; зафиксирована игровая и танцевальная терминология; определены основные различия в исполнении народных танцев шестью локальными группами эвенов. Одновременно исследователи записали 4 рассказа о свадебных обрядах эвенов, воспоминания о традиционной охоте на медведя и горного барана, охотничьих и врачевательных обрядах шаманов, их приметах и костюме (Рукописный фонд Архива Якутского научного центра СО РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 369. Л. 1-58).

Как и И.С. Гурвич, М.Я. Жорницкая вскоре была приглашена на работу в Институт этнографии АН СССР и переехала в Москву, что еще более усугубило кадровый дефицит этнографов-североведов в Якутии. В результате все последующие из рассматриваемых изысканий проводились уже специалистами, приезжавшими в республику в командировку.

Так, в 1969–1971 гг. жизнедеятельность юкагиров и эвенов находилась в фокусе исследований научного сотрудника Института этнографии АН СССР В.А. Туголукова. Следует отметить, что В.А. Туголуков являлся специалистом главным образом по истории и этнографии тунгусоязычных народов нашей страны. Ко времени своей поездки в Якутию им, в частно-

сти, была написана научно-популярная книга «Следопыты верхом на оленях» [14] и серия научных статей «Охотские эвенки», «Изменения в хозяйстве и быте эвенков Иркутской области за полтора века», «У эвенков западной части Эвенкийского национального округа и Туруханского района Красноярского края» и др. [11; 13; 15]. Именно как эксперт-тунгусовед В.А. Туголуков подошел к изучению юкагиров.

Полевой и документальный материал о лесной группе данного этноса ученый собирал в июле 1969 г. в поселке Зырянка и селе Нелемное Верхнеколымского района. Исследовательская работа фактически состояла из двух частей: изучения документов районного архива и опроса информантов.

В ходе проведенных изысканий В.А. Туголуков составил список населения Нелемного с указанием года рождения, семейного положения, грамотности, рода занятий, национальной и родовой принадлежности. Кроме того, исследователем были получены сведения о сохранившихся у местных жителей преданиях, касающихся происхождения юкагиров, традиционных обрядах, современной хозяйственной деятельности и условиях жизни в Нелемном (образование, снабжение, цены на отдельные товары и услуги, случаи суицида и др.) (Научный архив Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, далее – НА ИЭА РАН. Ф. 44. Оп. 12. Д. 1618. Л. 45-59).

В полевом сезоне следующего, 1970 г. в фокусе внимания В.А. Туголукова наряду с юкагирами находились также эвенки. Исследования начались 10 июля в поселке Черский, где в течение недели ученый проводил опросы местного населения, работал с материалами районных организаций и архива. 17-27 июля В.А. Туголуков побывал в юкагиро-эвенском селе Андрушкино и рыболовецком поселении юкагиров на озере Малое Улуру. Далее из Черского исследователь вылетел в административный центр Аллаиховского района поселок Чокурдах (28 июля), откуда на моторной лодке отправился в село Ойотунг – место проживания чукчей, эвенков и юкагиров (29 июля – 2 августа). Вернувшись в Чокурдах (3 августа) В.А. Туголуков проследовал по маршруту: п. Дружина (Абыйский район, 8-9 августа) – п. Зырянка (Верхнеколымский район, 9 августа) – п. Хандыга (Томпонский район, 10-17 августа) – с. Томпо (17 августа – 7 сентября) – г. Якутск (9-24 сентября) (НА ИЭА РАН. Ф. 142. Оп. 2. Д. 82. Л. 108-109).

Как и в ходе предыдущей экспедиции в каждом из посещенных ученым мест компактного проживания исследуемых этносов им составлялся подробный список местных жителей. Кроме того, с целью сбора материала по проблеме экзогамии В.А. Туголуков старался выяснить девичьи фамилии жены и матери главы семьи. Значительное внимание в ходе изысканий было уделено сбору сведений о традиционных видах хозяйственной деятельности – охоте, рыболовстве и оленеводстве; материалов, касающихся мифологии, этнических связей и национальной самоидентификации, а также этнической терминологии и, в целом, лингвистической ситуации (НА ИЭА РАН. Ф. 142. Оп. 2. Д. 82. Л. 113-115).

Среди выводов, сделанных В.А. Туголуковым по результатам проведенных изысканий, важнейшее место занимали положения о глубоким тунгусском¹ влиянии, оказанном на материальную и духовную культуру юкагиров и их образ жизни в целом.

Так, в опубликованной в 1979 г. работе «Кто вы, юкагиры?» В.А. Туголуков отметил, что ядро этнической группы, «именующей себя одулами и говорящей на тундровом диалекте юкагирского языка», составляют «тунгусы, выходцы с Нижней Лены, женившиеся на юкагирских женщинах» [12, с. 33].

Кроме того, по мнению ученого, юкагиры заимствовали у тунгусов навыки ведения оленеводства, технику охоты на диких оленей, переносные чумы, систему отсчета месяцев, элементы традиционной одежды. Определяющее влияние тунгусы оказали и на отход юкагиров от матрилокального брака [12, с. 14-131].

Любопытны также выводы В.А. Туголукова о заимствовании юкагирами другого, казалось бы, традиционного для представителей этого народа занятия – ездового собаководства. По предположению исследователя, исконные умения, которыми обладали древние юкагиры, были практически полностью утрачены из-за вынужденной миграции под натиском тунгусов на север – в места, где условия для развития данной отрасли были значительно хуже (в первую очередь, из-за нехватки корма). Новый импульс развитие ездового собаководства по-

¹ Термин «тунгусы» В.А. Туголуков использовал как собирательный, объединяющий родственные тунгусо-маньчжурские народы – эвенков и эвенков. В частности, в 1985 г. ученым была опубликована монография «Тунгусы (эвенки и эвенки) Средней и Западной Сибири».

лучило в XVIII в., до этого сохраняясь «скорее как реликт, чем как полноценная отрасль традиционной культуры» [12, с. 74-75]. Вот что по этому поводу отмечал сам исследователь: «Возродилось ездовое собаководство у юкагиров после прихода русских. Поселившись в конце XVII в. в низовьях Индигирки, а также на Колыме, русские завели в своем хозяйстве собачьи упряжки. Этот способ передвижения им был знаком еще со времени установления торговых связей Древней Руси с остяками (ханты и манси) Западной Сибири» [12, с. 75].

Если работа «Кто вы, юкагиры?» главным образом базировалась на материалах полевых исследований 1969-1970 гг., то та часть фундаментальной монографии В.А. Туголукова «Тунгусы (эвены и эвенки) Средней и Западной Сибири», которая касалась эвенков северо-западных районов Якутии, была основана на изысканиях автора, проведенных в 1971 г.

В течение июля – сентября В.А. Туголуков работал в Анабарском, Оленекском, Жиганском и Булунском районах. Перед ученым стояли задачи исследования истории местных хозяйств, этнического и родового состава, этнических процессов, направлений деятельности совхозов, условий труда и быта его членов, а также сочетания традиций и новаций в культуре. Для решения названных задач В.А. Туголуков, преимущественно используя авиатранспорт (самолеты АН-2, ИЛ-14, ИЛ-18, ЛИ-2, вертолет МИ-4), проделал путь по следующему маршруту: Москва – Якутск (19 июля) – Саскылах (20 июля, с посещением оленеводческих бригад совхоза «Анабарский» и его отделения в с. Юрюнг-Хая) – Оленек (30 июля) – Жилинда (2 августа) – Оленек (12 августа) – Жиганск (16 августа) – Кыстатыам (18 августа, катер СП-40) – Тикси (23 августа, теплоход «XXXX лет ВЛКСМ») – Хара-Улах (27 августа, с посещением на лошади рыболовецкого участка в бухте Сытыгын-Тала) – Тикси (2 сентября) – Кюсюр (3 сентября) – Тикси (10 сентября, теплоход «XXXX лет ВЛКСМ») – Якутск (11 сентября) – Москва (18 сентября). Методика проведения изысканий включала опрос населения, изучение документальных материалов Научного архива ЯФ АН СССР, местных архивов и учреждений, фотографирование и зарисовки. Собранный эмпирический материал был зафиксирован в двух тетрадях и на пяти катушках фото пленки (НА ИЭА РАН. Ф. 142. Оп. 2. Д. 86. Л. 163-165).

Приоритетное место в подготовленном по итогам экспедиции 1973 г. В.А. Туголуковым

отчете занял анализ этнической истории коренного населения исследованных районов Якутии. Одним из наиболее любопытных результатов проведенных изысканий является заковычивание в нем этнонимов «якуты» и «эвенки», в случае их употребления применительно к аборигенному населению исследованных районов. Данный факт объяснялся активнейшими ассимиляционными процессами на северо-западе Якутии.

Так, в отношении давно проживавших на Анабаре якутов (в отличие от недавно поселившихся здесь) В.А. Туголуков отметил, что они «не якуты в полном значении этого слова и тем более не тунгусы (эвенки), а якутоязычный сплав якутского, тунгусского и русского населения» (НА ИЭА РАН. Ф. 142. Оп. 2. Д. 86. Л. 171). При этом, несмотря на общий вывод об отнесении аборигенов северо-запада Якутии к оригинальному этническому сообществу северных якутов, ученый достаточно настойчиво проводил параллели между якутами Анабарского района и долганями Красноярского края. В частности, В.А. Туголуков отметил, что смешение «анабарских якутов с тунгусами и русскими привело к образованию населения, весьма близко напоминающего долган на Таймыре и явно связанных с ними генетически» (НА ИЭА РАН. Ф. 142. Оп. 2. Д. 86. Л. 169).

В соседнем Оленекском районе, напротив, основная масса населения относилась к эвенкам. Однако исследователь установил, что значительная их часть «принадлежит к якутским родам Катыгын (Хатыгын, Хатылинский), Рюняй, Маймага, Осогостох, Чорду, Эспех и др., неизвестным у эвенков» (НА ИЭА РАН. Ф. 142. Оп. 2. Д. 86. Л. 172). Косвенное подтверждение «давней ассимиляции эвенков северо-западной Якутии якутами» В.А. Туголуков увидел в длительном отсутствии среди аборигенов ареала родовой экзогамии, а также как минимум вековой традиции отнесения к родному языку якутского. Вообще положения о родном языке как ключевом маркере определения национальной принадлежности занимали важное место в исследованиях ученого. В частности, по его сведениям, на момент изысканий эвенкийский язык знали всего 6-8 человек. Одной из них была старейшая жительница Жилинды 99-летняя Е.Х. Сергеева, а остальные являлись недавними мигрантами из Илимпейского района Эвенкийского округа (НА ИЭА РАН. Ф. 142. Оп. 2. Д. 86. Л. 171-176). В результате В.А. Туголуков пришел к выводу о принадлежности

аборигенного населения Оленекского района «к тому же этническому образованию (слою), что и анабарские “якуты”» (НА ИЭА РАН. Ф. 142. Оп. 2. Д. 86. Л. 176).

Схожая ситуация была зафиксирована и у «эвенков» (кавычки В.А. Туголукова – *прим. авт.*) Жиганского района. Здесь также, по мнению исследователя, тунгусское население было давно «объякучено», а сами якуты переняли у эвенков и эвенов хозяйство и образ жизни. Ученый выявил «достаточно индифферентное» отношение аборигенов района к определению своей национальной принадлежности. Например, как было отмечено в итоговом отчете, житель Кыстатыама Н.А. Семенов на вопрос о том, кем он себя считает эвенком или якутом, ответил: «саха, эвенки – симбирь (все равно)» (НА ИЭА РАН. Ф. 142. Оп. 2. Д. 86. Л. 178). При этом ученому не удалось выявить ни одного носителя эвенкийского языка в Жиганском районе, а охарактеризованный жителями единственным его знатоком в районе Д.С. Семенов, как установил В.А. Туголуков, в действительности владел западным диалектом эвенского языка – предки информанта за полвека до этого перекочевали на Лену с Верхоянья. В итоге исследователь зафиксировал в Жиганском районе наличие «некоторого числа эвенов», которые, между тем, не знали такого этнонима и относили себя к эвенкам (НА ИЭА РАН. Ф. 142. Оп. 2. Д. 86. Л. 176-180).

Несмотря на аналогичную путаницу в терминологии в Булуномском районе здесь В.А. Туголукову удалось выявить именно эвенское население. В связи с этим ученый отметил, что западной границей расселения представителей данного этноса следует считать нижнее течение Лены (НА ИЭА РАН. Ф. 142. Оп. 2. Д. 86. Л. 182-185).

В упомянутой выше монографии «Тунгусы (эвены и эвенки) Средней и Западной Сибири», опубликованной в 1985 г. на основе привлечения материалов рассмотренных полевых исследований и комплекса архивных документов, В.А. Туголуков с большой скрупулезностью рассмотрел историю тунгусских родов, их миграции на северо-запад Якутии, а также дальнейших межэтнических связей [16, с. 175-236].

В последний год полевой работы В.А. Туголукова в арктических районах Якутии начались исследования Якутского отряда Института этнографии АН СССР. Общее научное руководство деятельностью отряда осуществлял профессор Ленинградского государственного университета (ЛГУ) Р.Ф. Итс. Полевые изыска-

ния возглавляла младший научный сотрудник Ленинградского отделения Института этнографии АН СССР Р.В. Каменецкая. Фактически это были совместные исследования Ленинградского отделения Института этнографии и кафедры этнографии и антропологии Исторического факультета ЛГУ. Причем активное участие в них принимали не только ученые названных научных центров, но и проходившие практику студенты.

В первый год своей работы исследования Якутского отряда, в которых участвовало 13 человек, осуществлялись тремя группами в период с 25 июня по 5 августа 1971 г.

Антропологическая группа (руководитель – аспирантка ЛГУ Л.Ф. Томтосова) занималась сбором антропометрических, серологических, демографических и иных материалов в центральных районах Якутии: Намском, Мегино-Кангаласском и Алексеевском (сейчас – Таттинский). Этнографическая группа, возглавляемая Б.П. Шишло (ассистент кафедры этнографии и антропологии Исторического факультета ЛГУ), проводила исследования среди юкагиров Аллаиховского (25 июня – 6 июля), Нижне – и Верхнеколымского районов (6 июля – 30 июля) в селах Ойотунг, Андрюшкино и Нелемное, а также поселения на озере Малое Улууро. Помимо руководителя в группу также входили В.Б. Золотарева, В. Хартанович и В. Попов. Наконец, группа Р.В. Каменецкой (Р.Ф. Итс, К.П. Калиновская, Н.И. Бондарь, А.Б. Спеваковский) в населенных пунктах Полярное (Русское Устье), Черский, Походск и Чокурдах собирала сведения по этнографии русского старожильского населения (НА ИЭА РАН. Ф. 142. Оп. 2. Д. 86. Л. 102-103).

В июле 1972 г. Якутский отряд возобновил свои исследования уже в составе двух групп. Антропологическая группа Л.Ф. Томтосовой (2 участника) вновь работала в центральных районах Якутии. Этнографическая группа (руководитель Р.В. Каменецкая, студенты А.И. Терюков и С.С. Григорьев) продолжила сбор этнографического материала о русских старожилах. Маршрут этнографов выглядел следующим образом: Ленинград – Москва – Чокурдах – Полярный – участки в дельте Индигирки (Островок, Якутское жилье, Станчик, Яр, Лагашкино) – Полярный – Чокурдах – Черский – Походск – Черский – Москва – Ленинград (Научный архив Музея антропологии и этнографии РАН, далее – НА МАЭ РАН. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 1090. Л. 1).

Русское старожильческое население арктических районов Якутии было основным объектом исследований Якутского отряда Института этнографии АН СССР и в последний год его работы. Участники отряда (Р.В. Каменская и Б.П. Шишло) в июле – августе 1973 г. провели изыскания в низовьях реки Яны. Ученые обследовали села Казачье, Кресты и Усть-Янск, а также промысловые участки в дельте Яны и на ее протоках Хочомой и Хотоон (НА ИЭА РАН. Ф. 142. Оп. 2. Д. 99. Л. 188).

Учитывая территориальные рамки данного исследования, а также отложившийся источниковый материал, наибольший интерес представляют именно результаты изучения русских арктических старожилы Якутии. На основе опроса местных жителей, включавшего перепроверку материалов, полученных ранее исследователями (В.Г. Богораз, В.М. Зензинов, Д.Д. Травин, Т.А. Шуб, Н.М. Алексеев), изучения похозяйственных книг и данных о развитии совхоза члены отряда аккумулировали сведения о материальной и духовной культуре, годовом хозяйственном цикле, традиционных промыслах и обрядах этого самобытного этнического сообщества.

Участники экспедиции установили, что, несмотря на все унификационные процессы, представление о себе как об оригинальном этническом сообществе, отличном от «остальных русских», о чем ранее писал, в частности, И.С. Гурвич, продолжало занимать центральное место в картине мира русских старожилы. Так, колымчанин С.Е. Борисов сказал ленинградским этнографам следующее: «Вот вы русские, они (члены биологической экспедиции ЯАССР – прим. авт.) – якуты, а мы колымчане... ото всех понемножку» (НА МАЭ РАН. Ф. К-1. Оп. 1. Д. 1080. Л. 6). О значительной самобытности русских старожилы свидетельствовала, по мнению исследователей, также материальная культура, являвшаяся сплавом традиционной культуры русских и культуры аборигенов Севера: якутов, юкагиров, эвенов, чукчей. При этом элементы культуры названных народов были «переплетены так тесно и так выкристаллизовались, что образовалась особая, совершенно новая форма материальной культуры...» (НА МАЭ РАН. Ф. К-1. Оп. 1. Д. 1080. Л. 15-16).

Исследователи составили подробное описание промыслового календаря XIX – нач. XX вв., весенней добычи нерпы и традиционного жилища (однокамерный сруб с плоской крышей и пристраиваемыми к дому сенями, напоминав-

шими по форме якутскую юрту) русских старожилы, а также употребляемой ими пищи – в частности, было зафиксировано 18 различных способов приготовления рыбы. По наблюдениям участников изысканий, ко времени экспедиции практически полностью вышла из употребления старожильческое население традиционная повседневная одежда. Вместе с тем, сохранилась и активно использовалась промысловая амуниция [4, с. 45-49; 5, с. 12-14; 6, с. 115-116]. Благодаря опросам возрастных информантов были установлены сохранившиеся элементы традиционного фольклора («Виноградь») и религиозных представлений сообщества, являвших собой «переплетение дохристианских и христианских верований с представлениями и обрядностью ... коренного населения севера Сибири» [5, с. 14].

Важное место в изысканиях занял компаративный анализ традиционных хозяйства и культуры двух самобытных этнических групп русских старожилы – колымчан (походчан) и индигирщиков (русскоустыинцев). Следует отметить, что участники изысканий 1971-1973 гг. были первыми исследователями, специально обратившимися к сравнительному этнографическому изучению русских старожилы. В результате проведенных работ было установлено значительное сходство названных этнических групп. В частности, идентичными оказались способы рыболовного и пушного промыслов, добычи нерпы, собаководства. Значительное сходство наблюдалось также в конструкциях традиционных жилищ и хозяйственных построек, одежде, пище, средствах передвижения, промысловом календаре, народных знаниях, верованиях и обрядах. Небольшие различия были выявлены лишь в погребальном обряде и терминологии. Однако в целом, по наблюдениям исследователей, на Индигирке лучше сохранились архаические элементы. Объяснение данному факту было найдено в большей отдаленности региона от торговых путей и его фактической «замкнутости» – в низовьях Колымы же долгое время квартировалась часть якутского казачьего полка, проживали политические ссыльные и т.д. (НА МАЭ РАН. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 1090. Л. 11-20).

Участники экспедиции также составили краткое описание современной хозяйственной деятельности русских старожилы. В частности, было отмечено, что основными направлениями экономической деятельности аборигенов остаются традиционные рыболовство и пушной

промысел. Однако, если первое претерпело существенные изменения (широкое распространение получили моторные лодки и капроновые сети, было выстроено значительное количество ледников для хранения), то способы ведения охоты оставались практически неизменными – пасть на песца была «точно такой же, какой пользовались их деда», по-прежнему для объездов использовался собачий транспорт, сохранилась и промысловая одежда (НА МАЭ РАН. Ф. К-1. Оп. 1. Д. 1080. Л. 30).

Кроме того, в ходе экспедиционных работ исследователи приобрели для коллекции Музея антропологии и этнографии более тридцати предметов, относящихся к традиционным средствам передвижения, промысловой и повседневной одежде, хозяйственной деятельности и быту русских старожилов [6, с. 116].

Наряду с рассмотренными исследованиями В.А. Туголукова и участников Якутского отряда, важный вклад в изучение этнографии юкагиров в 1970-е гг. внес языковед Е.А. Крейнович. Еще в ходе Юкагирской комплексной экспедиции 1959 г. ученый по собственной инициативе параллельно с выполнением своих основных лингвистических задач занимался в Нижнеколымском районе сбором материалов, касающихся истории хозяйственной деятельности и обычаев юкагиров. Результаты проделанной работы нашли отражение в фундаментальной статье «Из жизни тундренных юкагиров на рубеже XIX-XX вв.» 1972 г. [7], которая позднее была переведена на английский язык и издана в журнале «Arctic Anthropology» [18]. В основе этих публикаций лежали сведения, полученные от самого близкого, пожалуй, для Е.А. Крейновича информанта – юкагира Н.Т. Трифонова, который еще в 1934 г., будучи студентом, помогал ученому делать первые шаги в познании юкагирского языка. Исследователем были подробно рассмотрены обычаи избегания, наследования, брачных отношений, распределения добычи у тундренных юкагиров, определены традиционные маршруты кочевий их алазейских представителей, показана конструкция зимнего и летнего жилища, способы пошива одежды. Наибольшую же ценность представляет самое содержательное, пожалуй, в существующей историографии описание хозяйственной деятельности тундренных юкагиров, сделанное Е.А. Крейновичем. Ученый привел детальный разбор годового хозяйственного цикла, методов охоты на диких оленей и линных гусей, охотничьего церемониала, техники кочевки, ловли

рыбы, обработки шкур, сооружения лодок и сапей, заготовки и хранения продуктов.

Таким образом, в рассмотренный период в арктических районах Якутии был реализован ряд исследовательских инициатив по аккумулярованию этнографического материала об аборигенных этносах региона. Характерной особенностью большинства из рассмотренных изысканий является их проведение специалистами научных учреждений Москвы и Ленинграда. В этом плане, прежде всего, в силу утечки квалифицированных кадров произошел определенный регресс в деятельности местной школы этнографов. Главное же заключается в том, что именно участникам проведенных исследований мы обязаны рядом господствующих в современной науке представлений об истории, этногенезе, традиционной культуре и хозяйственной деятельности эвенков, эвенов, юкагиров, русских арктических старожилов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Батьянова Е.П. Северная экспедиция Института этнографии (1956-1991 гг.) // Этнографическое обозрение. 2013. № 4. С. 17-34.
2. Боякова С.И. Гуманитарные проблемы Арктики: основные направления научных исследований // Якутия в российском научном пространстве XX – нач. XXI вв.: гуманитарные исследования / Отв. ред. В.Н. Иванов. Якутск: Изд-во ЯНЦ СО РАН, 2005. С. 56-70.
3. Винокурова Л.И., Кулаковский Г.П. Хозяйство Севера Якутии в экспедиционных исследованиях с 1920-х до 1960 г. // Общество: философия, история, культура. 2016. № 6. С. 62-65.
4. Каменецкая Р.В. Весенний промысел нерпы у русского населения Северо-Востока ЯАССР // Новое в этнографических и антропологических исследованиях (итоги полевых работ Института этнографии в 1972 году). Ч. 1. М.: Институт этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая, 1974. С. 45-49.
5. Каменецкая Р.В. Колымчане (по материалам экспедиции 1971 г.) // Краткое содержание докладов годичной научной сессии Института этнографии АН СССР 1971 г. Л.: Ленинградское отделение Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая, 1972. С. 12-14.
6. Каменецкая Р.В. Промысловый календарь русских старожилов Севера Якутии (XIX – начало XX в.) // Краткое содержание докладов годичной научной сессии Института этнографии АН СССР 1974-1976 гг. Л.: Наука, 1977. С. 115-116.
7. Крейнович Е.А. Из жизни тундренных юкагиров на рубеже XIX-XX вв. // Страны и

народы Востока. Вып. XIII. М.: Наука, 1972. С. 56-92.

8. Саввинов А.И. Север Якутии в исследованиях И.С. Гурвича // Якутский архив. 2009. № 3-4. С. 117-120.

9. Сулейманов А.А. Юкагирская комплексная экспедиция 1959 г. // Гуманитарные науки в Сибири. 2014. № 3. С. 74-78.

10. Сулейманов А.А. Якутия и международное сотрудничество по научному изучению коренных народов Арктики в 70-е – 80-е гг. XX в. // Актуальные проблемы новой и новейшей истории зарубежных стран. Материалы II международной научно-практической конференции. Симферополь, 23 сентября 2016 г. Симферополь: КФУ, 2016. С. 49-53.

11. Туголуков В.А. Изменения в хозяйстве и быте эвенков Иркутской области за полтора века // Советская этнография. 1965. № 3. С. 12-26.

12. Туголуков В.А. Кто вы, юкагиры? М.: Наука, 1979.

13. Туголуков В.А. Охотские эвенки // Советская этнография. 1958. № 1. С. 11-23.

14. Туголуков В.А. Следопыты верхом на оленях. М.: Наука, 1969.

15. Туголуков В.А. У эвенков западной части Эвенкийского национального округа и Туруханского района Красноярского края // Советская этнография. 1963. № 3. С. 159-165.

16. Туголуков В.А. Тунгусы (эвены и эвенки) Средней и Западной Сибири. М.: Наука, 1985.

17. Ширина Д.А. Отечественная наука и изучение Якутии в XVIII – начале XX вв. // Исторические связи народов Якутии с русским народом. Якутск: Якутское книжное изд-во, 1987. С. 40-76.

18. Kreynovich, E.A., 1979. The Tundra Yukagirs at the turn of the century. *Arctic Anthropology*, no. 16, pp. 187-215.

REFERENCES

1. Batyanova, E.P., 2013. Severnaya ekspeditsiya Instituta etnografii (1956-1991 gg.) [The Northern expedition of the Institute of Ethnography (1956-1991)], *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 4, pp. 17-34. (in Russ.)

2. Boyakova, S.I., 2005. Gumanitarnye problemyi Arktiki: osnovnyie napravleniya nauchnykh issledovaniy [Humanitarian problems of the Arctic: the main directions of scientific research]. In: Ivanov, V.N. ed., 2005. *Yakutiya v rossiyskom nauchnom prostranstve XX – nach. XXI vv.: gumanitarnye issledovaniya*. Yakutsk: YaNTs SO RAN, pp. 56-70. (in Russ.)

3. Vinokurova, L.I. and Kulakovskiy, G.P., 2016. Khozyaystvo Severa Yakutii v ekspeditsionnykh issledovaniyakh s 1920-kh do 1960 g. [The economy of the North of Yakutia in expeditionary research from the 1920s to 1960], *Obschestvo: filosofiya, istoriya, kultura*, no. 6, pp. 62-65. (in Russ.)

4. Kamenetskaya, R.V., 1974. Vesennyi promysel nerpy u russkogo naseleniya Severo-Vostoka YaASSR [Spring fishing of seals among the Russian population of the North-East of the YaASSR]. In: *Novoe v etnograficheskikh i antropologicheskikh issledovaniyakh (itogi polevykh rabot Instituta etnografii v 1972 godu)*, Ch. 1. Moskva: Institut etnografii im. N.N. Miklukho-Maklaya, pp. 45-49. (in Russ.)

5. Kamenetskaya, R.V., 1972. Kolymchane (po materialam ekspeditsii 1971 g.) [Citizens of Kolyma (according to the materials of the 1971 expedition)]. In: *Kratkoe sodержanie dokladov godichnoy nauchnoy sessii Instituta etnografii AN SSSR 1971 g.* Leningrad: Lenigradskoe otdelenie Instituta etnografii im. N.N. Miklukho-Maklaya, pp. 12-14. (in Russ.)

6. Kamenetskaya, R.V., 1977. Promysloviy kalendar' russkikh starozhilov Severa Yakutii (XIX – nachalo XX v.) [The fishing calendar of Russian old-timers in the North of Yakutia (XIX – early XX century)]. In: *Kratkoe sodержanie dokladov godichnoy nauchnoy sessii Instituta etnografii AN SSSR 1974-1976 gg.* Leningrad: Nauka, pp. 115-116. (in Russ.)

7. Kreynovich, E.A., 1972. Iz zhizni tundrennykh yukagirov na rubezhe XIX-XX vv. [From the life of tundra Yukagirs at the turn of the XIXth and XXth centuries]. In: *Strany i narody Vostoka*. Vyp. XIII. Moskva: Nauka, pp. 56-92. (in Russ.)

8. Savvinov, A.I., 2009. Sever Yakutii v issledovaniyakh I.S. Gurvicha [The North of Yakutia in the research of I.S. Gurchich], *Yakutskiy arkhiv*, no. 4, pp. 117-120. (in Russ.)

9. Suleymanov, A.A., 2014. Yukagirskaya kompleksnaya ekspeditsiya 1959 g. [The Yukagir Complex Expedition of 1959], *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, no. 4, pp. 74-78. (in Russ.)

10. Suleymanov, A.A., 2016. Yakutiya i mezhdunarodnoe sotrudnichestvo po nauchnomu izucheniyu korennykh narodov Arktiki v 70-e – 80-e gg. XX v. [Yakutia and the international cooperation in the study of indigenous peoples of the Arctic in the 1970s and 1980s]. In: *Aktualnyie problemyi novoy i noveyshey istorii zarubezhnykh stran. Materialy II mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Simferopol,

23 sentyabrya 2016 g. Simferopol: KFU, pp. 49-53. (in Russ.)

11. Tugolukov, V.A., 1965. *Izmeneniya v khozyaistve i byte evenkov Irkutskoy oblasti za poltora veka* [Changes in the economy and life of the Evenki of the Irkutsk region during a century and a half], *Sovetskaya etnografiya*, no. 4, pp. 12-26.

12. Tugolukov, V.A., 1979. *Kto vy, yukagiry?* [Who are you, the Yukagirs?]. Moskva: Nauka. (in Russ.)

13. Tugolukov, V.A., 1958. *Okhotskie evenki* [Okhotsk Evenki], *Sovetskaya etnografiya*, no. 4, pp. 11-23. (in Russ.)

14. Tugolukov, V.A., 1969. *Sledopyityi verkhom na olenyakh* [Rangers riding reindeers]. Moskva: Nauka. (in Russ.)

15. Tugolukov, V.A., 1963. *U evenkov zapadnoy chasti Evenkiyskogo natsionalnogo*

okruga i Turukhanskogo rayona Krasnoyarskogo kraya [Evenks of the western part of the Evenki National District and Turukhansk District of the Krasnoyarsk region], *Sovetskaya etnografiya*, no. 4, pp. 159-165. (in Russ.)

16. Tugolukov, V.A., 1985. *Tungusy (eveny i evenki) Sredney i Zapadnoy Sibiri* [Tungus (Even and Evenki) of Middle and Western Siberia]. Moskva: Nauka. (in Russ.)

17. Shirina, D.A., 1987. *Otechestvennaya nauka i izuchenie Yakutii v XVIII – nachale XX vv.* [Russian science and the study of Yakutia in the XVIII – early XX century]. In: *Istoricheskie svyazi narodov Yakutii s russkim narodom*. Yakutsk: Yakutskoe knizhnoe izd-vo, pp. 40-76. (in Russ.)

18. Kreynovich, E.A., 1979. *The Tundra Yukagirs at the turn of the century*. *Arctic Anthropology*, no. 16, pp. 187-215.

Д.Д. Амоголонова*

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ И ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КУЛЬТУРА
В СОВРЕМЕННОЙ БУРЯТСКОЙ ЭТНОСФЕРЕ

В статье на материалах современной Бурятии исследуется феномен культурной этносферы, понимаемой как пространство этнической идентичности и форма включения в социальные процессы. Автор доказывает, что современные художественные процессы являются культурным воплощением этнической идеологии, но при этом способствуют ее деполитизации. Благодаря реализации обучающей функции художественные практики решают задачи по ознакомлению этнической группы с национальными достижениями и травмами, особенностями исторического развития, основаниями для этнической гордости. Целостные представления об этнической культуре способствуют развитию позитивного этнонационального и гражданского патриотизма.

Ключевые слова: буряты, этносфера, этнокультурное возрождение, художественная культура, память, идентичность

Ethnic history and art in the modern Buryat ethnosphere. DARIMA D. AMOGOLONOVA (Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences)

Focusing on modern Buryatia, the article discusses the phenomenon of *cultural ethnosphere* as the space of ethnic identity and a form of inclusion in the social processes. The author argues that present-day processes in Buryat fine arts and literature are the cultural embodiment of ethnic ideology, at the same time contributing to its depoliticization. Due to the educational function, art practices serve to provide the ethnic group with the information on national achievements and traumas, features of its historical development, and grounds for ethnic pride. Holistic view of the ethnic culture contribute to the development of positive ethnic and national identity.

Keywords: Buryats, ethnosphere, ethnocultural revival, art, memory, identity

После недолгого, но достаточно выраженного периода всплеска этнонационализма в период перестройки в СССР и в первое десятилетие постсоветской истории, начиная 2000-х гг. бурятская этничность деполитизируется с одновременным развитием различных аспектов национальной культуры, составляющих в совокупности этнокультурное простран-

ство – этносферу. Если бурятский дискурс в период всплеска этничности характеризовался неразделенностью политических и культурных аспектов, то позже из него полностью исчезли политические вопросы, включавшие в себя, в частности, обсуждение права на самоопределение, объединение трех бурятских субъектов (Бурятии, Усть-Ордынского Бурят-

* АМОГОЛОНОВА Дарима Дашиевна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела философии, культурологии и религиоведения Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН.

E-mail: amog@inbox.ru

© Амоголонова Д.Д., 2018

ского автономного округа и Агинского Бурятского автономного округа), возвращение политонима бурят-монголы и даже воссоединение с монголами. Отметим, что рядовые носители этничности не проявляли особого интереса к политическим темам. А вот проблемы культурного возрождения, включая религию, бурятский язык, фольклор и литературу, традиционные формы хозяйственной деятельности (номадное скотоводство) и в целом сохранение сельского хозяйства, остаются важными аспектами социокультурного ландшафта. Сказания о предках и национальных героях, реальных и мифологических, становятся сюжетами художественного творчества, дают основу для проведения фестивалей и праздников, включаются в образовательные программы. Так осуществляется реальное сохранение и развитие самобытности этнической группы.

Деятели культуры Бурятии (не обязательно буряты) активно работают в сфере художественного творчества, основываясь на традиционных ценностях, но руководствуясь при этом требованиями современности в стиле и формах выражения. А задачу координации культурной жизни этноса взяло на себя межрегиональное общественное движение «*Всебурятская ассоциация развития культуры*» (ВАРК), отметившее в 2016 г. 25-летний юбилей существования. Выступая на съезде ВАРК 2016 г., спикер Народного Хурала Ц.-Д.Э. Доржиев в очередной раз определил назначение ВАРКа как содействие духовному единению и консолидации бурятского народа, проживающего в разных точках мира, а задачи организации сформулировал как сохранение этнической идентичности посредством поддержки бурятскому языку, возрождения традиций и обычаев [4].

В современном бурятском творчестве разнообразие сюжетов и средств художественного выражения вполне соответствует алгоритму *возвращения к корням* и преодоления социалистической безликости, заданности и усредненности, о чем знаменитая художница Алла Цибикова в конце 1980-х гг. говорила так (в связи с возрождением традиционной живописи): «Конечно же, везде все подвергается некоей стандартизации, и запоздалые рывки в утраченное жизненное пространство культового искусства выглядят очередным ретро, пестрым лоскутом от некогда роскошного одеяния – в неумелых подражающих руках. Но все-таки и в этих попытках – желание искреннее, в большинстве случаев, протянуть ниточку связи кровного

родства с великой культурой Востока. <...> Мы ведь почти космополиты. <...> ощущение национальности у меня появилось очень поздно <...>. По всей видимости, “порвалась связь времен” и поток национального искусства усох до ручья прикладного. Там (в Монголии. – прим. авт.) еще пульсирует древняя кровь. А у нас – вода» [6, с. 91-92].

Отказ от социалистических стандартов и ретнизация современного бурятского художественного творчества происходит вследствие обращения художников, скульпторов и музыкантов к национальным темам, связанным с культурно-исторической памятью. При этом художественный дискурс, с одной стороны, основывается на ценностях, значимых для этнической группы, а с другой – вносит свой вклад в упрочение унифицированной картины бурятской этносферы, в которой присутствуют константы, представляющие матрицу художественного творчества: величие истории и национальные травмы, культурные достижения (фольклор и прикладное искусство), высокая духовность, выражаемая в преданности буддийской религии и шаманской ритуалистике.

Описывая этносферу – систему знаков – посредством разнообразных образов, художественное творчество обогащает их символическими смыслами, заложенными в узнаваемых знаках. Так культура выполняет социальную функцию, о которой писал Ю.М. Лотман: «... произведения искусства представляют собой чрезвычайно экономные, емкие, выгодно устроенные способы хранения и передачи информации. Некоторые весьма ценные свойства их уникальны и в других конденсаторах и передатчиках информации, созданных до сих пор человеком, не встречаются» [7, с. 9-10]. Преимущество художественного творчества заключается в его демократичности и общедоступности, а желание познакомиться с ним обусловлено общим культурным настроением и социальными потребностями включения в этническое сообщество. Можно сказать, что символы, *предположительно* одинаково понимаемые носителями культуры, передают закодированную социально-значимую информацию, которая служит и эстетическим, и различным интегративным и воспитательным целям. Таким образом, можно сказать, что художественные произведения являются одновременно и фрагментом этносферы, и способом ее описания, и даже вообще формой (или одной из форм) ее существования.

Процесс конструирования постсоветской этнической идентичности включает в себя воплощение идеологием, усвоенных и присвоенных общественным сознанием, а многообразие их художественной реализации обуславливается талантом, манерой и целями творца. Поэтому для художника сюжет является лишь отправной точкой самовыражения, тогда как в создании художественного произведения более важную роль играет творческое видение и эстетические воззрения автора. Исключение составляет современная буддийская иконопись, в которой следование канону непреложно, а восприятие требует знания буддийской мифологии.

Специальные знания по буддийскому канону, в том числе и иконописному, приобретают студенты основанной известным художником Даши-Нимой Дугаровым школы-студии «Буряад зураг» (бурятская традиционная живопись), где их обучают рисованию *танка* (религиозные картины) минеральными красками (о роли Д.-Н. Дугарова в бурятском этнокультурном возрождении журналист Ю. Хороших писал: «Он был художником, философом, мыслителем, борцом, идеологом, другом и сыном своей земли» [12, с. 14]).

Буддийские сюжеты, иллюстрирующие возрождение буддийской традиции в Бурятии, присутствуют и в светской живописи, выполненной в традиционном стиле. Художник Лубсан Доржиев использует иконографическую манеру в портретистике (портрет Агвана Доржиева), а стиль *зураг* – в картинах «Укрощение тигра Дугар Зайсаном», «Луу» (дракон), «Матарай толгой» (чудовище макара). Традиционная бурятская орнаментика используется художником для изображения облаков, гор и земли в картине «Домог» (Зеленый жеребенок).

Этническая история и культура представляют неисчерпаемый источник сюжетов, а изображения реальных персонажей перемежаются с мифологическими (эпическими) героями. Образ Чингис-хана и его время были главными темами художественных произведений в период наиболее значительного интереса бурят к общемонгольской истории, что вдобавок индуцировалось знаменательным событием мирового масштаба – 800-летием монгольской империи (2006 г.). Еще больший и при этом неослабевающий интерес деятелей культуры вызывает образ эпического героя Гэсэра, воплощаемый в живописи и скульптуре (А.М. Миронов) и в музыке (опера в трех действиях «Гэсэр» композитора А.А. Андреева поставлена на сцене Бурятского театра оперы и балета).

При этом критики не всегда согласны с художниками в их явном подчинении живописным традициям собственного творческого видения и манеры, что подразумевает торжественно-парадное воплощение образов: «...зачастую присутствует налет некоего штампа в создании облика героя» [2, с. 10].

Принципиально иной подход к творчеству демонстрирует Даши Намдаков – самый известный бурятский скульптор по металлу. Его работы соединяют европейскую пластическую классику и бурятские сюжеты: не подчиняясь канону, Даши Намдаков воплощает фольклорные, буддийские и шаманские идеи, зооморфные представления о стихиях и времени в динамических фигурах реальных и фантастических персонажей («Царь-птица», «Конь Модэ», «Заан» (слон), «Ворон», «Стихия», «Буха-Найон» (бык-господин, тотемный первопредок предбайкальских бурят), «Воспомяная о будущем»).

Скульптор Баир Сундупов основывает свое творчество на бурятской и в целом центрально-азиатской художественной традиции, при этом современная стилистика непротиворечиво сочетается с концепциями буддийской религии и философии, с боевой историей и кочевой повседневностью предков (скульптуры «Смерть кочевника», «Преображение Ямараджи», «Сүхэ-Баатар», «Ташаангуй (Страсть)», «Хооһон шанар (Аллегория)», «Хан Хэрдиг (Хан-Гаруда)», «Тахил (Подношение богам)»).

Переосмысленные и модернизированные сюжеты бурятского национального фольклора легли в основу целого ряда театральных постановок. В спектакле «Свадебный круг, или Улейские девушки» (авторы – Э. и С. Жамбаловы, режиссер-постановщик Д. Баторова), поставленном на сцене Бурятского театра драмы, современная свадьба переплетается с мистическими сюжетами западно-бурятских легенд. Оценивая художественные достоинства и новаторские средства воплощения замысла спектакля, театровед А.А. Политов отметил, что эпические традиции, предания и легенды не только сохраняются в памяти народа: они дают возможность воспринимать культурное наследие как часть современной жизни, как философию этнической группы [9, с. 8].

Бурятские сказки легли в основу спектакля «Поющая стрела» (театр кукол «Ульгер», режиссер Э. Жалцанов), сюжет которого начинается с традиционного зачина, когда в улус приезжает улигершин (сказитель) и рассказы-

вает взрослым и детям легенду об отважном старом воине Мээл-баторе, который в одиночку противостоял неприятельской орде под предводительством жестокого Ээлэн-батара. Фольклорные мотивы представлены в спектакле динамично, с юмором и, что наиболее важно, вполне понятны современному юному зрителю. Более того, постановочная, игровая и текстовая яркость способствовали тому, чтобы спектакль был тепло встречен не только в Улан-Удэ, но и в Москве, став в 2006 г. лауреатом премии «Золотая маска» и войдя в репертуар Московского кукольного театра.

В основу спектакля-стихии «Угайм Сулдэ» (дух предков) (театр «Байкал») положены фольклорные и мифологические традиции монголоязычных народов, переданные в современной хореографии и музыкальном сопровождении. Цель своей работы создатели спектакля видят в воссоздании мировидения предков-кочевников, чтобы зритель мог «ощутить дыхание прошлого времени, изучить историю наших предков и открыть для себя новое измерение к жизни» [8, с. 20]. Спектакль получил широкое одобрение и в России, и во многих других странах. Созданный в 2005 г., он до сегодняшнего момента остается наиболее зрелищным, притягательным и объемным произведением театрального искусства Бурятии.

Как элемент этносферы, художественное возрождение апеллирует не только к чувству родства с традицией: через искусство осуществляется приобщение к этническим ценностям, т.е. проявляется *обучающая функция культуры*, поскольку многие буряты, особенно горожане, имеют поверхностные представления о, например, традиционных верованиях – буддизме и шаманизме (и их мифологии). Примером может служить театрализованный концерт «Ода Матери-Лебеди», поставленный в театре танца «Бадма Сэсэг» (художественный руководитель Д.Ж. Бадлуев), в котором представлена реконструкция шаманского обряда: путешествия шамана по нижнему, среднему и верхнему мирам. Подразумевалось, что спектакль, наряду с выполнением художественных задач, должен быть достоверным с точки зрения религиозных традиций и представить обобщенное шаманское культовое действо. Д.Ж. Бадлуев в интервью рассказал, что работа над спектаклем была сложной, потребовавшей новых знаний по бурятской этнографии, для чего он предварительно «перелистал сотни журналов и книг, ездил в фольклорные экспедиции, познакомился с

почтенными старцами, не раз бывал в музеях, чтобы детально изучить покроем традиционной бурятской одежды разных местностей, в том числе одежду кочевых племен» [5, с. 8]. Танец в том же спектакле достаточно достоверно изображает шаманский ритуал: «Праздник в честь Матери-Лебеди продолжается, чтобы к полудню завершиться. Вместе с яркими лучами хори-буряты и хонгодоры простятся со своим тотемом до следующего тайлгана. Но сначала поднесут Матери-Лебеди белый хадак, и каждый из них унесет к себе домой кусочек освященного уголька, чтобы укрепить свой очаг» [5, с. 8].

Отметим, что традиции бурятского шаманизма, как исконные верования, более древние, чем буддизм, пришедший в Забайкалье из Монголии в начале XVII в., занимают в художественном творчестве значимое место. Цели возрождения этнокультурной памяти на выставке современных художников «Шаманские тропы» в Музее истории Бурятии осуществляются в представлении зримых образов шаманского мировидения и ритуалистики: изображения духов-покровителей, родовых *обо* (культовые места), шаманских камланий («Шаманка», «Обряд», «Охотник» Ч. Мандаганова, «Камлание», «Таежник» Е. Болсобоева) соседствуют с визуально-художественным воплощением шаманской космологии; например, трехчленное вертикальное деление пространства, центром которого является пронизывающий все три уровня шаман на лошади, изображено на картине Е. Болсобоева «Замби тиб» (Путешествие по миру).

Еще более наглядно обучающая и просветительская функции культуры представлены в книге для детей «Алмазная книга о бурятах», написанной и проиллюстрированной художницей В.П. Алагуевой: рисунок, призванный показать ребенку структуру мироздания, представляет собой вертикальную трехчастную картину мира шаманской космологии. Разъясняя изображения, автор пишет: «Верхний мир – Небеса. Владыка Солнце. Средний мир – Земля. Владычица Этуген. Нижний мир – Подводное и Подземное Царства. Владыка Уса Лосон» [1, с. 64, 76]. Книга примечательна тем, что в ней в художественных формах представлен давно сложившийся в Бурятии религиозный синкретизм, подразумевающий непротиворечивое соединение буддийских, шаманских и христианских тем. Описывая бурятскую этническую картину мира, В. Алагуева изображает духов

и хозяев местности (Владыка Байкала, Хозяйка Ангары), Будду («Будда всегда смотрит за своими детьми, посылая им свою любовь») и Бодхисаттв, и одновременно поясняет, что архангелы – «Наши Небесные Отцы», а архангела Михаила называет равным Богу и Ваджрадхарой [1, с. 81] (т.е. изначальным Буддой, олицетворением Дхармакаи).

Чингис-хан, которому в дискурсе бурятского этнокультурного возрождения отведено центральное место национального героя, стал также заметной темой художественного творчества. Например, в книге Ялбака Халбая (Б. Халбаева) «Чингис-хан – гений» Чингис-хан изображается как великий полководец, гуманист, самый выдающийся государственный деятель и одновременно – как провидец и миротворец. Доказывая гениальность Чингис-хана, автор прибегает к стилю торжественной прозаической оды, в которой в констатирующей манере утверждается, что монголы эпохи Чингис-хана были самым передовым народом мира, руководствовались справедливыми законами-яса, создали дипломатию, обладали моралью и культурой, которой не знали завоеванные народы: «Более гуманных завоевателей и правителей-чужеземцев история человечества не знает» [11, с. 267-269, 283].

Воплощению образа Чингис-хана в сценическом искусстве сопутствует тот же возвышенно-торжественный тон. На сцене Бурятского театра драмы поставлен спектакль «Чингис-хан» (автор пьесы Б. Гаврилов) по мотивам «Сокровенного сказания», но с явным упором на философско-этические проблемы, более значимые для современников: «Неужели человек, перенесший такое глумление над собой, не попытается избавиться от подобного произвола своих родных, свой род и племя, весь мир?!» [3, с. 12].

В триптихе художника И. Налабардина «Из глубины веков» («Мать Чингис-хана», «Чингис-хан», «Чингис-хан в Средней Азии») центральная картина – это грандиозный поясной портрет Чингис-хана над бесчисленными монгольскими воинами. Возвышенно-эпическое представление прошлого возрождает гордость за предков и одновременно символизирует полный отказ от советских трактовок эпохи монгольских нашествий. Такие же смыслы присутствуют в художественном фильме об эпохе монгольской империи «Первый нукер Чингис-хана», поставленном по повести А.С. Гатапова. Фильм повествует об истории знакомства

Тэмуджина и Боорчу, впоследствии ставшего верным сподвижником и другом хана; бурятские зрители по всей этнической Бурятии встретили фильм с большим энтузиазмом.

Тема сопричастности истории родной земли выражается через поэтические образы культурной памяти в творчестве бурятских поэтов Баира Дугарова, Галины Раднаевой, Есугея Сындуева. Стихи посвящаются разнообразным темам, но основные сюжеты узнаваемы и близко связаны с дискурсом этнического возрождения: родная земля, великое прошлое, кочевые предки, Чингис-хан и его время, эпический герой Гэсэр. В обсуждении проблем национального возрождения значительное место отводилось сохранению бурятского языка и попыткам избежать языковой русификации; и в художественном творчестве эта тема нашла широкое отражение. Поэт Б.С. Дугаров просит прощения у бурятского языка за свое русскоязычное творчество («Язык отцов, прости за немоту»), а Е. Сындуев надеется, что ситуацию можно изменить и призывает бурят вернуться к этническому языку: «Эй, бурят русскоязычный, / Евразийский стык! / Где же твой / гортанный, зычный, / Песенный язык? / <...> Мы его вернем, / Чтоб ему в любви / признаться / ты сумел на нем. / Чтобы был ты двуязычный, / Чтобы не отвык / Прославлять гортанный, / зычный, / Песенный язык» [10, с. 14].

Таким образом, между этнической идеологией и художественной культурой в Бурятии установлена прочная обратная связь, основанная на поисках, определении и трансляции этнической идентичности. Литература и искусство как часть этнокультурного возрождения, с одной стороны, опираются на традицию, а с другой – обусловлены современным состоянием общественного сознания, что обеспечивает им популярность и поддержку в самых разных слоях населения, как бурят, так и не-бурят. Художественное творчество представляет зримые и яркие символы, доказывающие существование этносферы – систематизированной совокупности социализированных знаков и кодов. Этнические ценности были основой политических лозунгов и программ бурятского возрождения на разных этапах истории, начиная с конца XIX в., но благодаря деятелям литературы и искусств в настоящее время этничность деполитизируется, а художественный процесс в полной мере отвечает запросам в области выражения этнических чувств, настроений и потребностей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алагуева В.П. Алмазная книга о бурятах. Улан-Удэ: Изд-во ОАО «Республиканская типография», 2007.
2. Баторова Е. Все познается в сравнении // Бурятия. 2001. 16 мая. С. 10
3. Васильева А. «Чингис-хан»: в ожидании чуда... // Правда Бурятии. 2001. 8 июня. С. 12.
4. Всебурятская ассоциация развития культуры выбрала своего нового председателя // Буряад Унэн. 01.07.16 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://burunen.ru/site/news?id=11882>
5. Гончикова Н. «Бадма Сэсэг» поет оду Матери-Лебеди // Бурятия. 2002. 24 января. С. 8.
6. Коренько В.А. Альбина Цыбикова – художник и друг // Вестник Евразии. 2003. № 3. С. 42-106.
7. Лотман Ю.М. Семiosфера. СПб.: «Искусство – СПб.», 2001.
8. Мудрая сила «Байкала» // Мой любимый город. Спецвып., посвящ. 339-летию г. Улан-Удэ. 2005. С. 20.
9. Политов А. Сказание о земных и неземных небесных девах // Бурятия. 2000. 16 ноября. С. 8
10. Сындуев Е. Песенный язык // Правда Бурятии. 2005. 3 ноября. С. 14.
11. Халбай Я. Чингис-хан – гений. Улан-Удэ: Издательство ОАО «Республиканская типография», 2001.
12. Хороших Ю. Кисти и стрелы // Правда Бурятии. 2008. 15 мая. С. 14.

REFERENCES

1. Alagueva, V.P., 2007. Almaznaya kniga o buryatakh [The diamond book about Buryats]. Ulan-Ude: Izd-vo ОАО «Respublikanskaya tipografiya». (in Russ.)

2. Batorova, E., 2001. Vse poznaetsya v sravnenii [Everything is learned in comparison], Buryatia, May 16, p. 10. (in Russ.)
3. Vasil'eva, A., 2001. «Chingis-khan»: v ozhidanii chuda [Genghis Khan: waiting for a miracle], Pravda Buryatii, June 8, p. 12. (in Russ.)
4. Vseburyatskaya assotsiatsiya razvitiya kul'tury vybrala svoego novogo predsedatelya [The All-Buryat Association for cultural development has chosen its chairman]. URL: <https://burunen.ru/site/news?id=11882> (in Russ.)
5. Gonchikova, N., 2002. «Badma Seseg» poet odu Materi-Lebedi [«Badma Seseg» is singing an ode to Mother-Swan], Buryatia, January 24, p. 8. (in Russ.)
6. Korenyako, V.A., 2003. Al'bina Tsybikova – khudozhnik i drug [Al'bina Tsybikova – an artist and friend], Vestnik Evrazii, no. 3, pp. 42-106. (in Russ.)
7. Lotman, Yu.M., 2001. Semiosfera [Semiosphere]. Sankt-Peterburg: «Iskusstvo – SPb.». (in Russ.)
8. Mudraya sila «Baikala» [Wise power of «Baikal»], Moi lyubimyi gorod. Spets. vyp., posvyash. 339-letiyu g. Ulan-Ude, 2005, p. 20. (in Russ.)
9. Politov, A., 2000. Skazanie o zemnykh i nezemnykh nebesnykh devakh [A legend about earthly and unearthly heavenly maidens], Buryatia, November 16, p. 8. (in Russ.)
10. Synduev, E., 2005. Pesennyi yazyk [Song language], Pravda Buryatii, November 3, p. 14. (in Russ.)
11. Khalbai, Ya., 2001. Chingis-khan – genii [Genghis Khan, a genius]. Ulan-Ude: Izdatel'stvo ОАО «Respublikanskaya tipografiya». (in Russ.)
12. Khoroshikh, Yu., 2008. Kisti i strely [Brushes and arrows], Pravda Buryatii, May 15, p. 14. (in Russ.)

В.М. Насртдинова*

ТРАНСКРИБИРОВАНИЕ КОНТЕКСТОВ СОВРЕМЕННОСТИ
В СЕМАНТИЧЕСКОМ ПОЛЕ НОВОГОДНЕЙ ОТКРЫТКИ

Автор рассматривает новогоднюю открытку как репрезентативный артефакт повседневных практик и полагает, что анализ ее изобразительно-выразительных средств и смыслотранслирующего потенциала позволяет составить более детальный социокультурный и социально-психологический портрет эпохи. На основании рассмотрения трансформации открытки в период с середины 1950-х гг. до настоящего времени автором определены значимые тенденции и модели ее бытования для указанного периода.

Ключевые слова: новогодняя открытка, повседневные практики, «оттепель», шестидесятники, советская идентичность

Transcription of contemporaneity contexts within the semantic field of New Year postcard. VALENTINA M. NASRTDINOVA (Kazan Federal University)

Considering New Year postcard as a highly representative artifact of everyday practices, the author analyses its expressive means and potential in passing various meanings to reconstruct a more detailed sociocultural and socio-psychological portrait of the epoch. Focusing on the transformation of New Year postcard from the mid-1950s until now, the author identifies significant trends and patterns of its existence during these decades.

Keywords: New Year postcard, Khrushchev's Thaw, everyday practices, the Sixties, soviet identity

Новогодняя открытка, будучи, на первый взгляд, сугубо утилитарным образцом типографской продукции, обладающим ограниченным функционалом и предназначенным обслуживать специфические потребности личности – кратковременные и, казалось бы, отнюдь не первостепенные, является, при ближайшем рассмотрении, высокорепрезентативным артефактом повседневных практик. Фактически, открытка вообще и новогодняя открытка в частности находится на стыке между художественным и обыденным сознанием и, в зависимости от социокультурного контекста, демонстрирует различные пропорции образцов элитарного и массового искусства, фольклорных мотивов и пропагандистских кли-

ше. Визуальный дискурс новогодней открытки обнаруживает значительный эвристический потенциал, артикулируя культурные коды современности, а каждая конкретная открытка способна становиться объектом культурологического, социологического, лингвистического, искусствоведческого исследования, а также, в известной степени, герменевтического анализа, выступая, с одной стороны (здесь буквально, с аверса) – символически-насыщенным художественным нарративом эпохи, а с другой (очевидно, с реверса) – демонстрируя релевантные образцы праздничного эпистолярного коммуницирования.

Новогодняя и рождественская открытка, наряду с другими атрибутами магистрально-

* НАСРТДИНОВА Валентина Михайловна, кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков для социально-гуманитарного направления Института международных отношений, истории и востоковедения Казанского (Приволжского) федерального университета.

E-mail: vmnasrtdinova@mail.ru

© Насртдинова В.М., 2018

го зимнего праздника – например, елочными игрушками, инспирировала обширный исследовательский дискурс, представленный научными трудами А. Сальниковой, О. Шабуровой, А. Родионовой, Е. Иванова, Л. Бутыльской, публицистическими текстами Г. Иванкиной, Э. Майданюка и других. Настоящая работа сосредоточивает свое внимание на новогодних образцах художественной почтовой миниатюры начиная с 1950-х гг. и отслеживает их трансформацию на протяжении более полувека – до начала первого десятилетия XXI в., так называемых «нулевых». Выбор названных хронологических рамок обусловлен глубоким убеждением автора в невозможности рассмотрения послевоенных поздравительных карточек совместно с их предшественниками – предвоенными и собственно военными открытками, транслирующими уникальный аксиологический комплекс – мотивационный, спортивный, патриотический – и являющими широкий спектр настроений – от приподнято-бравурных и уже милитаризованных, как плакат А. Кокорекина «С Новым годом!» (1938 г., рис. 1) до бескомпромиссных фронтовых – например, открытка «К новым победам!» (автор – М. Серебрянный, 1941 г.). Таким образом, особый этос этих открыток, как и особый ареал их экспрессивных референций, позволяют рассматривать их как самостоятельный феномен, производя, например, контрастный анализ по ряду критериев.

По утверждению Э. Майданюка, в 1950-е гг. наблюдается «отступление официоза и выход на первый план общечеловеческих ценностей» [7, с. 15]. С одной стороны, это утверждение кажется вполне справедливым: ведущими сюжетами открыток становятся праздник или подготовка к нему в семейном кругу – например, работы И. Гринштейна (1952 г.), Е. Шубиной (1954 г., рис. 2), Б. Коваленко (1955 г.), Н. Терещенко (1955 г.). Охотно изображаются дети – румяные, радостные, ухоженные, исполненные приятной, типично «детской» полноты – таковы открытки И. Гринштейна (1950 г.), Л. Рыбченковой (1953 г.), В. Иванова (1954 г.), В. Говорковой (1955 г.), В. Ливановой (1956 г.), Ю. Узбякова (1957 г.), Т. Скородумовой (1959 г.), Е. Гундобина (1959 г., рис. 3), В. Слатинского (1960 г., рис. 4).

Дети явились синонимом долгожданного, выстраданного мира, и образ этот стал настолько частотным, что устойчивая визуальная ассоциация ребенка с новогодним почтовым поздравлением призвала к жизни широко известный

Рис. 1. Плакат «С Новым годом!», худ. А. Кокорекин. 1938 г.

Рис. 2. Новогодняя открытка, худ. Е. Шубина. 1954 г.

Рис. 3. Новогодняя открытка, худ. Е. Гундобин.
1959 г.

Рис. 4. Новогодняя открытка, худ. В. Слатинский.
1960 г.

открыточный архетип «мальчика Нового года», в различных инкарнациях цитировавшийся практически до начала перестройки. Передки и вовсе «волшебные», сказочные сюжеты, такие, как у Н. Строгановой и М. Алексеева, Г. Валька, Т. Гиршберг. Впрочем, все эти фабулы, демпфирующие и вуалирующие нормативные и нормализующие суждения власти, в значительной степени интегрированы в поле официального идеологического дискурса и наследуют эпохе «Большого стиля». Так, следует заметить, что односложная, линейная модель символизации («а непременно подразумевает b»), как и вовлечение концепта «детство» в социальный и политический дискурс, являлись смысловой единицей общественного сознания задолго до начала войны. Например, анализируя нормы поведения в сфере планирования семьи, Н. Лебина указывает, что «это (фактическое отрицание любых форм регулирования рождаемости – прим. авт.) отвечало общим принципам гендерного порядка эпохи большого стиля, в котором женская сексуальность могла быть реализована только посредством деторождения» [6, с. 260].

Онтологическое родство открытки с плакатом позволяет последней, как малой форме, преподнести реципиенту комфортную порцию агитационной, просветительской или пропагандистской информации. Новогодние открытки 1950-х гг. при ближайшем рассмотрении обнаруживают указания на корректные поведенческие паттерны (организация досуга, внешний облик граждан и т.д.), а также демонстрируют ряд этических и эстетических клише, восходящих к середине-концу 1930-х гг. – вновь актуальными становятся симпатии общества к спорту, манера изображения людей зачастую тяготеет к монументалистской традиции (отсюда характерные «ренессансные» формы, несколько несовпадающие с реалиями послевоенных лет), а нераздельная сопряженность личного и общественного подчеркивается посредством «всеприсутствия» смыслообразующей, «титულიной» архитектуры – блистательных Сталинских высоток. К слову, семь шпилей заглавных зданий сталинского ампира еще долго будут выступать иллюстративным рефреном новогодних открыток – думается, что работа В. Хмелева, датированная 1989 г. (рис. 5) – одна из позднейших. Это, в свою очередь, весомый аргумент в пользу того, что социокультурная традиция имеет продолжительность своего существования, отличную от институциональной формы, ее породившей – высотки пережили и развен-

Рис. 5. Новогодняя открытка, худ. В. Хмелев. 1989 г.

чание культа личности, и ремифологизацию революции, и даже 1970-е гг., годы ментального триумфа «сынов Милосердова» (х/ф «Гараж», реж. Э. Рязанов, 1979 г.) и других «Рудольфов» (х/ф «Москва слезам не верит», реж. В. Меньшов, 1979 г.). Впрочем, более позднее изображение этих узнаваемых зданий могло иметь и амбивалентное звучание, указывая на некоторую степень авторского «двоемыслия» и становясь в таком случае своеобразным антисимволом, как, например, открытка художника С. Сарапова, датированная 1969 г. (рис. 6). На первый взгляд, сказочный персонаж Дед Мороз добавляет последние штрихи к праздничному убранству столицы, украшая ее витиеватыми узорами. С другой стороны, при более пристальном рассмотрении открытки становится очевидным, что панорама Москвы с высоткой-доминантой подана в тревожной черно-желтой гамме, а морозный узор призван не обрамлять ее, а закрасить полностью, словно бы знаменуя желание «отгородиться» от воспоминаний о тех годах и событиях, устойчивым символом которых в том числе являются и высотки – репрессии, культ личности, милитаризация и атмосфера всеобщей подозрительности.

Рис. 6. Новогодняя открытка, худ. С. Сарапов. 1969 г.

Кроме того, именно в этот период (середина-конец 1950-х гг.) складывается традиция изображения на поздравительных открытках ансамбля Московского кремля в определенном ракурсе – облигаторно наличествующими оказываются Спасская, несколько реже – Водовзводная башня, здание Совета министров СССР, башенки музея истории. Как отмечают А.И. Куляпин и О.А. Скубач, «общеизвестно, что тоталитарная модель равносильна сверхцентрализации; статус столицы здесь резко возрастает» [5, с. 283]. Несомненно, «Кремлевский» сюжет и уверенная повторяемость его присутствия на новогодних открытках служат внятным напоминанием о том, что Новый год, не будучи «политическим» праздником в полном смысле этого слова (в отличие, например, от «ноябрьских» и «майских»), не является, тем не менее, и «праздником-без-политики» – достаточно вспомнить хотя бы запрет новогодних торжеств в 1929 г. и последующее их санкционирование в 1935 г. Гегемония равнения на Москву в новогодние праздники становилась фактически всесоюзной: венчаемая узнаваемой пятиконечной звездой, каждая отдельно взятая елка превращалась в «филиал» московского Кремля, эйдетически сообщающийся с «центром». Однако с течением времени «кремлевский» образ претерпел небезынтересные изменения – количественная частотность визуальной реализации символа обернулась его качественным переопределением. Так знак незыблемости власти, гомогенности идеологического поля и тоталитарного «Москва-центризма» стал непреложным атрибутом праздника – анфас Спасской башни и бой курантов, вместе с другими семантическими единицами этого ритуально-ассоциативного ряда, например, кинокартинами Л. Гайдая и Э. Рязанова, мандаринами и шампанским, в сознании россиян стали синонимичны наступлению Нового года.

1960-е гг., пожалуй, стали наиболее благополучным советским десятилетием: грандиозные успехи в покорении космоса, продолжающиеся масштабные стройки и освоение целинных земель, новое искусство, вдохновленное гуманистическими идеалами «оттепели», окрыляющие надежды на построение «социализма с человеческим лицом» и балет, действительно опережающий всю планету. Именно в эти годы, как справедливо отмечает Е.Г. Иванов, «советский Дед Мороз активно участвует в общественной и производственной жизни советского народа: он железнодорожник на БАМе, летает в

космос, плавит металл, работает на ЭВМ, развозит почту...» [4, с. 72]. Несомненно, такая «сюжетная» открытка достигает в 1960-е гг. своего художественного экстремума. При этом показательно, что в этих сюжетах мифопоэтика новогодней сказки органически вписана в мифопоэтику сказки советской, т.е. комплекса идеалов, ожиданий и ценностей, связываемых сознанием общества с советской властью, а также надежд, на нее возлагаемых. В эпоху, когда А. Вознесенский пишет «Уберите Ленина с денег / Он для сердца и для знамен», на волне «возвращения к ленинским нормам», многочисленные изображения «строителей, нефтяников, газовиков, транспортников» [7, с. 16] появляются на новогодних открытках как выражение искреннего восхищения художников кипучей энергией десятилетия, а не угоднического исполнения правительственных директив. Не менее популярной в указанный период оказывается минималистическая, словно недописанная, «эскизная» рисованная открытка, позволяющая себе доселе неслыханную, отчетливо богемную небрежность, недосказанность, провоцирующую опасное додумывание и привнесение собственных смыслов, невозможные, разумеется, для пространственно-временных и эмоционально инвариантных почтовых миниатюр 1950-х гг. Как отмечает Г. Иванкина, «модернизм 1960-х годов – это совсем иная формула гармонии. Простота линий, математическая скупость фигур, но при этом – абстракция, абрис...» [3]. Убедительно иллюстрируют эту тенденцию работы Е. Анискина (1961 г.), Н. Кутилова (1962 г.), П. Шульгина (1962 г.), А. Волохова (1963 г., рис. 7), И. Непомнящего (1963 г.), В. Механтьева (1966 г.), и др. Создается впечатление, что такая лаконичность возникает в силу того, что художникам буквально некогда вдаваться в частности: вместе со всей страной они хотят стать свидетелями или даже участниками большой истории, разворачивающейся прямо сейчас, влиться в *хор* (не спор!) физиков и лириков, а, быть может, торопятся на выступления гениальных поэтов-современников – конечно, в Политехническом музее или у памятника Пушкину.

Однако уже ближе к концу 1960-х гг. в сюжетике советской новогодней открытки намечается тренд, который можно обозначить, как фольклорный поворот. Открытки работы К. Бокарева (рис. 8), К. Андрианова, Г. Комлева, И. Искринской, А. Блохина и других художников обращаются к мотивам русских народных

сказок. В лучших традициях палехской и федоскинской миниатюр здесь, не касаясь земли, мчат в заснеженные дали неперенные тройки коней в яблоках, запряженные в былинные расписные сани, сверкают золотыми крыльями Жар-птицы, огромноглазые, длинноносые, иконописные Снегурочки-красны девицы носят сарафаны, кокошники и сафьяновые сапожки, а Дед Мороз, облаченный в долгополюй кафтан, подпоясанный кушаком, неспешен и торжественен, в отличие от своего деловитого и передового советского коллеги, и, в полном соответствии с принципами сказочного двойничества, отчетливо моложав. В статье «Миф о Снегурочке» журналист и блогер Галина Иванкина справедливо замечает, что экранизация пьесы А.Н. Островского «Снегурочка» режиссером П. Кадочниковым была осуществлена «на волне увлечения советской интеллигенции этническим стилем, славянскими корнями и прочей исконной древностью» [2].

Каковы причины внезапной популяризации фольклора и охотного его цитирования в искусстве? Думается, что бытование этой тенденции, как и подъем туристической культуры, является своеобразной формой эскапизма, проявлением легального нонконформизма и «духовной эмиграции», формирующимися на фоне значительной затрудненности или вовсе – невозможности фактического выезда за рубеж. Построения, родственные изложенной выше мысли, находим и в публицистике. Например, словесный портрет ровесников этой эпохи по версии «Новой газеты» выглядит так: «...маркером их (семидесятников – прим. авт.) поколения стал побег. <...> Они строили свою Волшебную страну, в которой нет ни Байкала, ни Амура, ни приставучего комсомола. Недаром в 70-х так популярны стали книги Толкиена, а также Александра Милна «Винни-Пух и все-все-все» и Александра Волкова «Волшебник Изумрудного города», так как эти книги содержали бесценный опыт проникновения в иной мир» [10]. Мотив побега воспроизводит и песенная культура десятилетия: «Вернись Лесной Олень / По моему хотенью! / Умчи меня Олень / В свою страну оленью» («Лесной олень», муз. Е. Крылатов, сл. Ю. Этин, 1971 г.); «По хрустящему морозу / Поспешим на край земли / И среди сугробов дымных / Затеряемся вдаль» («Уведу тебя я в тундру», муз. М. Фрадкин, сл. М. Пляцковский, 1973 г.). И оленья страна, где «быль живет и небыль», и «бескрайний север» предстают в этих песнях альтернативными пространствами ино-

Рис. 7. Новогодняя открытка, худ. А. Волохов. 1963 г.

Рис. 8. Новогодняя открытка, худ. К. Бокарев. 1967 г.

бытийствования и наделяются желаемыми качествами – как правило, волшебными: «Только знаю – он ко мне придет, / Если верить – сказка оживет!», «Сколько хочешь самоцветов / Мы с тобою соберем». Актуальным, хоть и утратившим флер романтического дерзновения и масштабность мечтаний, этот сюжет остается в 1980-е гг.: «Это в городе мне грустно было, / А за городом смеюсь, смеюсь, смеюсь» («Три белых коня», муз. Е. Крылатов, сл. Л. Дербенев, 1982 г.).

Декада 1970-х гг. «приводит» на новогоднюю открытку иные реалии, насыщая почтовые миниатюры новой семантикой. Наряду с «космическим» и «кремлевским» сюжетами, успешными уже стать привычными, значительно потерявшими в торжественности и способности трансляции смыслов, а потому воспроизводимыми будто бы инерционно, появляются такие приметы времени, как новостройки, личный автотранспорт, статусные предметы быта – фотокамеры, радиоприемники. Причин тому несколько. Прежде всего, во исполнение постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 3 июля 1957 года «О развитии жилищного строительства в СССР» разворачивается масштабная программа возведения жилого фонда, и, как следствие, происходит массовое расселение коммунальных квартир. Согласно исследованию В.Н. Горлова, благодаря строительству т.н. «хрущевок», «доля семей, проживающих в коммунальных квартирах, сократилась к 1994 г. в городских поселениях до 6,3%», а всего «с 1956 по 1970 год было построено около 400 млн. кв. метров пятиэтажек» [1]. Изменение жилищных стандартов в масштабах государства обозначило своеобразную демаркационную линию в риторике вербального поздравительного дискурса, обнаруживаемого на обороте открытки. В стране, где более 50% населения проживало в коммунальных квартирах [1], открыткой именовалось прежде всего т. н. открытое письмо, пересылавшееся по почте без упаковки в конверт. Жанровое своеобразие такого послания заключалось в том, что этос праздничности в нем мог быть отодвинут на периферию, уступая бытовому, информационно-ориентированному коммуницированию, а сам праздник в таком случае служил дополнительным напоминанием о необходимости поддержания такого общения. Вот красноречивый образец «новогоднего привета», датированного по штемпелю 22 декабря 1953 г.: *«Здравствуй дорогая Валичка и Мишенька. Я очень рада твоему письму и*

*очень буду рада если ты с Мишенькой приедешь. Сдесь есть на что посмотреть я тебя никогда не забуду и не забыла а новых родственниц я не презнаю и не писала тебе потому что я не пишу свекрови и боялась на ее адрес писать может тебе что нужно то я достану пока ты приедешь Валя приезжай в начале каникул. очень буду рада Целую тебя и Мишеньку»*¹. Как видно, в тексте открытки отсутствуют и фактическое поздравление «С Новым годом!», и какие-либо пожелания, а само послание носит недвусмысленно личный характер. Возможным это становится в силу ряда причин, как социальных, так и политических. Во-первых, коммуналная матрица принципиальной совместности повседневных практик приучает индивида к пониманию достаточной транспаратности жизни в качестве нормы. Во-вторых, открытое письмо – индикатор лояльности коллективу, благонадежности, которые в известной степени есть результат упреждающей бдительности, воспитанной лихолетьем репрессий. Ведь если письмо отправляется незапакованным, то его отправителю нечего скрывать, а значит снижается риск подозрений и излишнего внимания к посланию, а также возможной его перлюстрации. Привычные современному глазу стандартизированные пожелания «счастья, здоровья, удачи» на открытках появляются позже, превращая их из долгожданной весточки, порой единственного проводника информации, в предмет для создания настроения и получения эстетического удовольствия, ведь появилась возможность безо всяких опасений сообщать новости в длинных письмах, запакованных в конверт, а несколько позже и вовсе – в беседах по личному телефону из собственной квартиры. Превратившись в приятное приложение к письму, а потом и к универсальному новогоднему тандему «конфеты и шампанское», открытка все чаще становится складной, а на обороте появляется знаменитое «Отправлять по почте только в конверте». И хотя традиционные карточки 10*15 с разлинованным типографским способом продолжали свое бытование, самостоятельное их хождение с течением времени сокращалось все более.

Кроме того, окончание «оттепели», гонка ядерных вооружений и атмосфера «международной напряженности», вкупе с начавшими обозначаться контурами «эпохи застоя» по-

¹ Текст с оборота открытки из личного архива В.М. Насртдиновой. Орфография и пунктуация автора сохранены.

влекли существенные изменения общественных настроений. Апологетика «ленинских заветов» и мечты об «очеловечивании» социализма оказались преданы забвению, утратив свою актуальность. По справедливому замечанию исследователей, «семидесятники поставили крест на “великих идеях” прошлого и занялись будничным настоящим, связанным с денежными накоплениями и зависящими от их размера маленькими радостями: от покупки мебельной стенки, цветного телевизора, нутриевой шубы или “жигуленка” до “доставания” книг» [11]. И, хотя в 1972 г. В. Харитонов пишет культовые строки «Я там, где ребята толковые / Я там, где плакаты «Вперед», / Где песни рабочие новые / Страна трудовая поет.» («Мой адрес – Советский Союз», муз. Д. Тухманов, сл. В. Харитонов, 1972 г.), следует признать, что к этому времени интенция «покорения Севера» претерпела уже глубинные содержательные изменения. На смену шестидесятнической жажде трудностей ради инициации таковыми, «поединка с самим собой» и «героизации» повседневности, подпитываемой тоской по мифическим временам исполинских подвигов – «Мы на плечи взвалили / И войну, и нужду» (Песня неуловимых мстителей, муз. Б. Мокроусов, сл. Р. Рождественский, 1966 г.), приходят прагматические устремления нового поколения. Как пишут Е. Травина и Д. Травин, «наследниками 60-х и романтическими первопроходцами 70-х можно было бы назвать “бойцов строительных отрядов”, если бы многие из них не преследовали вполне прозаические цели. Кто-то хотел подзаработать денег, кто-то завести новые знакомства, а еще лучше – и то, и другое сразу. <...> Именно там они учились “вертеться”, выбивая выгодные подряды. <...> Энтузиазм целины и сибирских строек еще чуть теплился на БАМе и окончательно иссякал при известии об отправке в Афганистан для выполнения интернационального долга» [11]. Вспоминая барда Юрия Кукина, заместитель главного редактора газеты «Комсомольская правда» Сергей Пономарев цитирует известную пародию на песню Кукина «За туманом»: «А я еду, а я еду за деньгами / – За туманом едут только дураки» [8]. Такая нескрываемая издевка над «неофициальным гимном отечественных романтиков» – тоже образец ментального почерка семидесятников, заставить которых ехать на край земли и терпеть лишения могла только весомая фискальная мотивация. Выражающей в концентрированном виде чаяния десятилетия может считаться и

фраза-формула, осмотрительно вложенная режиссером Георгием Данелия в уста отрицательного, хоть и чрезвычайно обаятельного героя, криминального и несознательного элемента Феде «Косого»: «Автомашину куплю с магнитофоном, пошью костюм с отливом – и в Ялту» («Джентльмены удачи», реж. А. Серый, 1971 г.).

Художественной новацией 1970-х гг. становится и появление на открытках спортивной сюжетики. Впечатленные победами И. Родниковой и А. Зайцева, а также легендарными играми суперсерии «Канада – СССР», художники ставят сказочных персонажей на коньки, изображают их с шайбами и клюшками, как, например, Л. Манилова (1974 г.), В. Зарубин (1977 г., рис. 9), В. Губанов (1979 г.) и др. Надо сказать, что такие открытки вполне вписываются в парадигму «у советских собственная гордость», однако демонстрируют обновленный, смягченный, даже несколько лирический образец советского патриотизма, отличный от пятидесятнической помпезности и шестидесятнического идеализма, вроде доставки елок на Венеру (1968 г., рис. 10). Последним глобальным событием, отраженным на новогодних открытках, стала Олимпиада-80. Талисман XXII Олимпийских игр, добродушный бурый мишка, появляется на них за несколько лет до проведения игр – например, у Т. Панченко (1978 г.), Н. Макридиной (1978, 1979 гг.), Г. Комлева (1978 г.), В. Четверикова (1979 г., рис. 11), М. Маркина (1979 г.), С. Демьяненко (1979 г.) и др. Отличительной чертой этих работ станет фактическое исчезновение с них символики, транслирующей советскую идентичность: здесь не рдеют знамена (и в целом звучание кумачовой гаммы сведено к минимуму), отсутствуют изображения социалистических знаков-символов, таких как серп и молот, а также локусов государственности, мест силы, таких как Московский Кремль, с небольшой только поправкой на беглое, будто бы мимоходом, обозначение его контуров без цветовой заливки.

Уже в начале 1990-х гг., под влиянием глобальных и стремительных социокультурных метаморфоз, явившихся, как известно, результатом масштабных политических перемен, ожидание которых стало симптоматическим поколенческим трендом еще на закате 1970-х гг., значительно меняются и облик новогодней открытки, и модели ее бытования. Окончательно не востребуемыми оказываются сюжеты, изображающие «стены древнего Кремля» и «Кремлевских рублинов лучи», являясь, во-первых, приметой

Рис. 9. Новогодняя открытка, худ. В. Зарубин. 1977. г

«Большого стиля», константой культурного кода ушедшей эпохи, а во-вторых, доминантной символикой государственности и институциональной власти в целом. Такая тенденция дистанцирования праздничной ритуальности от официозной атрибутики вообще и от изображения Московского Кремля как центрального топоса власти в частности легко объяснима при учете предельно драматичного и событийно перенасыщенного социально-политического контекста первого постперестроечного десятилетия. Излюбленным сюжетом, многократно транслируемым новогодней открыткой в начале 1990-х гг., становится праздничный натюрморт-фотокомпозиция, в жанровом своеобразии своем оформившийся еще в ранние 1980-е гг. – подчеркнуто аполитичная, такая открытка констатирует интериоризацию праздника, смещая фокус внимания на семейную и домашнюю его компоненты, акцентируя уют, особую атмосферу и настроение, задаваемые праздничным убранством – еловыми ветками, зажженными свечами, елочными игрушками, наполненными бокалами. Иллюстративны для данной тенденции фотоработы П. Костенко, И. Кропивницкого, Б. Круцко, И. Дергилева (рис. 12) и др.

Рис. 10. Новогодняя открытка, худ. А. Антонченко. 1968 г.

Рис. 11. Новогодняя открытка, худ. В. Четвериков. 1979 г.

Рис. 12. Новогодняя открытка, худ. И. Дергилев. 1985 г.

Еще одним знаковым трендом, впервые проявившимся, впрочем, также на излете 1980-х гг., становится появление новогодних открыток с животными-покровителями наступающего года согласно восточному календарю. Одной из первых, вероятно, является работа художника В. Четверикова (рис. 13), где к традиционной праздничной «честной компании» – Деда Мороз, Снегурочка и привычные лесные звери присоединяется, правда, еще довольно робко «вползая в кадр», хозяйка наступающего 1989 г. – Змея. Заметный рост интереса к астрологии как альтернативной системе освоения реальности, предлагающей готовые экспланационные модели в виде зодиакальных паттернов-архетипов, является лейтмотивом духовных и околорелигиозных исканий двух десятилетий – 1980-х и 1990-х гг. – и маркирует стремление противопоставить некие готовые ответы полиморфным преобразованиям в политической, экономической, социальной сферах, пусть и в формате наивных обобщающих суждений «Все Лошадки – честные люди».

С начала десятилетия 1990-х гг. в связи с осуществлением массового ввоза импортной про-

дукции и последовавшей за ним экспансией коммерческой рекламы на телевидении в российском празднично-поздравительном ландшафте появляются приметы западноевропейской и американской культуры – ветки падуба остролистного, рождественские венки, имбирное печенье в виде человечков, снеговик в традиционной шляпе трубочиста и алом шарфе и главное – Санта-Клаус вместо «отечественного» Деда Мороза. Образ рождественского дарителя, созданный американским художником Хэддоном Санблдомом для бренда «Кока-Кола», получил всемирную известность благодаря масштабным рекламным кампаниям – билбордам, сериям рекламных роликов, джинглам и проч., став на волне глобализационных процессов достоянием массовой и поп-культур. Кроме того, в этот период претерпевает изменения и феминный образ, ранее сопровождавший Деда Мороза, а теперь – Санта-Клауса: вместо скромной внучки Снегурочки рядом с центральным новогодним персонажем зачастую оказываются провокационно одетые длинноногие красавицы. Описывая эту тенденцию, В.В. Подшивалова и вовсе предлагает гневно-обличительный неологизм «сантитутки» [9].

Рис. 13. Новогодняя открытка, худ. В. Четвериков. 1988 г.

Также заметными новшествами постперестроечного периода стало, во-первых, появление открыток с готовыми текстами-клише, что в полной мере коррелирует с генеральным вектором ценностных установок поколения «некст», ориентированного на автоматизацию, технологизацию, упрощение и ускорение, инспирированные, в свою очередь, западными моделями, редуцирующими ритуалы к алгоритмам. Наиболее иллюстративной из таких моделей является, пожалуй, фастфуд – культура «быстрого» питания, сводящая *трапезу*, когда важны и атмосфера, и беседа, к механическому приему пищи. Во-вторых, в ознаменование торжества рыночной экономики, появляется корпоративная открытка, которая становится дополнительным инструментом продаж и средством укрепления связей с клиентами и партнерами по бизнесу.

Впрочем, понимание открытки как уникального проводника и носителя памяти не утрачено и в нововременной, постсоветской культуре. Так, в известной песне на стихи К. Крастошевского, исполненной А. Варум в начале 1990-х гг., есть такие слова: «С тобой не будет больше встреч / Лишь поздравленья с Новым годом / Придет

посланником почтовым/ И станешь ты его беречь» («Good bye, мой мальчик», муз. Ю. Варум, сл. К. Крастошевский, 1991 г.), а в фильме «Елки-2» (2011 г.) новогодняя открытка становится фактически полноправным «персонажем» центральной новеллы, способным исправить ошибки прошлого, изменить судьбы, вмешаться в течение времени. И хотя современные технологии предлагают широчайший ассортимент альтернатив бумажной открытке, позволяющих доставить поздравление в минуту его отправки, шарм и очарование классической, *вещной* почтовой карточки продолжают оставаться востребованными: накануне Нового года в социальных сетях то и дело запускаются акции (флешмобы) по отправке *настоящих* открыток; в различных вариациях распространен феномен посткроссинга – обмена открытками с одним или несколькими адресатами. В противовес стилистически предсказуемой многотиражной продукции появляются альтернативные – авторские, рисованные, крафтовые и хэндмэйд-открытки, становящиеся объектами коллекционирования. Таким образом, прогнозы относительно скорой архаизации новогодней открытки ввиду явной рудиментарности выпол-

няемых ею функций выглядят не вполне обоснованными, хотя и следует признать, что золотой ее век остался в ушедшем, двадцатом столетии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Горлов В.Н. Жилищное строительство в СССР // Рабочий Университет им. И.Б. Хлебникова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.prometej.info/blog/istoriya/zhilishnoe-stroitelstvo-v-sssr/>
2. Иванкина Г. Миф о Снегурочке // Газета «Завтра» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://zavtra.ru/blogs/mif-o-snegurochke>
3. Иванкина Г. С Новым счастьем! // Газета «Завтра» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://zavtra.ru/blogs/s-novym-schastem>
4. Иванов Е.В. Новый год и рождество в открытках. СПб.: Искусство-СПб., 2000.
5. Куляпин А.И., Скубач О.А. В стране советской жить: мифология повседневной жизни 1920-1950 г. // Критика и семиотика. 2007. Вып. 11. С. 280-352.
6. Лебина Н. Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю. М.: Новое литературное обозрение, 2016.
7. Майданюк Э.К. Эволюция новогодних открыток // Нефтяной меридиан: информационное издание ОАО «Центрсибнефтепровод». 2009. № 11. С. 14-16.
8. Кукин Ю. Не помнил я, куда летел: слова песни // Gyska – лучшее в мире музыки [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gyska.ru/slova-pesen/89759-yuriy-kukin-ne-pomnil-ya-kuda-letel-tekst-slova-pesni.html>
9. Подшивалова В.В. Старый новый год – один из феноменов России?! // Региональная образовательно-просветительская общественная организация «Общество "Знание-народу"» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://znanie-narodu.ru/news/2016-01-13/staryy-novyy-god-odin-iz-fenomenov-rossii>
10. Страной правят «семидесятники» // Новая газета. 2009. № 82 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2009/07/31/41923-stranoy-pravyat-semidesyatniki>
11. Травина Е., Травин Д. Дети и отцы. Миф семидесятников о самих себе // Звезда. 2010. № 7 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2010/7/tr10.html>

REFERENCES

1. Gorlov, V.N. Zhilishchnoe stroitel'stvo v SSSR [Residential construction in the USSR]. URL: <https://www.prometej.info/blog/istoriya/zhilishnoe-stroitelstvo-v-sssr/> (in Russ.)
2. Ivankina, G. Mif o Snegurochke [The myth of Snow Maiden]. URL: <http://zavtra.ru/blogs/mif-o-snegurochke> (in Russ.)
3. Ivankina, G. S Novym schast'em! [Happy New Year!]. URL: <http://zavtra.ru/blogs/s-novym-schastem> (in Russ.)
4. Ivanov, E.V., 2000. Noviy god i rozhdestvo v otkrytkakh [New Year and Christmas in the postcards]. Sankt-Peterburg: Iskusstvo-SPb. (in Russ.)
5. Kulyapin, A.I. and Skubach, O.A., 2007. V strane sovetskoy zhit': mifologiya povsednevnoy zhizni 1920-1950 g. [Living in the Soviet state: mythology of daily life in 1920s – 1950s], Kritika i semiotika, Vyp. 11, pp. 280-352. (in Russ.)
6. Lebina, N., 2016. Sovetskaya povsednevnost': normy i anomalii. Ot voennogo kommunizma k bol'shому stilyu [Soviet everyday life: norms and abnormalities. From military communism to great style]. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie, 2016. (in Russ.)
7. Maydanyuk, E.K., 2009. Evolyutsiya novogodnikh otkrytok [Evolution of New Year postcards], Neftyanoy meridian: informatsionnoe izdanie ОАО «Tsentr sibnefteprovod», no. 11, pp. 14-16. (in Russ.)
8. Kukin, Yu. Ne pomnil ya, kuda letel: slova pesni [I didn't remember where I flew: lyrics]. URL: <http://gyska.ru/slova-pesen/89759-yuriy-kukin-ne-pomnil-ya-kuda-letel-tekst-slova-pesni.html> (in Russ.)
9. Podshivalova, V.V. Staryy novyy god – odin iz fenomenov Rossii?! [Is New Year in the Old Style one of Russia's phenomena?!]. URL: <http://znanie-narodu.ru/news/2016-01-13/staryy-novyy-god-odin-iz-fenomenov-rossii> (in Russ.)
10. Stranoy pravyat «semidesyatniki» [The Seventiers rule the country]. URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2009/07/31/41923-stranoy-pravyat-semidesyatniki> (in Russ.)
11. Travina, E. and Travin, D., 2010. Deti i ottsy. Mif semidesyatnikov o samikh sebe [Fathers and children. The myth of the Seventiers about themselves]. URL: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2010/7/tr10.html> (in Russ.)

К.М. Товбин, Р.Ю. Аторин, К.Я. Кожурин*

К ВОПРОСУ АКТУАЛЬНОСТИ СОЗДАНИЯ АНТОЛОГИИ, ПОСВЯЩЕННОЙ СТАРООБРЯДЧЕСТВУ**

В статье обосновывается актуальность создания научной антологии, посвященной русскому старообрядчеству, его истории и современному состоянию, культуре и ментальности. Русское старообрядчество является одним из важнейших духовных, социальных, экономических и культурных феноменов в истории России, и обращение к его интеллектуальному наследию востребовано для современного научного сообщества для прояснения уникального курса развития России в мировом сообществе цивилизаций.

Ключевые слова: старообрядчество, антология, российская цивилизация, русская культура

On the relevance of anthology devoted to Old Believers. KIRILL M. TOVBIN (Sakhalin State University), ROMAN Yu. ATORIN (Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy), KIRILL Ya. KOZHURIN (Herzen State Pedagogical University)

The article proves the relevance of creating a research anthology devoted to the Russian Old Believers, their history and modern life, culture and mentality. Old Belief is one of the most important spiritual, social, economic and cultural phenomena in the history of Russia, and the study of its intellectual heritage is crucial for the representatives of academic community searching to clarify the unique course of the development of Russian civilization in the world.

Keywords: Old Believers, anthology, Russian civilization, Russian culture

По всей видимости, поиск идеологических оснований для новой России, бывший в 1990-е большим местом любой дискуссии, а в 2000-е – основной темой гуманитарных исследований, сегодня подошел к завершению. И российское общество, и властные круги остановили свой ментальный и интеллектуальный поиск на идеологиях динамического консерватизма,

социальной солидарности и субсидиарности, традиционных ценностях и демократическом патернализме. Поиск современного исследователя теперь направлен к интеллектуальным, социальным и духовным примерам в истории России, могущим вдохновить сочленение курсов на эффективное управление, суверенную демократию, социальное благополучие, этнокон-

---

* ТОВБИН Кирилл Михайлович, кандидат философских наук, доцент кафедры педагогики Сахалинского государственного университета.

E-mail: kimito@yandex.ru

АТОРИН Роман Юрьевич, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и истории Российского государственного аграрного университета – МСХА им. К.А. Тимирязева.

E-mail: atorin85@yandex.ru

КОЖУРИН Кирилл Яковлевич, кандидат философских наук, доцент кафедры истории философии Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена.

E-mail: kozhurin@list.ru

© Товбин К.М., Аторин Р.Ю., Кожурин К.Я., 2018

** Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ. Проект № 17-03-00010-а.

фессиональную стабильность, экономическую самостоятельность и духовную независимость. Учитывая специфику всей политической истории России, таких прецедентов весьма немного, но одним из наиболее ярких примеров соединения всех упомянутых курсов, несомненно, является русское старообрядчество. За последние годы число российских исследований староверия неуклонно возрастало; ученые-старообрядоведы все чаще стали выходить за пределы историко-описательного, археографического, этнографического форматов – в области семиотики [28; 62] и аналитической культурологии [10; 46; 55; 57], исследований старообрядческой ментальности [8; 75; 79; 81] и повседневности [31], смелых биографических [29; 30; 32], историко-философских [12; 17; 25; 33; 58; 61; 70; 74; 77], кросс-культурных [1; 13], социально-философских [9; 45; 64] и геополитических [5; 19; 34, с. 263-270; 73; 78; 82] обобщений.

Не только политикам и исследователям интересно старообрядчество – его вес в российском обществе неуклонно возрастал в 1990-е – 2000-е гг., свидетельством чему является и рост числа приходов старообрядческих согласий, и учащение участия представителей старообрядчества в общественно-политической деятельности [16], и популярность самих тем древлеправославия и раскола в современном медийном дискурсе [18, с. 135].

Русское православное старообрядчество являлось и является одним из наиболее ярких образов «русского мира». Посредством ненасильственного сопротивления западничеству и во многом ненародному курсу властей и аристократической верхушки старообрядцы планомерно создали свое социально-экономическое чудо [49], всячески содействуя внутренней колонизации отечественных просторов [47; 52; 76; 80], российской научно-технической и экономической модернизации [24, с. 61; 60, с. 112], просвещению и демократизации общества [39, с. 45], вдохновляли русскую творческую интеллигенцию [15, с. 45; 20, с. 89-90].

Старообрядцы преуспели в созидании и балансировке социума, всецело завязанного на традиционных ценностях [41, с. 196], но в то же время необычайно гибко реагирующего на изменения внешней среды – вплоть до создания своих «островков Святой Руси» на инокультурной чужбине [3; 4; 43; 54; 59, с. 40-41; 71]. В отличие от иных примеров «альтернативной русскости» – хлыстов, скопцов или субботников, – староверы были чужды скывывающего

интеллектуального догматизма и сектантского отношения к окружающему миру [44, с. 16-17]. Несомненно, отгородительная тенденция была спутницей древлеправославия все время его существования [63, с. 115], но она всегда с лихвой перекрывалась тенденциями конструктивности, толерантности, диалога и сотрудничества [22, с. 70, 72].

Древлеправославие – духовный, ментальный и культурный феномен русской истории. Оно включает в себя все роды консервативного мышления в их противостоянии и взаимодействии, неизменную рефлексию над историческим опытом и условиями своего бытия и саморефлексию как правило жизни [68, с. 21-26]. Старообрядчество во всем цвете своих согласий и толков всегда было внимательно к самим цивилизационным основаниям России – во многом, сохранение этих оснований является заслугой староверов, берегших древние книги и летописи, продолжавших основные традиции древнего народного творчества, материального и духовного [36, с. 30-31]. С XIX в. старообрядческие династии были основными покровителями большого числа деятелей «русского модерна» во всех его направлениях – от традиционалистского до авангардистского [37, с. 44].

Интеллектуальный авангард старообрядческих сословий – богословы и проповедники, философы и писатели, сказители и певцы, иконописцы и книгопечатники, коллекционеры и меценаты – всегда вдумчиво изучали западный дискурс, сторонясь его, но в то же время признавая мощь его позиций в российской цивилизации. Они выпестовывали оригинальные мировоззренческие программы «ненасильственного сопротивления» неприемлемому для православных традиционалистов миропорядку [6, с. 239; 66, с. 81], основной упор делая на социальное строительство и хозяйственную деятельность, меценатство и благотворительность [21, с. 88-89]. Материализация старообрядческой идеи в виде самодостаточных общин – условие, воспрепятствовавшее переходу староверия в область фантастического дискурса или архетипа [67, с. 55-56].

Безусловно, носители эскапистского и сектантского сознания также имели место в старообрядчестве за его трехсотлетнюю историю [7, с. 71], но, во-первых, со стороны основной части староверов различные сопротивления и самосожженцы встречали не меньшую отповедь, чем со стороны силовых структур российского государства и миссионеров официальной

церкви. Во-вторых, носители соответствующего типа сознания всегда консолидировались в обособленные группы, сторонясь либерализма своих вчерашних собратьев по вере, поэтому сектантское сознание не рассеивалось по основной массе староверов, становясь уделом осуждаемых маргиналов [56, с. 79-80].

Русское старообрядчество является замечательным примером суверенной, национальной демократии. Начала соборности, исстари присутствующие православному сознанию, в староверии не только сохранились, но и повлияли на управление самодостаточными хозяйственными общинами: Выговским общежитием, Керженскими монастырями, Покровской и Рогожской слободами и пр. Не приемля волюнтаризма и диктатуры, староверы в то же время не рассматривали демократию («соборность») как этос вседозволенности и нигилизма [79, с. 74-75]. Старообрядческая деятельность была деятельностью свободных и активных людей, легко создававших коммуникации и сообщества, но на основе традиционных православных ценностей. Вопросы мультикультурализма и аккультурации, толерантности и терпимости, сексизма и ювенальной юстиции, будоражащие сегодняшних гуманитариев, видящих для себя необходимость сопротивляться западному культурному коду, давно были проговорены и разнообразно разрешены в старообрядческих соглашениях [69, с. 112-113].

История старообрядческой мысли и письменности – кладезь знаний для выработки стратегий устойчивого развития и неконфликтного, самодостаточного существования России в условиях многополярной глобализации. К такой максиме, начиная с Д.С. Лихачева [38, с. 288] и А.И. Солженицына [65, с. 295], в 2000-е гг. пришли многие деятели русской культуры, писатели, мыслители [2]. Однако имеются весьма серьезные методологические проблемы изучения древлеправославия, на одном полюсе которых – музейное представление о староверии, на другом – фантастическое, не подтвержденное реальной жизнью и историей. Поэтому создание антологии старообрядческой письменности – ответственное и беспрецедентно сложное дело.

Антология должна содержать как собственно старообрядческие тексты, так и тексты о старообрядчестве. Но прежде этого читатель должен увидеть ситуацию раскола XVII в.: его причины, ход, последствия – все эти нюансы должны быть «перекинуты» через тьму веков в наше

время, для осознания актуальности и вневременности многих ментальных процессов, создавших и выпестовавших старообрядчество как культурный и духовный феномен [48]. Для этого состав антологии должен быть лишен ставшего обычным историко-описательного, археографического подхода (с одной стороны) и его этнографическо-описательной альтернативы (как мнимо актуальной противоположности). Старообрядчество должно быть представлено современному читателю в его зарождении, развитии, саморефлексии, взаимоотношении с окружающими духовными, интеллектуальными, ментальными, культурными, политическими и социальными реалиями. Староверие должно предстать на страницах антологии не как музейный экспонат или сомнительный в своей востребованности артефакт, не как почва для микроскопических этнографических изысканий, но как мощный культуротворческий арсенал: многообразный и противоречивый, сложный и цельный, изменчивый и консервативный, традиционалистический и традиционный.

Наиболее привлекательные для нас детали древлеправославия – культ образованности и книжности [35, с. 52-54], логоцентризм и сохранность языка [53, с. 100], соборность и здоровый национализм [14, с. 11], самоорганизация и сетевые коммуникации [42, с. 245], патриархальность уклада и традиционность ценностных оснований [26, с. 23] – не являлись изначально продуктами некоей старообрядческой идеологии [11, с. 237]. Эти ментальные и мировоззренческие особенности формировались в старообрядчестве на протяжении столетий, переживая конкурентную борьбу своих версий, «обкатываясь» в специфичном быте, самозамкнутой культуре и общинном хозяйствовании, расцветая в географической изоляции и борьбе с инокультурными влияниями. Посему эти детали старообрядческого менталитета актуальны в современной России, смело обозначающей свое присутствие в пространстве и времени в эру грандиозных геополитических перемен [23, с. 17; 50, с. 120].

Антология должна показать зарождение, развитие, диалог различных старообрядческих интеллектуальных и духовных течений, по-своему осмысливающих изменение политического курса официальной России и новейшие экономические и социальные реалии. Конкретнее, сборник, во-первых, должен содержать:

– работы основоположников старообрядчества как типа мировоззрения;

– письменные примеры поляризации основных старообрядческих ментальных установок, приведших к образованию различных согласий во всем их цвете;

– труды деятелей старообрядческой идеологии, формировавшейся в результате диспутов и диалогов, ментальных сближений и разделений;

– наиболее яркие примеры старообрядчества позднего, зрелого, «светского».

Второй блок должен включать все виды внешней реакции на феномен старообрядчества:

– работы официальных клерикальных миссионеров, «обличающих» и «разоблачающих» «раскольников»;

– труды консервативных историков, рассматривавших староверие в антигосударственном формате;

– работы либеральных историков, переоткрывших староверие и пласт древнерусской культуры, на котором староверие выросло;

– светские «отзывы» на старообрядческую духовность, культуру, письменность со стороны светских мыслителей и писателей конца XIX – начала XX вв. – времени слома прежней цивилизационной парадигмы в России [27, с. 277-278; 40, с. 74; 51, с. 28-29; 72, с. 82].

Третий блок должен содержать советские и современные исторические, культурологические, семиотические, социологические, этнографические, экономические исследования старообрядчества.

Приведенный перечень не является планом антологии. Конкретная структура и перечень включенных текстов и отрывков требуют предварительной разработки специальной методологии, которой будет посвящен отдельный очерк.

Отличительной чертой антологии, включающей основные старообрядческие и старообрядоведческие тексты, должна стать редакторская работа, препятствующая историко-этнографической дискурсивности: обширные биографические, историографические, культурологические и религиоведческие справки должны перенести древлеправославие из музейного в культуротворческий формат в глазах читателя.

Особо важна антиидеологическая редакторская работа: указание всех мест расхождения оценок и плюрализма интерпретаций составителей и редакторов антологии. Составители – известные исследователи разных сторон старообрядчества – в ряде вопросов находятся на

разных позициях; этот факт должен быть явлен читателю – в этом состоит уникальная диалогическая направленность нашей работы, вовлекающей читателя в осмысление актуальных данностей староверия.

Подытожим: антология актуальная не для ознакомления со старообрядчеством, а для изучения возможностей цивилизационной стойкости и культурного цветения в неравновесной геополитической ситуации. Поэтому методология составления и редакторской обработки особо важна для такого сборника, но это, как было оговорено ранее, тема иной статьи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агеева Е.А. Старообрядцы в мусульманском окружении: опыт взаимодействия // Старообрядчество: история и современность, местные традиции, русские и зарубежные связи: материалы VI Международной научно-практической конференции. Улан-Удэ: Изд-во БурятГУ, 2015. С. 20-26.
2. Антонов А.В. Царский путь // Родина. 1998. № 1. С. 18.
3. Аргудяева Ю.В. Русские старообрядцы в Южной Америке // Религиоведение. 2014. № 1. С. 76-93.
4. Аргудяева Ю.В. Эмиграция русских старообрядцев-дальневосточников в Китай и Северную Америку // Религиоведение. 2012. № 2. С. 9-20.
5. Аргудяева Ю.В., Хисамутдинов А.А. Из России через Азию в Америку: русские старообрядцы. Владивосток: ДВО РАН, 2013.
6. Арефьев М.А., Давыденкова А.Г. Религия и религиозные организации в правовом поле Российского государства // Lex Russica. 2016. №12. С. 237-243.
7. Асонов Н.В. Формирование представлений о власти в политических доктринах старообрядчества // Власть. 2008. № 7. С. 71-74.
8. Аторин Р.Ю. Религиозное мировоззрение протопопа Аввакума и влияние его деятельности на развитие экклесиологии старообрядчества: дисс. ... канд. филос. наук. Белгород, 2009.
9. Баев В.Г., Воронова-Оренбургская С.О. Социальная философия старообрядчества // Вестник Челябинского государственного университета. Философия. Социология. Культурология. 2011. Вып. 22. № 30. С. 27-31.
10. Баев В.Г., Давыденкова А.Г. Категория «духовность» в контексте старообрядческой культуры // Вестник ЛенГУ им А.С. Пушкина. 2012. № 1. С. 220-228.

11. Бакулов В.Д. Социокультурные метаморфозы утопизма. Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. ун-та, 2003.
12. Бобков А.И. Русский раскол как философское противостояние соборности и квазирелигиозности // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология. Религиоведение». 2017. Т. 19. С. 57-62.
13. Бубнов Н.Ю. Путешествие уральских казаков в Беловодское царство: погоня за призраком // Петербургская библиотечная школа. 2016. № 4. С. 54-63.
14. Быконя Г.Ф. О влиянии политической воли на развитие этнонациональной русской идентичности в XV-XVII вв. // Известия Иркутского государственного университета. Серия «История». 2017. Т. 21. С. 8-14.
15. Бытко С.С. Новые сведения о восприятии старообрядцев творческой общественностью во второй половине XIX века // Никоновские чтения. В 2-х т. Т. 1. Актуальные вопросы культурологии и искусствоведения. Чебоксары: Изд-во ЧувашГПУ, 2016. С. 42-49.
16. Верняев И.И. Старообрядчество и власть в постсоветской России // Новейшая история России. 2017. № 2. С. 192-208.
17. Глинчикова А.Г. Раскол или срыв «русской Реформации»? М.: Культурная революция, 2008.
18. Глинчикова А.Г., Синеокая Ю.В., Степанянц М.Т. Архаизация: поворот вспять или мобилизация к будущему? // Философский журнал. 2017. Т. 10. № 3. С. 133-152.
19. Дутчак Е.Е. Геополитическая символика сквозь призму эсхатологии // Общественные науки и современность. 2010. № 3. С. 163-172.
20. Жукоцкий В.Д. Русская интеллигенция и религия: опыт историософской реконструкции смысла // Философия и общество. 2001. № 1. С. 87-114.
21. Заплетина С.Н. Социально-психологические аспекты благотворительности в России // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2015. Т. 17. № 1. С. 87-92.
22. Знатнов А.В. Противление злу ненасилием, или Культура мира в старообрядческой книжности // Румянцевские чтения: тезисы докладов и сообщений научно-практической конференции «Книга и культура мира в России» (20-21 апреля 2000 г.). М.: Пашков дом, 2000. С. 69-77.
23. Иоаниди А.Ф., Шелпаков Ю.Ф. Религиозный фактор и военная безопасность Российской федерации // Наука и военная безопасность. 2016. № 2. С. 15-18.
24. Карнышев А.Д. Взаимодействие религиозных и психолого-экономических установок в традициях и инновациях старообрядчества // Журнал институциональных исследований. 2011. Т. 3. № 4. С. 59-70.
25. Керов В.В. Между традиционализмом и модернизацией. Статья 1. Кризис русской духовной культуры XVII века и идея оцерковления жизни // Общественные науки и современность. 2010. № 5. С. 111-125.
26. Ковригина И.А. Старообрядческая педагогика как пример межпоколенной трансмиссии традиционных ценностей // Образование и культурный капитал: сборник научных статей II Всероссийской научно-практической конференции. Владивосток: Изд-во ДВФУ, 2016. С. 22-27.
27. Кожурин А.Я., Кожурин К.Я. Старообрядчество в работах русских консерваторов второй половины XIX – начала XX века // Известия СПбГАУ. 2014. № 36. С. 277-284.
28. Кожурин К.Я. Богослужение как основа мирозерцания и культурной деятельности старообрядцев // Вестник ЛенГУ им А.С. Пушкина. 2012. № 4. С. 69-77.
29. Кожурин К.Я. Боярыня Морозова. М.: Молодая гвардия, 2012.
30. Кожурин К.Я. Духовные учителя сокровенной Руси. СПб.: Питер, 2007.
31. Кожурин К.Я. Повседневная жизнь старообрядцев. М.: Молодая гвардия, 2014.
32. Кожурин К.Я. Протопоп Аввакум: Жизнь за веру. М.: Молодая гвардия, 2013.
33. Кожурин К.Я. Теории южно-западнорусских богословов как источник старообрядческой историософии // Известия СПбГАУ. 2015. № 5. С. 55-58.
34. Коровин В.М. Главная военная тайна США. Сетевые войны. М.: Яуза; Эксмо, 2009.
35. Кузнецова Н.Ю., Ружинская И.Н. Старообрядческая традиция наставничества как пример непрерывной образовательной традиции // Непрерывное образование: XXI век. 2016. Вып. 4. С. 50-61.
36. Куропаткина О.В. Роль религии в nation-building современной России // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2014. Т. 7. № 1. С. 26-38.
37. Лазаревич М.А. Традиции меценатства в древлеправославии // Актуальные вопросы интеллектуальной истории и гуманитарного знания в XXI веке: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Рязань: Созвездие, 2016. С. 42-44.

38. Лихачев Д.С. Великое наследие. Классические произведения литературы Древней Руси // Лихачев Д.С. Избранные работы в 3-х т. Т. 2. Л.: Худож. лит., 1987. С. 280-297.
39. Маджаров А.С. Развитие концепции религиозного раскола Русской православной церкви и земства во второй половине XIX в. (С.М. Соловьев, А.П. Шапов) // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология. Религиоведение». 2017. Т. 19. С. 40-49.
40. Маслова Ю.В. Типология взглядов русских мыслителей на старообрядчество // Культура и цивилизация. 2016. № 3. С. 74-90.
41. Матющенко В.С. Проблема религиозной идентичности в контексте понимания особенностей старообрядчества // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология. Религиоведение». 2015. Т. 14. С. 194-201.
42. Миняева С.Б. Старообрядцы-странники как первая организация сетевого типа в России // Евразийство: теоретический потенциал и практические приложения: материалы VI Всероссийской научно-практической конференции. В 2-х т. Т. 1. Барнаул: Си-пресс, 2012. С. 245-249.
43. Моррис Р.А., Моррис (Юмсунова) Т.Б. Русские староверы на Аляске // Вестник Бурятского государственного университета. 2009. № 10. С. 115-122.
44. Мудрик А.В. Социализация у старообрядцев: подход к проблеме // Сибирский педагогический журнал. 2015. № 2. С. 14-18.
45. Муравьев А.В. Социальная альтернатива русского старообрядчества. Ч. 2 // Социальная реальность. 2010. № 10. С. 35-47.
46. Мурашова Н.С. Персонификация старообрядческого духовного стиха // Вестник славянских культур. 2017. Т. 45. С. 71-85.
47. Нимаев Д.Д., Имихелов А.В. Этнокультурные и этнодемографические процессы в Сибири (XVII – начало XX в.) // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2011. № 2. С. 50-60.
48. Новиков А.Г. Роль церковного раскола XVII века в формировании российской цивилизации // Идеи и идеалы. 2011. Т. 2. № 1. С. 11-18.
49. Носырев И. Стяжательство или неизбежность? // Родина. 2013. № 7. С. 82-85.
50. Осипов И.В., Падалкина В.В., Сажина В.А. Российское старообрядчество в системе государственно-конфессиональных отношений // Государственное управление. Электронный вестник. 2017. № 63. С. 116-135.
51. Перекрестов Р.И. Из истории взаимоотношений старообрядцев с кружком А.И. Герцена // Старообрядчество: история, культура, современность. Вып. 14. М.: Музей истории и культуры старообрядчества, 2012. С. 28-34.
52. Пермиловская А.Б. Русский Север – специфический код культурной памяти // Культура и искусство. 2016. № 2. С. 155-163.
53. Плотникова А.А. Славянские островные ареалы в этнолингвистическом аспекте // Вестник славянских культур. 2016. Т. 42. С. 99-114.
54. Попова О.В. Трансформация этнокультурных систем старообрядческих общин в зарубежных странах // Вестник Оренбургского государственного университета. 2015. № 7. С. 173-181.
55. Потехина Е.А. Повседневная жизнь крестьянина-старообрядца // Russian Peasant Studies. 2017. Vol. 2. № 1. С. 77-89.
56. Пругавин А.С. Самоистребление. Проявления аскетизма и фанатизма в расколе // Русская Мысль. 1885. № 1. С. 77-155.
57. Пулькин М.В. Историческая суицидология: по материалам старообрядческих самосожжений // Культурно-историческая психология. 2012. № 2. С. 96-103.
58. Пыжиков А.В. Грани русского раскола. Тайная роль старообрядчества от 17 века до 17 года. М.: Концептуал, 2016.
59. Расков Д.Е. Бегство от мира и земной успех: экономическая культура зарубежных староверов // Идеи и идеалы. 2016. Т. 1. № 4. С. 37-53.
60. Расков Д.Е. Старообрядческая традиция и Постмодерн // Философия хозяйства. 2004. № 2. С. 111-124.
61. Расков Д.Е. Экономические институты старообрядчества. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2012.
62. Расков Д.Е. Эсхатология и активность в миру староверов // Христианское чтение. 2012. № 6. С. 82-94.
63. Романова А.П., Канатъева Н.С., Топчиев М.С. Конфессиональный Чужой: вестиментарные маркеры старообрядчества // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2016. № 3. С. 111-117.
64. Романова Е.В. Массовые сожжения в старообрядчестве в России в XVII-XIX вв. СПб.: Изд-во Европейского ун-та, 2012.
65. Солженицын А.И. Письмо из Америки // Солженицын А.И. Публицистика: в 3-х т. Т. 2: Общественные заявления, письма, интервью. Ярославль: Верх.-Волж. кн. изд-во, 1996. С. 293-305.

66. Столбов В.П. К вопросу о симфонии государства и религии (историософский аспект) // Известия ВУЗов. Серия «Экономика, финансы и управление производством». 2017. № 3. С. 80-92.

67. Товбин К.М. «Параллельная Россия»: старообрядческие локусы как возрождение Святой Руси в эпоху Модерна // Вестник Российской нации. 2013. № 3-4. С. 41-63.

68. Товбин К.М. Концепция «Москва – третий Рим» в русском православном старообрядчестве. СПб.: Археодоксия, 2014.

69. Товбин К.М. Пострелигия и ее становление в русском старообрядчестве. М.: Этносоциум, 2014.

70. Товбин К.М. Церковный раскол XVII века как столкновение ментальных проектов // Этносоциум и межнациональная культура. 2013. № 1. С. 109-120.

71. Товбин К.М., Семичаевский А.В., Соколов В.В. Старообрядцы Русской Америки как пример современного традиционализма // Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2016. Т. 156. № 22. С. 227-234.

72. Урушев Д.А. Иван Сергеевич Тургенев и русское старообрядчество // Спасский вестник. 2012. № 20. С. 82-89.

73. Урушев Д.А. Начало русской драмы // История в подробностях. 2013. № 7. С. 20-25.

74. Урушев Д.А. Тайна Святой Руси: История старообрядчества в событиях и лицах. М.: Вече, 2013.

75. Урушев Д.А. Художественное воплощение образа в ранней старообрядческой литературе // Ценности и смыслы. 2010. № 4. С. 116-123.

76. Фаткуллина Р.Р., Попова О.В. Географический аспект трансформации природопользования старообрядцев в России // Вестник Оренбургского государственного университета. 2015. № 6. С. 217-228.

77. Хирьянова Л.В. Мировоззренческие предпосылки церковного раскола XVII века как отражение тенденций современной старообрядческой культуры // Общество и этнополитика: материалы III научно-практической конференции СибАГС. Новосибирск: Изд-во СибАГС, 2010. С. 209-216.

78. Хисамутдинов А.А. Русская Аляска и православие. Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 2015.

79. Чистяков Г.С. Старообрядческая соборность как форма консервативной демократии // Традиционная книга и культура позднего рус-

ского средневековья: труды Всероссийской научной конференции к 40-летию полевых археографических исследований МГУ им. М.В. Ломоносова. Ч. 2. История, книжность и культура русского старообрядчества. Ярославль, 2008. С. 73-75.

80. Чуркин М.К. Сценарии и опыт модернизации империи в условиях освоения окраин // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2015. № 1. С. 4-11.

81. Шахов М.О. Старообрядческое мировоззрение: Религиозно-философские основы и социальная позиция. М.: Изд-во РАГС, 2001.

82. Юхименко Е.М. Выговская старообрядческая пустынь. В 2-х т. М.: Яск, 2002.

REFERENCES

1. Ageeva, E.A., 2015. Staroobryadtsy v musul'manskom okruzenii: opyt vzaimodeystviya [Old Believers in the Muslim environment: the experience of interaction]. In: Staroobryadchestvo: istoriya i sovremennost', mestnye traditsii, russkie i zarubezhnye svyazi: materialy VI Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Ulan-Ude: Izd-vo BuryatGU, pp. 20-26. (in Russ.)

2. Antonov, A.V., 1998. Tsarskiy put [The royal route], Rodina, no. 1, pp. 18. (in Russ.)

3. Argudyaeva, Yu.V., 2014. Russkie staroobryadtsy v Yuzhnoy Amerike [Russian Old Believers in South America], Religiovedenie, no. 1, pp. 76-93. (in Russ.)

4. Argudyaeva, Yu.V., 2012. Emigratsiya russkikh staroobryadtsev-dal'nevostochnikov v Kitay i Severnuyu Ameriku [Emigration of the Old Believers of the Russian Far Eastern to China and North America], Religiovedenie, no. 2, pp. 9-20. (in Russ.)

5. Argudyaeva, Yu.V. and Khisamutdinov, A.A., 2013. Iz Rossii cherez Aziyu v Ameriku: russkie staroobryadtsy [From Russia through Asia to America: Russian Old Believers]. Vladivostok: DVO RAN. (in Russ.)

6. Aref'ev, M.A. and Davydenkova, A.G., 2016. Religiya i religioznye organizatsii v pravovom pole Rossiyskogo gosudarstva [Religion and religious organizations in the legal field of the Russian state], Lex Russica, no. 12, pp. 237-243. (in Russ.)

7. Assonov, N.V., 2008. Formirovanie predstavleniy o vlasti v politicheskikh doktrinaх staroobryadchestva [The making of the ideas about power in the political doctrines of the Old Believers], Vlast', no. 7, pp. 71-74. (in Russ.)

8. Atorin, R.Yu., 2009. Religioznoe mirovozzrenie protopopa Avvakuma i vliyanie

ego deyatel'nosti na razvitie ekklesiologii staroobryadchestva [The religious outlook of the archpriest Avvakum and the influence of his activity on the development of the ecclesiology of the Old Believers]. Belgorod: BelGU. (in Russ.)

9. Baev, V.G. and Voronova-Orenburgskaya, S.O., 2011. Sotsial'naya filosofiya staroobryadchestva [Social philosophy of the Old Believers], Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Kul'turologiya, Vol. 22, no. 30, pp. 27-31. (in Russ.)

10. Baev, V.G. and Davydenkova, A.G., 2012. Kategoriya «dukhovnost'» v kontekste staroobryadcheskoy kul'tury [The category of «spirituality» in the context of the Old Believers' culture], Vestnik LenGU im. A.S. Pushkina, no. 1, pp. 220-228. (in Russ.)

11. Bakulov, V.D., 2003. Sotsiokul'turnye metamorfozy utopizma [Socio-cultural metamorphoses of utopianism]. Rostov-na-Donu: Izd-vo Rost. un-ta. (in Russ.)

12. Bobkov, A.I., 2017. Russkiy raskol kak filosofskoe protivostoyanie sobornosti i kvazireligioznosti [Russian schism as a philosophical opposition of conciliarism and quasi-religiousness], Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Politologiya. Religiovedenie», Vol. 19, pp. 57-62. (in Russ.)

13. Bubnov, N.Yu., 2016. Puteshestvie ural'skikh kazakov v Belovodskoe tsarstvo: pogonya za prizrakom [The journey of the Ural Cossacks to the Belovodsky Kingdom: chasing a ghost], Peterburgskaya bibliotekhnaya shkola, no. 4, pp. 54-63. (in Russ.)

14. Bykonya, G.F., 2017. O vliyaniy politicheskoy voli na razvitie etnonatsional'noy russkoy identichnosti v XV-XVII vv. [On the influence of political will on the development of ethno-national Russian identity in the XV-XVII century], Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Istoriya», Vol. 21, pp. 8-14. (in Russ.)

15. Bytko, S.S., 2016. Novyesvedeniya o vospriyatii staroobryadtsev tvorcheskoy obshchestvennost'yu vo vtoroy polovine XIX veka [New data on the perception of the Old Believers by the creative public in the late XIXth century]. In: Nikonovskie chteniya. V 2-kh t. T. 1. Aktual'nye voprosy kul'turologii i iskusstvovedeniya. Cheboksary: Izd-vo ChuvashGPU, pp. 42-49. (in Russ.)

16. Vernyaev, I.I., 2017. Staroobryadchestvo i vlast' v postsovetskoy Rossii [Old Believers and state in post-Soviet Russia], Noveyshaya istoriya Rossii, no. 2, pp. 192-208. (in Russ.)

17. Glinchikova, A.G., 2008. Raskol ili sryv «russkoy Reformatsii»? [Schism or the failure of the «Russian Reformation»?]. Moskva: Kul'turnaya revolyutsiya. (in Russ.)

18. Glinchikova, A.G., Sineokaya, Yu.V. and Stepanyants, M.T., 2017. Arkhaizatsiya: povорот vspyat' ili mobilizatsiya k budushchemu? [Archaization: a turn back or a mobilization for the future?], Filosofskiy zhurnal, Vol. 10, no. 3, pp. 133-152. (in Russ.)

19. Dutchak, E.E., 2010. Geopoliticheskaya simvolika skvoz' prizmu eskhatologii [Geopolitical symbols through the prism of eschatology], Obshchestvennye nauki i sovremennost', no. 3, pp. 163-172. (in Russ.)

20. Zhukotskiy, V.D., 2001. Russkaya intelligentsiya i religiya: opyt istoriosofskoy rekonstruktsii smysla [Russian intelligentsia and religion: an attempt of the historiosophical reconstruction of the meaning], Filosofiya i obshchestvo, no. 1, pp. 87-114. (in Russ.)

21. Zapletina, S.N., 2015. Sotsial'no-psikhologicheskie aspekty blagotvoritel'nosti v Rossii [Social and psychological aspects of philanthropy in Russia], Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk, Vol. 17, no. 1, pp. 87-92. (in Russ.)

22. Znatnov, A.V., 2000. Protivlenie zlu nenasiliem, ili Kul'tura mira v staroobryadcheskoy knizhnosti [Resistance to evil by non-violence, or the culture of the peace in the Old Believers' books]. In: Rumyantsevskie chteniya: materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii «Kniga i kul'tura mira v Rossii». Moskva: Pashkov dom, pp. 69-77. (in Russ.)

23. Ioanidi, A.F. and Shelpakov, Yu.F., 2016. Religioznyy faktor i voennaya bezopasnost' Rossiyskoy federatsii [Religious factor and military security of the Russian Federation], Nauka i voennaya bezopasnost', no. 2, pp. 15-18. (in Russ.)

24. Karnyshev, A.D., 2011. Vzaimodeystvie religioznykh i psikhologo-ekonomicheskikh ustanovok v traditsiyakh i innovatsiyakh staroobryadchestva [Interaction of religious, psychological and economic attitudes in the traditions and innovations of the Old Believers], Zhurnal institutsional'nykh issledovaniy, Vol. 3, no. 4, pp. 59-70. (in Russ.)

25. Kerov, V.V., 2010. Mezhdutraditsionalizmom i modernizatsiey. Stat'ya 1. Krizis russkoy dukhovnoy kul'tury XVII veka i ideya otserkovleniya zhizni [Between traditionalism and modernization. Article 1. The crisis of Russian spiritual culture of the XVII century and the idea

of the churching of life], *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 5, pp. 111-125. (in Russ.)

26. Kovrigina, I.A., 2016. Staroobryadcheskaya pedagogika kak primer mezhpokolennykh transmissii traditsionnykh tsennostey [Old Believers' pedagogy as an example of an intergenerational transmission of traditional values]. In: *Obrazovanie i kul'turniy kapital: sbornik nauch. statey II Vserossiiskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Vladivostok: Izd-vo DVFU, pp. 22-27. (in Russ.)

27. Kozhurin, A.Ya. and Kozhurin, K.Ya., 2014. Staroobryadchestvo v rabotakh russkikh konservatorov vtoroy poloviny XIX – nachala XX veka [Old Belief in the works of Russian conservative philosophers of the late XIXth and early XXth century], *Izvestiya SPbGAU*, no. 36, pp. 277-284. (in Russ.)

28. Kozhurin, K.Ya., 2012. Bogoslužhenie kak osnova mirosozertsaniya i kul'turnoy deyatel'nosti staroobryadtsev [Divine service as the basis of the world outlook and cultural activity of the Old Believers], *Vestnik LenGU im. A.S. Pushkina*, no. 4, pp. 69-77. (in Russ.)

29. Kozhurin, K.Ya., 2012. Boyarina Morozova [Boyarina Morozova]. Moskva: Molodaya gvardiya. (in Russ.)

30. Kozhurin, K.Ya., 2007. Dukhovnye uchitelya sokrovennoy Rusi [Spiritual teachers of the sacred Russia]. Sankt-Peterburg: Piter. (in Russ.)

31. Kozhurin, K.Ya., 2014. Povsednevnyaya zhizn' staroobryadtsev [The daily life of the Old Believers]. Moskva: Molodaya gvardiya. (in Russ.)

32. Kozhurin, K.Ya., 2013. Protopop Avvakum: Zhizn' za veru [Archpriest Avvakum: Life for the faith]. Moskva: Molodaya gvardiya. (in Russ.)

33. Kozhurin, K.Ya., 2015. Teorii yuzhno-zapadnorusskikh bogoslovov kak istochnik staroobryadcheskoy istoriosofii [Theories of South-West Russian theologians as a source of Old Believers' historiosophy], *Izvestiya SPbGAU*, no. 5, pp. 55-58. (in Russ.)

34. Korovin, V.M., 2009. Glavnaya voennaya tayna SShA. Setevye voyny [The main military secret of the United States. Network wars]. Moskva: YAuz; Eksmo. (in Russ.)

35. Kuznetsova, N.Yu. and Ruzhinskaya, I.N., 2016. Staroobryadcheskaya traditsiya nastavnichestva kak primer nepreryvnoy obrazovatel'noy traditsii [The Old Believers' tradition of mentoring as an example of a continuing educational tradition], *Nepreryvnoe obrazovanie: XXI vek*, no. 4, pp. 50-61. (in Russ.)

36. Kuropatkina, O.V., 2014. Rol' religii v natsiestroitel'stve sovremennoy Rossii [The

role of religion in the nation-building in modern Russia], *Problemnyy analiz i gosudarstvenno-upravlencheskoe proektirovanie*, Vol. 7, no. 1, pp. 26-38. (in Russ.)

37. Lazarevich, M.A., 2016. Traditsii metsenatstva v drevlepravoslavii [Traditions of philanthropy in the Ancient Orthodoxy]. In: *Aktual'nye voprosy intellektual'noy istorii i gumanitarnogo znaniya v XXI veke: materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Ryazan': Sozvezdie, pp. 42-44. (in Russ.)

38. Likhachev, D.S., 1987. Velikoe nasledie. Klassicheskie proizvedeniya literatury Drevney Rusi [Great heritage. Classical works of literature of Old Russia]. In: Likhachev, D.S., 1987. *Izbrannye raboty v 3-kh t. T. 2*. Leningrad: Khudozh. lit., pp. 280-297. (in Russ.)

39. Madzharov, A.S., 2017. Razvitie kontseptsii religioznogo raskola Russkoy pravoslavnoy tserkvi i zemstva vo vtoroy polovine XIX v. (S.M. Solovyov, A.P. Shchapov) [The concept of schism of the Russian Orthodox Church and Zemstvo in the late XIXth century (S. Solovyov, A. Shchapov)], *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Politologiya. Religiovedenie»*, Vol. 19, pp. 40-49. (in Russ.)

40. Maslova, Yu.V., 2016. Tipologiya vzglyadov russkikh mysliteley na staroobryadchestvo [Typology of views of Russian thinkers on the Old Belief], *Kul'tura i tsivilizatsiya*, no. 3, pp. 74-90. (in Russ.)

41. Matyushchenko, V.S., 2015. Problema religioznoy identichnosti v kontekste ponimaniya osobennostey staroobryadchestva [The problem of religious identity in the context of the features of the Old Belief], *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Politologiya. Religiovedenie»*, Vol. 14, pp. 194-201. (in Russ.)

42. Minyaeva, S.B., 2012. Staroobryadtsy-stranniki kak pervaya organizatsiya setevogo tipa v Rossii [Pilgrim Old Believers as the first network organization in Russia]. In: *Evraziystvo: teoreticheskiy potentsial i prakticheskie prilozheniya: materialy VI Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. T. 1*. Barnaul: Si-press, pp. 245-249. (in Russ.)

43. Morris, R.A. and Morris (Yumsunova), T.B., 2009. Russkie starovery na Alyaske [Russian Old Believers in Alaska], *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 10, pp. 115-122. (in Russ.)

44. Mudrik, A.V., 2015. Sotsializatsiya u staroobryadtsev: podkhod k probleme [Socialization among the Old Believers: an

approach to the issue], *Sibirskiy pedagogicheskiy zhurnal*, no. 2, pp. 14-18. (in Russ.)

45. Muravyov, A.V., 2010. *Sotsial'naya al'ternativa russkogo staroobryadchestva. Ch. 2* [Social alternative of the Russian Old Belief. Part 2], *Sotsial'naya real'nost*, no. 10, pp. 35-47. (in Russ.)

46. Murashova, N.S., 2017. *Personosfera staroobryadcheskogo dukhovnogo stikha* [Personosphere of the Old Believers' spiritual verse], *Vestnik slavyanskikh kul'tur*, Vol. 45, pp. 71-85. (in Russ.)

47. Nimaev, D.D. and Imikhelov, A.V., 2011. *Etnokul'turnye i etnodemograficheskie protsessy v Sibiri (XVII – nachalo XX v.)* [Ethno-cultural and ethno-demographic processes in Siberia (XVIIth – early XXth century)], *Vestnik Buryatskogo nauchnogo tsentra Sibirskogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk*, no. 2, pp. 50-60. (in Russ.)

48. Novikov, A.G., 2011. *Rol' tserkovnogo raskola XVII veka v formirovaniі russiyskoy tsivilizatsii* [The role of the XVIIth century schism in the making of Russian civilization], *Idei i idealy*, Vol. 2, no. 1, pp. 11-18. (in Russ.)

49. Nosyrev, I., 2013. *Styazhatel'stvo ili neizbezhnost'?* [Greed or inevitability?], *Rodina*, no. 7, pp. 82-85. (in Russ.)

50. Osipov, I.V., Padalkina, V.V. and Sazhina, V.A., 2017. *Rossiyskoe staroobryadchestvo v sisteme gosudarstvenno-konfessional'nykh otnosheniy* [Russian Old Belief in the system of state-confessional relations], *Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyy vestnik*, no. 63, pp. 116-135. (in Russ.)

51. Perekrestov, R.I., 2012. *Iz istorii vzaimootnosheniy staroobryadtsev s kruzhkom A.I. Gertsena* [From the history of the relationship of the Old Believers with the club of Alexander Herzen]. In: *Staroobryadchestvo: istoriya, kul'tura, sovremennost'*. Vyp. 14. Moskva: Muzei istorii i kul'tury staroobryadchestva, pp. 28-34. (in Russ.)

52. Permilovskaya, A.B., 2016. *Russkiy Sever – spetsificheskiy kod kul'turnoy pamyati* [Russian North, a specific code of cultural memory], *Kul'tura i iskusstvo*, no. 2, pp. 155-163. (in Russ.)

53. Plotnikova, A.A., 2016. *Slavyanskіe ostrovnye arealy v etnolingvisticheskom aspekte* [Slavic island areas in the ethno-linguistic aspects], *Vestnik slavyanskikh kul'tur*, Vol. 42, pp. 99-114. (in Russ.)

54. Popova, O.V., 2015. *Transformatsiya etnokul'turnykh sistem staroobryadcheskikh obshchin v zarubezhnykh stranakh* [Transformation of ethno-cultural systems of Old Believers' communities in foreign countries], *Vestnik*

Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta, no. 7, pp. 173-181. (in Russ.)

55. Potekhina, E.A., 2017. *Povsednevnyaya zhizn' krest'yanina-staroobryadtsa* [The daily life of an Old Believer peasant], *Russian Peasant Studies*, Vol. 2, no. 1, pp. 77-89. (in Russ.)

56. Prugavin, A.S., 1885. *Samoistreblenie. Proyavleniya asketizma i fanatizma v raskole* [Self-destruction. Manifestations of asceticism and fanaticism among the dissidents], *Russkaya Mysl'*, no. 1, pp. 77-155. (in Russ.)

57. Pul'kin, M.V., 2012. *Istoricheskaya suitsidologiya: po materialam staroobryadcheskikh samosozhzheniy* [Historical suicidology: the cases of Old Believers' self-immolations], *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya*, no. 2, pp. 96-103. (in Russ.)

58. Pyzhikov, A.V., 2016. *Grani russkogo raskola. Tainaya rol' staroobryadchestva ot 17 veka do 17 goda* [The aspects of Russian schism. The secret role of the Old Belief from the XVIIth century to 1917]. Moskva: Kontseptual. (in Russ.)

59. Raskov, D.E., 2016. *Begstvo ot mira i zemnoy uspek: ekonomicheskaya kul'tura zarubezhnykh staroverov* [Escape from the world and earthly success: the economic culture of foreign Old Believers], *Idei i idealy*, Vol. 1, no. 4, pp. 37-53. (in Russ.)

60. Raskov, D.E., 2004. *Staroobryadcheskaya traditsiya i Postmodern* [Old Believers' tradition and Postmodernity], *Filosofiya khozyaistva*, no. 2, pp. 111-124. (in Russ.)

61. Raskov, D.E., 2012. *Ekonomicheskie instituty staroobryadchestva* [Economic institutions of the Old Belief]. Sankt-Peterburg: Izd-vo SPbGU. (in Russ.)

62. Raskov, D.E., 2012. *Eskhatologiya i aktivnost' v miru staroverov* [Eschatology and civic activism among the Old Believers], *Khristianskoe chtenie*, no. 6, pp. 82-94. (in Russ.)

63. Romanova, A.P., Kanat'eva, N.S. and Topchiev, M.S., 2016. *Konfessional'nyy Chuzhoy: vestimentarnye markery staroobryadchestva* [Confessional alien: vestimentar markers of the Old Believers], *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kul'tura*, no. 3, pp. 111-117. (in Russ.)

64. Romanova, E.V., 2012. *Massovye sozhzheniya v staroobryadchestve v Rossii v XVII-XIX vekakh* [Mass self-immolations among the Old Believers in Russia in the XVII-XX centuries]. Sankt-Peterburg: Izd-vo Evropeyskogo un-ta. (in Russ.)

65. Solzhenitsyn, A.I., 1996. *Pis'mo iz Ameriki* [A letter from America]. In: Solzhenitsyn, A.I., 1996. *Publitsistika: v 3-kh t. T. 2.: Obshchestvennyy*

zayavleniya, pis'ma, interv'yu. Yaroslavl': Verkh.-Volzh. kn. izd-vo, pp. 293-305. (in Russ.)

66. Stolbov, V.P., 2017. K voprosu o simfonii gosudarstva i religii (istoriosofskiy aspekt) [Towards the question of the symphony of the State and Religion (aspects of philosophy of history)], *Izvestiya VUZov. Seriya «Ekonomika, finansy i upravlenie proizvodstvom»*, no. 3, pp. 80-92. (in Russ.)

67. Tovbin, K.M., 2013. «Parallel'naya Rossiya»: staroobryadcheskie lokusy kak vozrozhdenie Svyatoy Rusi v epokhu Moderna [«Parallel Russia»: Old Believers' loci as the revival of Holy Russia in the modernity], *Vestnik Rossiyskoy natsii*, no. 3-4, pp. 41-63. (in Russ.)

68. Tovbin, K.M., 2014. Kontseptsiya «Moskva – tretiy Rim» v russkom pravoslavnom staroobryadchestve [«Moscow is the third Rome» concept among the Russian Orthodox Old Believers]. Sankt-Peterburg: Arkheodoksiya. (in Russ.)

69. Tovbin, K.M., 2014. Postreligiya i eyo stanovlenie v russkom staroobryadchestve [Post-religion and its genesis in the Russian Old Belief]. Moskva: Etnosotsium. (in Russ.)

70. Tovbin, K.M., 2013. Tserkovnyy raskol XVII veka kak stolknovenie mental'nykh proektov [Church schism of the XVII century as a clash of mental projects], *Etnosotsium i mezhnatsional'naya kul'tura*, no. 1, pp. 109-120. (in Russ.)

71. Tovbin, K.M., Semichaevskiy, A.V. and Sokolov, V.V., 2016. Staroobryadtsy Russkoy Ameriki kak primer sovremennogo traditsionalizma [Old Believers in Russian America as an example of modern traditionalism], *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 1: Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury*, Vol. 156, no. 22, pp. 227-234. (in Russ.)

72. Urushev, D.A., 2012. Ivan Sergeevich Turgenev i russkoe staroobryadchestvo [Ivan Turgenev and Russian Old Belief], *Spasskiy vestnik*, no. 20, pp. 82-89. (in Russ.)

73. Urushev, D.A., 2013. Nachalo russkoy dramy [The beginning of Russian tragedy], *Istoriya v podrobnostyakh*, no. 7, pp. 20-25. (in Russ.)

74. Urushev, D.A., 2013. Taina Svyatoy Rusi: Istoriya staroobryadchestva v sobytiyakh i litsakh [The mystery of holy Russia: History of Old Believers in events and persons]. Moskva: Veche. (in Russ.)

75. Urushev, D.A., 2010. Khudozhestvennoe voploshchenie obraza v ranney staroobryadcheskoy

literature [The embodiment of the image in early Old Believers' literature], *Tsennosti i smysly*, no. 4, pp. 116-123. (in Russ.)

76. Fatkullina, R.R. and Popova, O.V., 2015. Geograficheskiy aspekt transformatsii prirodopol'zovaniya staroobryadtsev v Rossii [Geographic aspect of transformation of natural resource management among Russian Old Believers], *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 6, pp. 217-228. (in Russ.)

77. Khir'yanova, L.V., 2010. Mirovozzrencheskie predposylki tserkovnogo raskola XVII veka kak otrazhenie tendentsiy sovremennoy staroobryadcheskoy kul'tury [Ideological preconditions of the XVIIIth century church schism as a reflection of the tendencies of the modern Old Believers' culture]. In: *Obshchestvo i etnopolitika: materialy III nauchno-prakticheskoi konferentsii SibAGS. Novosibirsk: Izd-vo SibAGS*, pp. 209-216. (in Russ.)

78. Khisamutdinov, A.A., 2015. Russkaya Alyaska i pravoslavie [Russian Alaska and Orthodoxy]. Vladivostok: Izd-vo Dal'nevostochnogo un-ta. (in Russ.)

79. Chistyakov, G.S., 2008. Staroobryadcheskaya sobornost' kak forma konservativnoy demokratii [Old Believers' «sobornost'» as a form of conservative democracy]. In: *Traditsionnaya kniga i kul'tura pozdnego russkogo srednevekov'ya: trudy Vserossiiskoy nauchnoi konferentsii k 40-letiyu polevykh arkheograficheskikh issledovaniy MGU im. M.V. Lomonosova. Ch. 2. Istoriya, knizhnost' i kul'tura russkogo staroobryadchestva. Yaroslavl*, pp. 73-75. (in Russ.)

80. Churkin, M.K., 2015. Stsenarii i opyt modernizatsii imperii v usloviyakh osvoeniya okrain [Scenarios and experience of modernization of the Empire under the development of the Empire's frontier], *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Istoricheskie nauki»*, no. 1, pp. 4-11. (in Russ.)

81. Shakhov, M.O., 2001. Staroobryadcheskoe mirovozzrenie: Religiozno-filosofskie osnovy i sotsial'naya pozitsiya [Old Believers' worldview: Religious-philosophical foundations and social position]. Moskva: Izd-vo RAGS. (in Russ.)

82. Yukhimenko, E.M., 2002. Vygovskaya staroobryadcheskaya pustyn'. V 2-kh t. [Old Believers' monastery in Vyg. In 2 volumes]. Moskva: Yask. (in Russ.)

ИСТОРИЯ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ

УДК 94:621.311.1(571.6)

DOI dx.doi.org/10.24866/1997-2857/2018-2/100-112

А.В. Маклюков*

ЭЛЕКТРИФИКАЦИЯ ГОРОДСКОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ СССР В 1920-е – 1930-е гг.

В статье рассматриваются проблемы электрификации городской инфраструктуры на Дальнем Востоке СССР в 1920-е – 1930-е гг. Автор полагает, что электрификация дальневосточных городов сдерживалась ограниченностью местных властей в финансовых и материальных ресурсах, слабым уровнем развития коммунальной электроэнергетики, бурным промышленным строительством. Несмотря на все трудности, в дальневосточных городах росло число пользователей электроэнергией, развивался общественный транспорт, предприятия жизнеобеспечения, улучшалось наружное освещение, постепенно повышался культурный уровень дальневосточников.

Ключевые слова: городская инфраструктура, электрификация, электроэнергия, индустриализация, Дальний Восток

Electrification of urban infrastructure in the Soviet Far East, 1920s – 1930s. ALEKSEY V. MAKLYUKOV (Institute of History, Archaeology and Ethnography of Peoples of Far East, Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences)

The article deals with the issue of electrification of urban infrastructure in the Soviet Far East in the 1920s and 1930s. The author suggests that the electrification of the Far Eastern cities was constrained by the limited access of the local authorities to financial and material resources, by the low level of development of the municipal power engineering, and rapid industrial construction. Despite all the difficulties, the number of electricity users in the Far Eastern cities grew steadily, public transport developed, public lighting improved, and the cultural level of the Soviet Far East gradually increased.

Keywords: urban infrastructure, electrification, electricity, industrialization, Soviet Far East

В 1920-е – 1930-е гг. в России происходили глубокие преобразования в экономической, социальной, политической и культурной сферах общества, направленные на преодоление общей промышленной и культурной отсталости страны. Важнейшей составляющей советской

модернизации стала электрификация городской инфраструктуры – предприятий жизнеобеспечения, общественного транспорта, наружного освещения. Электрификация, являясь приоритетным направлением государственной политики в экономической сфере в 1920-е – 1930-е гг.,

---

* МАКЛЮКОВ Алексей Владимирович, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения РАН.

E-mail: alekseymaklyukov@yandex.ru

© Маклюков А.В., 2018

стала важнейшим фактором преобразования быта и досуга, повышения материального и культурного уровня советского человека.

Государственная политика в сфере развития городского хозяйства на Дальнем Востоке в 1920-е – 1930-е гг. проводилась в рамках восстановления региональной экономики, индустриализации и укрепления обороноспособности края. Вопросы развития городской инфраструктуры находились в ведении Народного комиссариата коммунального хозяйства РСФСР и Дальневосточного краевого исполнительного комитета, создавшего для их решения инспекцию при административном отделе. На местах аналогичные вопросы были в ведении городских, районных советов и исполкомов, городских коммунальных отделов.

В городах Дальнего Востока первые центральные электростанции общественного пользования появились в 1906-1915 гг. Наиболее крупные из них находились в муниципальной собственности (Владивосток, Благовещенск), а мелкие – в частных руках (Хабаровск, Никольск-Уссурийск, Петропавловск-Камчатский). Первые источники генерации позволили создать централизованное освещение, электрифицировать объекты жилищно-коммунальной инфраструктуры и городской транспорт (в 1912 г. трамвай в г. Владивосток). Слабая заселенность и освоенность Дальнего Востока, его отдаленность от центра, пограничное положение и сильная зависимость от государственных инвестиций сдерживали процесс электрификации городов. Гражданская война 1918-1922 гг. привела к деградации сложившегося местного энергетического хозяйства. В 1923 г. в стране проводилась Всеобщая городская перепись населения и промышленных предприятий, которая зафиксировала 4 городские электростанции на Дальнем Востоке: во Владивостоке, Благовещенске, Хабаровске и Никольск-Уссурийске [7, с. 36-45].

Промышленная перепись 1923 г. показывает, что г. Владивосток снабжался электроэнергией децентрализованно от 15 разных источников генерации: городской станции¹, промышленной станции Дальзавода и 13 небольших частных установок. Оборудование городской станции позволяло производить в 1923 г. в 2 раза меньше электроэнергии, чем в 1917 г. (Государственный архив Приморского края, далее – ГАПК. Ф. 1371. Оп. 1. Д. 17-а. Л. 8). В тяжелом техническом состоянии находились городские станции и се-

тевое хозяйство в Благовещенске, Хабаровске, Никольск-Уссурийске. Если на Владивостокской станции полезный отпуск электроэнергии составлял 91,4%, то на Благовещенской станции всего 71,5%. Специалистами отмечалось, что городские станции могли обслуживать не более 10% населения городов (Государственный архив Хабаровского края, далее – ГАХК. Ф. Р-1151. Оп. 1. Д. 22. Л. 8; Ф. Р-353. Оп. 1. Д. 7. Л. 162).

Неудовлетворительное состояние оборудования электростанций, работающих с низким коэффициентом полезного действия, сказывалось на себестоимости и стоимости отпускаемой электроэнергии. В 1923 г. наибольшая цена за электроэнергию среди городов Дальнего Востока зафиксирована в Хабаровске: при себестоимости 19 коп. кВт*ч электроэнергия отпускалась потребителям по 61,6 коп., что составляло 321% ее себестоимости. В Благовещенске 1 кВт*ч обходился потребителям в 58,7 коп., во Владивостоке – в 23 коп., в Никольск-Уссурийске – в 45 коп (см. табл. 1). При этом прибыль во Владивостоке достигалась путем увеличения количества потребителей, тогда как в Хабаровске – путем поднятия стоимости за отпускаемую электроэнергию.

В 1923 г. Дальний Восток встал на путь социалистической реконструкции. Первые шаги советской власти по стабилизации энергоснабжения региона начались с национализации электростанций и перевода их в ведение отделов коммунального хозяйства губернских исполнительных комитетов, на которые возлагалось формирование местных бюджетов. В марте 1923 г. национализировали и передали в ведение губернского коммунального отдела Приамурской губернии Хабаровскую электростанцию. В подчинение местных комхозов включили электростанции других городов края [2, с. 62].

Жилищно-коммунальное хозяйство стало одним из основных источников формирования городских бюджетов. Перевод городских электростанций на положение коммунальных предприятий позволил начать их ремонт. Расходы на восстановление станций оплачивались из местных бюджетных средств. В 1924 г. для приведения в порядок коммунальных предприятий в городах была создана строительная контора Дальстрой. В течение 1924-1925 гг. контора осуществляла капитальный ремонт зданий Владивостокской, Хабаровской, Никольск-Уссурийской и Благовещенской электростанций (Российский государственный исторический архив Дальнего Востока, далее – РГИА ДВ. Ф. Р-2486. Оп. 1. Д. 29. Л. 1; Д. 45. Л. 70; Д. 153. Л. 53).

¹ Владивостокская городская электростанция мощностью 1350 кВт была построена в 1912 г.

Показатели работы городских электростанций Дальнего Востока за 1923 г.

Город	Мощность станций, в кВт	Выработано тыс. кВт	Себестоимость 1 кВт*ч, в коп.	Отпускная цена 1 кВт*ч, в коп.	Соотношение себестоимости и отпускной цены, в %	Потеря энергии в сети, в %	Расход условного топлива на 1 кВт*ч, в кг	Выработка энергии на 1 жителя, в кВт*ч
Владивосток	2850	2200	15,4	23,9	153	30,6	3,75	43,5
Хабаровск	390	411	19,0	61,6	321	21,9	5,71	12,0
Благовещенск	1062	777	31,2	58,7	161	32,8	6,70	12,4
Никольск-Уссурийск	295	268	25,9	45,0	365	30,2	5,28	8,7

Источники: ГАПК. Ф. 1371. Оп. 1. Д. 17-а. Л. 8; ГАХК. Ф. Р-1151. Оп. 1. Д. 22. Л. 9; [1, с. 105]; [13, с. 70].

В 1924 г. развернулись работы по ремонту генерирующего оборудования городских станций. К примеру, на Владивостокской станции был осуществлен капитальный ремонт всех котлов и паротурбин, после чего предприятие снова смогло работать с отпуском электроэнергии до 2775 кВт*ч, т.е. на максимальную мощность. В августе 1924 г. Примгубисполком принимает решение о расширении станции и создании в городе централизованного электроснабжения. Для этого планировалось приобрести у Дальзавода турбогенератор на 650 кВт и котел системы «Бобкок – Вилькокс» 400 кв. м. нагрева. На расширение станции заложили 111,4 тыс. руб. из местного бюджета (РГИА ДВ. Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 235. Л. 2, 4, 25). В 1924 г. во Владивостоке закрыли все мелкие частные генерирующие установки, а также центральную электростанцию Дальзавода. Вся городская нагрузка переводилась на коммунальную станцию. Это позволило централизовать и стабилизировать электроснабжение потребителей [6, с. 34].

Несмотря на все проводимые мероприятия, слабая энергетическая база региона уже не отвечала возрастающим потребностям в электроэнергии. Требовались государственные капиталовложения, направленные на строительство новых крупных энергетических предприятий. У

дальневосточных властей средств на дальнейшую электрификацию не было. В 1925-1926 гг. из запланированных расходов по капитальному строительству в жилищно-коммунальном хозяйстве в размере 10,126 тыс. руб. (из них по бюджету СССР – 200 тыс. руб. и бюджету РСФСР – 9,926 тыс. руб.) было профинансировано только 2,837 тыс. руб., что составляло всего 28% [16, с. 278]. Рассчитывать на собственные ресурсы при строительстве новых электростанций, требующих значительных капиталовложений, не приходилось. Без госдотаций перестроить энергетическое хозяйство было невозможно.

В условиях дефицита бюджета пришлось развивать коммунальную электроэнергетику экстенсивным путем – расширяя мощности старых энергетических предприятий. Во Владивостоке рост промышленной нагрузки требовал дальнейшего увеличения производительности коммунальной станции. В 1926 г. началась установка котла «Финцер и Гемпер» мощностью 500 кВт, который был специально изготовлен в 1925 г. на Дальзаводе. Это стало важным событием: оборудование для электроэнергетики было изготовлено на заказ местной промышленностью, а не доставлено из-за границы или из центральной России, как раньше [8]. В 1927 г.

котел был запущен с одновременной установкой турбогенератора немецкой фирмы «Шкода» мощностью 2000 кВт. В результате мощность Владивостокской станции увеличилось почти в 2 раза с 2850 до 4850 кВт. Крупными потребителями электроэнергии станции стали Дальзавод, Уссурийская железная дорога, городской трамвай, торговый порт, жилищно-коммунальное хозяйство и ряд других предприятий города (ГАПК. Ф. 1371. Оп. 1. Д. 17 а. Л. 1).

Расширение старых и строительство новых мелких коммунальных станций происходило и в других городах. В ноябре 1927 г. Хабаровским городским советом был поднят вопрос о расширении городского предприятия. В декабре того же года был заказан, а в январе 1929 г. запущен новый турбогенератор мощностью 300 кВт, в результате чего мощность станции возросла почти в 2 раза, составив 670 кВт (РГИА ДВ. Ф. Р-2413. Оп. 4. Д. 1266. Л. 5; Ф. Р-2487. Оп. 1. Д. 61. Л. 54). Хотя прирост генерирующих мощностей в Хабаровске был незначительным и не решал проблему энергетического дефицита, тем не менее впервые почти за 20 лет работы предприятия его мощность была увеличена.

В 1928 г. были построены новые станции в Николаевске-на-Амуре на 111 кВт и в Петропавловске-Камчатском на 204 кВт. В других городах органы местного самоуправления тоже предпринимали попытки строительства новых станций. В декабре 1927 г. Никольск-Уссурийский городской совет признал необходимым строительство другой центральной станции и обратился за средствами в ВСНХ СССР. В сентябре 1929 г. такое же решение принял Благовещенский совет (Государственный архив Российской Федерации, далее – ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 15. Д. 1735. Л. 76; Ф. Р-4041. Оп. 3. Д. 588. Л. 1, 174).

Капиталовложения в развитие коммунальной электроэнергетики Дальнего Востока из местных бюджетов в 1926-1927 гг. исчислялись в размере 559,8 тыс. руб., из которых 49,6% средств пошло на новое строительство, 42,6% – на расширение и реконструкцию, 7,8% – на капитальный ремонт [15, с. 81]. В итоге к 1928 г. установленная мощность всех 9 коммунальных электростанций региона составила 6702 кВт, а выработка электроэнергии за год – 10,3 млн. кВт*ч. При этом 70% всей вырабатываемой энергии приходилось на одну Владивостокскую коммунальную станцию (ГАХК. Ф. Р-353. Оп. 1. Д. 7. Л. 164).

Особое внимание городские власти уделяли борьбе с высокой себестоимости вырабатыва-

емой электроэнергии и завышению тарифов, которые не позволяли привлекать новых потребителей. В этом направлении удалось достичь неплохих результатов. Так, к 1925 г. на Владивостокской станции себестоимость вырабатываемого кВт*ч снизили с 15,4 коп. до 12,6 коп., на Благовещенской станции – с 31,2 до 22,6 коп. Снижение стоимости кВт*ч позволило в 1925-1926 гг. уменьшить тарифы для абонентов Владивостокской электростанции с 23 коп. до 18 коп. за 1 кВт*ч, Благовещенской – с 58 до 43 коп., Хабаровской – с 61 до 51 коп. (ГАХК. Ф. Р-353. Оп. 1. Д. 173. Л. 31). Снижение тарифов привело к росту числа новых абонентов коммунальных энергопредприятий. Например, если на Владивостокской станции число абонентов в начале 1925 г. составляло 5788, то уже к сентябрю того же года – 7432 [9].

В 1924-1925 гг. из всей отпущенной электроэнергии коммунальными предприятиями Дальнего Востока до 65% расходовалось на городское освещение и 35% – на промышленные цели. Причем во Владивостоке на технологические цели отпускалось 30% энергии и еще 15% – на городской трамвай, а в Благовещенске и Хабаровске – всего 5%. И если во Владивостоке тариф для электрических моторов колебался от 6 до 20 коп. за 1 кВт*ч, то в Благовещенске и Хабаровске – от 65 до 75 коп [5, с. 35; 1, с. 105]. Такая диспропорция в использовании электрической энергии коммунальных станций и разница в тарифах были связаны, с одной стороны, с незначительной мощностью самих энергопредприятий, не позволяющих принимать на себя промышленную нагрузку, а с другой – с еще достаточно слабым уровнем промышленного развития городов Дальнего Востока.

К 1928 г. за счет расширения коммунальной станции Владивосток оказался наиболее обеспеченным электроэнергией среди других дальневосточных городов. Так, если во Владивостоке на одного городского жителя вырабатывалось 47 кВт*ч полезной электроэнергии в год, то в Никольск-Уссурийске – 12,4 кВт*ч, в Благовещенске – 12 кВт*ч, а в Хабаровске – 8,7 кВт*ч. В среднем на одного городского жителя Дальнего Востока производилось 22,7 кВт*ч в год, тогда как по РСФСР эта цифра составляла 26,7. Если не брать во внимание Владивостокскую станцию, то выработка на одного городского жителя в регионе была в 2,5 раза ниже, чем в среднем по городам РСФСР [15, с. 79].

Таким образом, в 1920-е гг. кардинальных изменений в энергообеспечении дальневосточ-

ных городов не происходило. Электрификация городской инфраструктуры тормозилась слабостью энергетической базы и высокой стоимостью электроэнергии. Местные городские власти в силу своих возможностей в основном занимались вопросами улучшения состояния оборудования старых коммунальных электростанций и повышения их нагрузки.

На IX краевой партийной конференции, прошедшей в феврале – марте 1929 г., был утвержден первый пятилетний план развития Дальнего Востока. Центральные партийные и советские структуры стали уделять развитию Дальнего Востока огромное внимание. Несмотря на отдаленность региона от центральной части страны, в этот период дальневосточные города стали превращаться в промышленные центры, в которых концентрировалась региональная производственная инфраструктура. В отличие от других районов страны, где реализовывался план ГОЭЛРО, на Дальнем Востоке к началу фундаментальных экономических изменений электроэнергетика находилась на дореволюционном уровне развития. Поэтому перед государством встали задачи ускоренного развития региональной электроэнергетики для обеспечения электроэнергией создаваемых промышленных центров [12, с. 46].

С 1930 г. стали поступать субсидии из государственного бюджета, которые компенсировали эксплуатационные расходы дальневосточных коммунальных станций. Это позволило в значительной степени снизить тарифы для абонентов и привлечь новых потребителей электроэнергии. В Хабаровске, где электроэнергия была самой дорогой, с начала 1930 г. тариф для рабочих, членов профсоюзов, военнослужащих снизили с 45 коп. до 26 коп за 1 кВт*ч, а с 1 марта 1932 г. по всем дальневосточным городам ввели единую тарифную сетку. Для рабочих 1 кВт*ч стал обходиться в 25 коп., хозяйственным организациям – в 60 коп., торгово-промышленным – 75 коп., культурным учреждениям – 25 коп. и т.д. Бывшие партизаны, члены профсоюзов и красногвардейцы пользовались специальной скидкой в 50% (ГАХК. Ф. Р-1228. Оп. 1. Д. 168. Л. 59; РГИА ДВ. Ф. Р-2413. Оп. 4. Д. 1004. Л. 92).

Центральные и местные государственные структуры в ходе создания энергетической базы в дальневосточных городах столкнулись с большими трудностями, в преодолении которых между центром и регионом нередко возникали серьезные разногласия. Отдаленность Дальне-

восточного края от индустриально развитых районов страны, полная его зависимость от материально-технического обеспечения из центра, отсутствие местной необходимой строительной и топливной базы, дефицит рабочей силы, сложные природно-климатические условия – все эти факторы тормозили энергетическое строительство в крае и его электрификацию.

В 1931 г. Дальневосточная Рабоче-крестьянская инспекция зафиксировала, что социальные потребности населения края в электроэнергии едва покрываются на 50%. В последующие годы ситуация по отдельным городам менялась только в худшую сторону (ГАХК. Ф. Р-907. Оп. 1. Д. 6. Л. 94). Так, в Хабаровске с первой пятилетки создавались новые для Дальнего Востока отрасли промышленности – машиностроительная, судостроительная, авторемонтная, нефтеперерабатывающая, авиационная. Строительство заводов всесоюзного и республиканского значения вызвало острый энергетический кризис. Единственная коммунальная электростанция, построенная в начале XX в., оказалась неспособна обеспечить промышленную нагрузку. В своем постановлении от 19 декабря 1931 г. Далькрайисполком констатировал, что из-за ненормального состояния энергетического хозяйства в Хабаровске создана угроза срыва промышленного строительства [14, с. 5].

Правительство обязало дальневосточные власти в кратчайшие сроки построить новую Хабаровскую коммунальную электростанцию. Проектная мощность предприятия определялась в 6000 кВт с возможностью дальнейшего расширения, а стоимость – в размере 8,6 млн. руб. (ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 14. Д. 207. Л. 5). 18 февраля 1932 г. Дальневосточный союзный строительный трест без всякой документации и смет начал строительные работы, которые оказались непосильными. Совет труда и обороны СССР всю вину за срыв строительства станции возложил на местные партийно-хозяйственные органы и взял стройку под свой контроль. Несмотря на принимаемые меры, темпы строительства оставались низкими, работы не сдвигались с места. В чрезвычайных условиях правительство в марте 1933 г. передало недостроенный объект Особой Краснознаменной Дальневосточной армии. Военизированные строительные батальоны достроили первую очередь станции и запустили ее в феврале 1934 г. (ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 14а. Д. 111. Л. 3).

В конце 1920-х – середине 1930-х гг. на Дальнем Востоке появляются новые промыш-

ленные города (Сучан, Комсомольск-на-Амуре, Артем, Иман, Лесозаводск и др.), в которых также строились электростанции по линии промышленных наркоматов. В частности, в 1931-1936 гг. были запущены: Сучанская ЦЭС, Комсомольская ТЭЦ-1, Артемовская ГРЭС и т.д. Энергообеспечение промышленных городов полностью зависело от работы градообразующих предприятий [12, с. 47-50].

Государство стало выделять значительные средства, направляемые на модернизацию городских электростанций. В 1932-1936 гг. в несколько этапов проведена реконструкция Владивостокской городской станции. В результате ее мощность увеличилась с 4850 кВт до 11000 кВт, или более чем в 2 раза. На станции установили 4 турбогенератора: 3 иностранного и 1 отечественного производства. В 1936 г. станция получила статус государственной районной электростанции (ГРЭС) (РГИА ДВ. Ф. Р-2848. Оп. 1. Д. 522. Л. 3).

С началом индустриализации Дальнего Востока городское хозяйство оказалось постоянным заложником нерегулярного и ограниченного получения электроэнергии, а иногда и полностью лишенным источника электроснабжения. Потребление электроэнергии в городах региона оказалось урезанным до недопустимого. Это стало новым серьезным тормозом электрификации городской инфраструктуры. По официальной статистике, в 1929-1937 гг. на коммунально-бытовые нужды городов края расходовалось в среднем до 46% электроэнергии, производимой коммунальными электростанциями, а от 54% уходило на нужды промышленности. В реальности цифры были совсем другими. По отдельным городам, в частности по Хабаровску и Благовещенску, на бытовые цели коммунальные станции отпускали не более 20-25% произведенной электроэнергии. Даже во Владивостоке 75% поставляемой электроэнергии потреблялось местной промышленностью (Российский государственный архив экономики, далее – РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 35. Д. 168з. Л. 60-71). Если рассматривать удельный вес электроэнергии, идущей на коммунальные расходы, в общем объеме электропотребления Дальнего Востока, то, например, за годы второй пятилетки он снизился с 18% до 6% [3, с. 63].

Итак, региональная электроэнергетика обеспечивала промышленные нужды, что, несомненно, отвечало задачам индустриализации и укрепления обороноспособности края, но при этом эти задачи выполнялись в ущерб интере-

сам населения. Жилые кварталы городов края постоянно отключались от сети, электрические лампочки в квартирах слабо светили из-за низкого напряжения, пользоваться бытовыми электронагревательными приборами строго запрещалось. «Социальный электроголод» на Дальнем Востоке стал обыденным явлением. Фабрики и заводы сверкали огнями, в то время как жилые массивы оставались «в потемках».

При этом государство ежегодно направляло немалые средства на развитие местной коммунальной электроэнергетики. Так, в 1936 г. капиталовложения выражались в сумме 297,4 тыс. руб. Эти средства направлялись на строительство, расширение и содержание электростанций, распределителей энергии и сетевого хозяйства, а также на модернизацию электрохозяйства трамвая во Владивостоке, закупку электрооборудования для водопроводов и многие другие коммунальные нужды (РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 35. Д. 168з. Л. 86).

Оборудование коммунальных электропредприятий оставалось малопродуктивным и устаревшим. В частности, на Благовещенской городской станции агрегаты немецкой фирмы «ВКЭ»², установленные в 1907, 1910 и 1913 гг., продолжали эксплуатироваться, при этом нагрузка на них из года в год увеличивалась, а реальная выработка электроэнергии падала. Такие города, как Свободный, Иман, Зея, Николаевск-на-Амуре в середине 1930-х гг. из-за износа генераторов остались практически без электроснабжения. К примеру, в 1934 г. в г. Зея взорвался старый котел на станции, на других предприятиях агрегаты, доработав до полного износа, вышли из строя (РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 35. Д. 168з. Л. 76, 82).

Ограничение потребностей горожан в электроэнергии на коммунально-бытовые нужды влияло на их повседневную и культурную жизнь, ухудшало ее качество. Обычным явлением стали жалобы населения в горисполкомы и облисполкомы о чрезвычайно плохом снабжении электроэнергией. Подобными жалобами были завалены Благовещенский горисполком и Амурский облисполком (ГАРФ. Ф. А-259. Оп. 2. Д. 469. Л. 10).

При этом выработка электроэнергии коммунальными электростанциями в регионе росла из года в год (см. табл. 2), особенно в г. Хабаровск. Из всей производимой коммунальной электроэнергии 78% приходилось на одну Хабаровскую

² «Всеобщая компания электричества» – немецкий концерн энергетического машиностроения.

**Производство электроэнергии городскими коммунальными электростанциями
Дальнего Востока в 1936-1937 гг.**

Город	Год пуска	1936 г.		1937 г.	
		Мощность, кВт	Производство, тыс. кВт*ч	Мощность, кВт	Производство, тыс. кВт*ч
1. Хабаровск	1934	6000	27205	6000	32700
2. Александровск-на-Сахалине	1925	285	762	440	1260
3. Благовещенск	1908	1900	н/с	1900	н/с
4. Николаевск-на-Амуре	1928	111	164	185	233
5. Петропавловск-Камчатский	1928	204	207	204	231
6. Биробиджан	1934	105	129	163	265
7. Свободный	1936	30	70	30	51
8. Спасск	1930	60	н/с	60	н/с
9. Иман	1933	16	н/с	16	н/с
Всего:		8711		8998	

Источники: ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 15. Д. 1735. Л. 76; РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 35. Д. 168з. Л. 76.

коммунальную станцию. Остальные станции являлись малопроизводительными. Коммунальную станцию Владивостока после модернизации перевели в ведомство Народного комиссариата тяжелой промышленности, а другие промышленные города (не учтенные в таблице) снабжались электроэнергией от ведомственных станций предприятий.

Развитие коммунальной электроэнергетики не соответствовало темпам роста городского населения Дальнего Востока. С 1926 по 1937 гг. в г. Свободном число жителей увеличилось с 10,2 тыс. до 45,8 тыс. человек, или в 4,4 раза, в Петропавловске-Камчатском с 1,7 тыс. до 18,1 тыс., или в 10 раз, в г. Николаевске на Амуре – с 7,4 тыс. до 15,2 тыс. человек, или в 2 раза. В 1937 г. на одного городского жителя в регионе в среднем вырабатывалось 45 кВт*ч, тогда как этот показатель по РСФСР достигал уже

90 кВт*ч (ГАХК. Ф. 719. Оп. 4. Д. 19. Л. 11-12; ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 15. Д. 1735. Л. 76; РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 35. Д. 168з. Л. 76).

Из всех дальневосточных городов наиболее обеспеченным электроэнергией оставался Владивосток – самый населенный дальневосточный город. Наличие двух районных электростанций (Владивостокской и Артемовской ГРЭС в 50 км от города) позволило Владивостокскому горсовету провести электрификацию городской инфраструктуры. Однако близость мощных станций никак не улучшала снабжение электроэнергией простого городского жителя. На бытовые нужды владивостокцев в 1937 г. отпускалось всего 2000 кВт, при этом число жителей составляло уже 211,4 тыс. человек, т.е. на одного жителя приходилось меньше 1 кВт электроэнергии. Во Владивостоке без электроснабжения оставались центральные улицы и целые

районы – Тигровая Падь, Орлиная гора, Саперная гора, Семеновский базар, м. Чуркина, улицы Суйфунская, Покровская, 6-я верста и др. Здесь жители домов, как и в конце XIX в., пользовались традиционными источниками света – керосиновыми лампами (РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 35. Д. 168з. Л. 60-71).

Во Владивостоке, единственном среди дальневосточных городов, основным видом городского пассажирского транспорта оставался электрический трамвай. К началу 1930-х гг. трамвайное хозяйство находилось в тяжелом состоянии. Из 30 вагонов парка 14 вагонов фирмы «ВКЭ» эксплуатировалось с 1912 г. Каждый электромотор вагонов по 25-30 раз подвергался кустарному некачественному ремонту. Заменить электрооборудование не представлялось возможным из-за нестандартности вагонов и прекращения производства комплектующих частей. Часть других вагонов, полученных в 1925 г. из г. Харькова, на 100% оказались изношенными на харьковских линиях, поэтому практически не использовались и простаивали. Только 6 вагонов из г. Москва и 5 вагонов фирмы «Шкода» находились в удовлетворительном состоянии и несли на себе всю тяжесть перевозок пассажиров. «Большие очереди на остановках, постоянное свисание пассажиров на вагонах, частые поломки, бесплановое движение, выломанные косяки дверей», – так в ноябре 1933 г. описывала состояние Владивостокского трамвая газета «Красное знамя» [10].

В 1934 г. Совнарком РСФСР принял специальное решение и выделил средства на модернизацию Владивостокского трамвая. Работы предусматривали замену всех трамвайных путей, перестройку узкоколейной дороги в 1 м на широкую стандартную колею в 1,5 м. К строительству приступили коллективы 68 предприятий города. К концу 1934 г. все путевые работы были закончены. По широкой колее пошли

новые вместительные вагоны отечественного производства, изготовленные Мытищинским вагоностроительным заводом [4, с. 132-133].

В 1935-1936 гг. городские власти приобрели новые трамвайные вагоны (15 вагонных и 10 прицепных), а к 1938 г. их общее количество выросло до 57. С 1932 по 1939 гг. число перевезенных за год пассажиров во Владивостоке увеличилось в 5 раз (см. табл. 3).

После реконструкции протяженность рельсового пути и длина кабельной сети Владивостокского трамвая составляла 22,8 км. В энергохозяйство предприятия входила собственная подстанция на 2560 кВт. За 1938 г. трамвай получал централизованно 5,244 млн. кВт*ч электроэнергии (ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 28. Д. 293. Л. 4).

Главная для Владивостока проблема водоснабжения в 1930-е гг. также решалась на основе использования электроэнергетических мощностей. В 1936 г. закончилось строительство Седанкинского водохранилища с 30-метровой плотиной, построен многокилометровый водопровод, насосная и фильтрационная станции. Мощность электрических насосов Седанкинского водопровода Наркомхоза РСФСР составляла 535 кВт (ГАПК. Ф. 34. Оп. 1. Д. 64. Л. 30). С запуском нового водопровода Владивосток смог получать до 23000 кубов чистой воды в день [4, с. 134]. Это был самый крупный и технически оснащенный городской водопровод на Дальнем Востоке.

Важным объектом электрификации коммунального хозяйства Владивостока стала городская прачечная. Стирка белья становилась механизированной и массовой. Для улучшения прачечного хозяйства городские власти приобрели 7 электрифицированных стиральных машин и 8 центрифуг. Мощность установленных моторов составляла 25 кВт. Машины позволяли производить стирку до 298 тонн белья в год (ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 28. Д. 293. Л. 10).

Таблица 3

Основные показатели работы электрического трамвая в г. Владивосток в 1932-1939 гг.

	1932 г.	1933 г.	1934 г.	1937 г.	1938 г.	1939 г.
Число трамвайных вагонов, шт.	25	31	49	53	57	57
Число перевезенных пассажиров, млн. чел. в год	10,4	15,2	13,3	36,0	45,5	50,0

Источники: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 14. Д. 91. Л. 21об.; Д. 1042. Л. 4об.; ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 28. Д. 293. Л. 4.

Владивостокский городской совет много внимания уделял благоустройству улиц, в том числе их электрическому освещению. В 1935 г. общая протяженность освещенной части владивостокских улиц составляла 16,5 км, а общее число точек освещения – 798. На смену старым электрическим фонарям пришли новые, более мощные (РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 14. Д. 91. Л. 21об.; Д. 2227. Л. 6).

Второй по численности населения дальневосточный город – Хабаровск, несмотря на пуск в 1934 г. новой мощной коммунальной электростанции, страдал от нехватки электроэнергии. Город регулярно оставался без электричества, к примеру, в 1934 г. происходили частые аварии на станции, отключение отдельных фидеров доходило до 10-12 раз в сутки, потери в сети достигали свыше 20%. Освещение в Хабаровске имело только на одной центральной улице Карла Маркса. Коммунальная электроэнергия потреблялась в основном заводами им. Молотова, Горького, Кагановича, радиостанцией Фрунзе. Главным образом лимитировалась городская сеть, до жилых домов не всегда доходило электричество необходимого напряжения. При этом численность населения города быстро росла – с 1926 по 1937 гг. в 3,2 раза (с 52 тыс. до 170,5 тыс. человек) (РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 35. Д. 168з. Л. 71, 75; ГАХК. Ф. 719. Оп. 4. Д. 19. Л. 11-12).

Хабаровскому горсовету из-за дефицита электроэнергии было крайне сложно решать вопросы с электрификацией коммунальных объектов и строительством новых. Так, проект электрического трамвая по линии Вокзал – Комсомольская площадь откладывался из года в год, необходимых резервных мощностей в 1500-2000 кВт для его реализации не было (ГАХК. Ф. Р-353. Оп. 9. Д. 53. Л. 13).

Сложная ситуация в Хабаровске сложилась с водоснабжением. Старый водопровод, пущенный в 1908 г., имел 5 генераторов на 77 кВт и 3 насоса на 42 кВт и уже не справлялся с потребностями быстрорастущего города. Насосы изнашивались, в результате чего происходили регулярные перебои с водоснабжением, в сутки подавалось не более 1920 кубов воды. В сентябре 1933 г. Хабаровский горсовет принял постановление закончить до 1 ноября текущего года прокладку новой водопроводной магистрали по ул. Ленина. Реконструкция водопровода потребовала замену оборудования на более мощные насосы и моторы. Для водопроводного хозяйства создавалось специальное предприя-

тие Горводопровод. К 1935 г. мощность нового электрооборудования коммунального предприятия составляло 426 кВт (ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 15. Д. 786. Л. 47; ГАХК. Ф. Р-690. Оп. 1. Д. 2. Л. 48). Однако расширение водопровода не ликвидировало в Хабаровске дефицита воды, которая отпускалась по талонам и графику [16, с. 322].

Несмотря на проблемы, связанные с энергообеспечением городского хозяйства, власти Хабаровска, насколько это было возможно, уделяли внимание улучшению уличного освещения. С 1937 по 1941 гг. протяженность освещенной части улиц увеличилась с 5 до 10 км, а общее число точек электрического освещения – с 75 до 185 (см. табл. 4).

Крупным промышленным городом на Дальнем Востоке стал Ворошилов (до 1935 г. Никольск-Уссурийск), население которого с 1926 по 1937 гг. выросло в 2 раза. Ситуация с электроснабжением города была крайне тяжелой. Старая городская маломощная дизельная станция вышла из строя, промышленные и социальные объекты получали ток в недостаточном количестве от временных генераторов. В 1935 г. вступила в эксплуатацию электросеть от новой ТЭЦ масложиркомбината, предельное отпускаемое количество электроэнергии городу составляло 2000 кВт, минимальное – 1000 кВт. В первый год эксплуатации ТЭЦ работала с большими трудностями, стоимость отпускаемой электроэнергии предприятием была поднята до 1 руб. 20 коп. за 1 кВт*ч, что являлось дополнительной нагрузкой для муниципального бюджета. В 1936 г. стоимость снизили до 50 коп. Город находился в полной зависимости от работы электростанции масложиркомбината (РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 35. Д. 168з. Л. 85). Предприятие само решало, когда и сколько отпускать электроэнергии, ведь на первом месте стояли производственные задачи. В этих условиях муниципальным властям рассчитывать на развитие какой-либо коммунальной инфраструктуры, кроме как уличного освещения, не приходилось.

В таком же положении, как Ворошилов, оказались и другие дальневосточные промышленные города – Сучан, Спасск и Комсомольск-на-Амуре. Коммунально-бытовые потребности населения в электроэнергии этих городов обеспечивались исключительно промышленными электростанциями, генерирующие мощности которых не были рассчитаны на рост городских нагрузок и поэтому покрывали их по минимуму.

Таблица 4

Уличное электрическое освещение в городах Дальнего Востока в 1937-1941 гг.

Город	Численность населения на 1939 г., тыс. чел.	Протяженность общей освещенной части улиц, км		Количество уличных фонарей, шт.	
		1937 г.	1941 г.	1937 г.	1941 г.
Владивосток	206,4	16,5	28,0	798	965
Хабаровск	199,2	5,0	10,0	75	185
Ворошилов	71,9	6	н/с	151	169
Комсомольск-на-Амуре	70,8	1,0	2,1	50	151
Благовещенск	58,8	3	3	16	16
Сучан	36,9	2,5	2,5	50	50
Петропавловск-Камчатский	35,3	н/с	3,1	н/с	25
Артем	34,9	н/с	3,0	н/с	25
Биробиджан	29,6	1,0	3,0	н/с	20

Источники: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 14. Д. 1042. Л. 6об., 16об., 36об., 46об., 56об., 76об., 86об.; Д. 2227. Л. 6, 19, 32, 84, 97, 110, 136; [11, с. 366].

В шахтерском городе Сучан, население которого к 1932 г. достигло 21,4 тыс. человек, все социальные задачи решала промышленная инфраструктура. В 1935 г. для ведомственной электростанции и шахт построили новый водопровод с двумя насосными станциями и 8 насосами суммарной мощностью 120 кВт. Водопровод обеспечивал также потребности населения в воде. В 1936 г. по центральной улице Ленинская, между шахтами № 2 и № 10, была проведена шахтовая электроосветительная сеть длиной в 2,5 км и установлено 50 фонарей (ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 15. Д. 786. Л. 47; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 14. Д. 2227. Л. 84).

В г. Спасск, несмотря на постройку в 1930 г. маломощной коммунальной станции, электричеством обеспечивался только рабочий поселок рядом с цементным заводом. В 1935 г. проложили городскую сеть с понизительной подстанцией от центральной электростанции (ЦЭС) цементного завода, и Спасск полностью перешел на этот источник электроснабжения. К 1938 г.

в городе появилась первая уличная электроосветительная сеть протяженностью в 4 км, ее обслуживали 26 фонарей (ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 28. Д. 293. Л. 60).

В г. Комсомольск-на-Амуре (население в 1937 г. составляло 46,4 тыс. человек) из электрифицированной инфраструктуры к 1939 г. имелось только уличное освещение на 50 фонарей. Уличное освещение также появилось в г. Александровск-на-Сахалине. Протяженность освещенной части улиц составляла 4,5 км, а количество работающих фонарей – 45. В Петропавловске-Камчатском улицы освещало 40 ламп (РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 14. Д. 91. Л. 56об., 26об., 76об.).

Самым слабо электрифицированным дальневосточным городом оставался Благовещенск (население в 1937 г. составляло 58,8 тыс. человек). Коммунальная электростанция, оборудование которой за 30 лет полностью износилось, 5/6 части всего времени просто не работала. В городе имелось всего 16 уличных фонарей,

количество которых по сравнению с дореволюционным периодом даже сократилось (ГАРФ. Ф. А-259. Оп. 2. Д. 469. Л. 10).

Такое же положение сложилось и в молодом г. Биробиджан. Примитивная коммунальная станция выдавала не более 60 кВт, падение напряжения в электрической сети протяженностью 5 км достигало такой величины, что абоненты могли пользоваться лампочками напряжением не в 220, а в 110 ватт. В Николаевске-на-Амуре работало старое дореволюционное оборудование, электрическая сеть состояла из обычной железной проволоки, не предназначенной для этого. В результате потери в сети превышали 30%, до многих абонентов электрический ток доходил с напряжением в 1 ватт. В г. Иман коммунальная станция находилась рядом с баней и работала только тогда, когда баня не топилась, так как котел, снабжающий паром паровую машину с генератором, одновременно предназначался для подогрева воды. Остальные населенные пункты и все пограничные районы Дальневосточного края продолжали жить в полумраке (РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 35. Д. 168з. Л. 76, 80, 77).

Следует отметить, что, несмотря на проблемы, связанные с электроснабжением дальневосточных городов, электрификация способствовала развитию культурной жизни региона. В рамках советской культурно-просветительской политики в 1930-е гг. проводилась электрификация культурных и информационных объектов. К 1933 г. на Дальнем Востоке действовало две радиостанции: в Хабаровске на 10 кВт и во Владивостоке на 0,7 кВт. Кроме этого, в других населенных пунктах работало 75 радиоузлов и 34,6 тыс. радиоточек. Электричество применялось в широкой сети киноустановок и на радиотрансляционных станциях. К концу 1934 г. вся городская киносеть включала 11 звуковых кинотеатров (5487 мест) и 9 немых (2630 мест). В открывшемся 1 января 1935 г. кинотеатре «Гигант» в Хабаровске зрительный зал и верхнее фойе освещались прожекторным отраженным светом [10, с. 279, 296].

В Приморском крае на 1940 г. насчитывалась 233 киноустановки, 31 тыс. радиоустановок, в том числе 11 тыс. радиоустановок в г. Владивосток. В Хабаровском крае работало 473 киноустановки, из них 331 звуковая. Благовещенск оставался не только одним из самых слабо электрифицированных, но и одним из самых слабо кинофицированных дальневосточных городов. По уровню кинофикации он в 2 раза отставал даже от шахтерского г. Сучан [10, с. 373-374].

Электричество использовалось горожанами в основном для освещения квартир и домов. Электробытовыми приборами дальневосточники пользовались крайне редко. В 1930-е гг. центральные и местные статистические органы практически не собирали сведений о количестве электрифицированных домов и квартир на Дальнем Востоке, поэтому выявить общий уровень электрификации жилищной инфраструктуры городов не удастся. В условиях форсированной индустриализации, когда статистика охватывала в первую очередь промышленные предприятия, человек и его потребности в электроэнергии оставались на последнем месте. К тому же, местные власти постоянно вводили ограничения для населения в использовании электроэнергии. Так, в январе 1939 г. Владивостокский городской совет принял специальное постановление «Об экономии электроэнергии», в котором установил норму потребления электроэнергии для жилищного сектора не выше 8 ватт на кв. м. полезной жилплощади (ГАПК. Ф. 34. Оп. 1. Д. 11. Л. 72).

В 1940 г. потребление электричества на душу городского населения по СССР в среднем превышало 100 кВт*ч в год, в то время как на Дальнем Востоке на бытовые нужды городского жителя приходилось в 2 раза меньше электроэнергии – 48 кВт*ч (ГАХК. Ф. 719. Оп. 8. Д. 93. Л. 4). Другим важным показателем уровня развития электроэнергетики является производство электроэнергии на душу населения. В СССР на 1940 г. вырабатывалось 284,1 кВт*ч, на Дальнем Востоке – в 2 раза меньше, 132,2 кВт*ч. Почти столько же электроэнергии производилось в Восточной Сибири (133,0 кВт*ч), в других регионах страны, например, в Западной Сибири – в 2 раза больше. Кроме того, на Дальнем Востоке производство электроэнергии по отдельным районам значительно различалось. Если в Приморском крае на душу населения вырабатывалось 256,8 кВт*ч, то в Хабаровском крае, в который в этот период входила большая часть территории региона, – всего 130,7 кВт*ч (РГАЭ. Ф. 4273. Оп. 41. Д. 818. Л. 62).

Городским и районным органам управления на Дальнем Востоке из-за недостаточной мощности коммунальных станций вплоть до начала 1950-х гг. постоянно приходилось откладывать решение многих вопросов благоустройства. Развитие жилищно-коммунальной инфраструктуры сдерживалось острым дефицитом электроэнергии. Только в конце 1940-х гг. правительство развернуло в регионе крупное энергетическое

строительство, которое в 1950-е – 1970-е гг. вывело региональную электроэнергетику на качественно новый уровень и позволило осуществить дальнейшую электрификацию городской инфраструктуры.

Таким образом, в 1920-е – 1930-е гг. маломощные электростанции не позволили добиться значительных успехов в электрификации городской инфраструктуры на Дальнем Востоке. Электрификация городов сдерживалась ограниченностью в финансовых и материальных ресурсах органов городского управления, слабым уровнем развития коммунальной электроэнергетики, изношенностью дореволюционного оборудования электростанций и электросетей. Коммунальная электроэнергия, предназначенная для решения социальных задач и обеспечения потребностей населения, с первых лет индустриализации стала расходоваться в основном на нужды промышленных предприятий. В результате население дальневосточного региона недополучало электроэнергию, испытывало в ней дефицит, а в вечернее и ночное время пользовалось традиционными источниками света. В сложном положении оказались те городские местности, которые полностью зависели от промышленной электроэнергии. По уровню электрификации дальневосточные муниципалитеты отставали от всех районов РСФСР. Например, в 1930-е гг. в Сибири электрические трамваи появились в пяти городах. На Дальнем Востоке только жители Владивостока могли пользоваться трамваем, современным водопроводом, прачечной, гулять в вечернее и ночное время не по одной, а по нескольким освещенным городским улицам.

В целом влияние электрификации на городскую среду оставалось слабым, но позитивные изменения происходили. В городах росло число пользователей электроэнергии, улучшалось городское уличное освещение, развивался транспорт (г. Владивосток), появились электрифицированные водопроводы, прачечные. На базе электроэнергетики происходила кинофикация и радиофикация городов. Электрическое освещение появлялось в домах, больницах и школах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белоцерковец А. Коммунальное электрическое хозяйство в Дальневосточной области // Экономическая жизнь Дальнего Востока. 1925. № 7-8. С. 104-109.
2. Борьба рабочего класса за восстановление и развитие промышленности Дальневосточной

области (1922-1925 гг.): сб. док. и материалов. Хабаровск, 1962.

3. Виленский М.А. Проблемы развития электроэнергетики Дальнего Востока. М.: Изд-во АН СССР, 1954.
4. Власов С.А. Очерки истории Владивостока. Владивосток, Дальнаука, 2010.
5. Дьяконов А.Н. Электростанции общего пользования ДВО в 1923-1924 гг. // Статистический бюллетень Дальневосточного областного статистического управления. 1925. № 7-8. С. 35-40.
6. Журавель И.А. Владивостокская электростанция и перспектива электроснабжения Южно-Приморского района // Экономическая жизнь Дальнего Востока. 1929. № 1-2. С. 32-36.
7. Итоги Всероссийской городской переписи 1923 года на Дальнем Востоке. Серия III. Данные о промышленных заведениях. Вып. 3. Хабаровск, 1925.
8. Красное знамя. 1925. 11 ноября.
9. Красное знамя. 1925. 20 сентября.
10. Красное знамя. 1933. 27 ноября.
11. Кулинич Н.Г. Повседневная культура горожан советского Дальнего Востока в 1920-е – 1930-е гг. Хабаровск, 2010.
12. Маклюков А.В. Государственная политика в сфере развития электроэнергетики на Дальнем Востоке в 1920х – 1930-х гг. // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2015. № 3. С. 46-53.
13. Петров А.А. Силовое хозяйство Дальневосточного края // Экономическая жизнь Дальнего Востока. 1927. № 5. С. 68-71.
14. Сборник постановлений и распоряжений Далькрайисполкома за 1931 г. № 12. Хабаровск, 1932.
15. Экономическая жизнь Дальнего Востока. 1928. № 4-5.
16. Ярославцева Т.А. Государственная политика по развитию жилищно-коммунального хозяйства на Дальнем Востоке России (1917-1993 гг.): дисс. ... д-ра ист. наук. М., 2014.

REFERENCES

1. Belotserkovets, A., 1925. Kommunal'noe elektricheskoe khozyaistvo v Dal'nevostochnoi oblasti [Municipal electricity in the Far Eastern region], Ekonomicheskaya zhizn' Dal'nego Vostoka, no. 7-8, pp. 104-109. (in Russ.)
2. Bor'ba rabocheho klassa za vosstanovlenie i razvitie promyshlennosti Dal'nevostochnoi oblasti (1922-1925 gg.): sb. dok. i materialov [The struggle of the working class for the restoration

and development of industry in the Soviet Far East, 1922-1925]. Khabarovsk, 1962. (in Russ.)

3. Vilenskiy, M.A., 1954. Problemy razvitiya elektroenergetiki Dal'nego Vostoka [The problems of the development of electrical power engineering in the Soviet Far East]. Moskva: Izd-vo AN SSSR. (in Russ.)

4. Vlasov, S.A., 2010. Ocherki istorii Vladivostoka [Essays on the history of Vladivostok.]. Vladivostok: Dal'nauka. (in Russ.)

5. D'yakonov, A.N., 1925. Elektrostantsii obshhego pol'zovaniya DVO v 1923-1924 gg. [General-purpose power plants of the Soviet Far Eastern in 1923-1924], Statisticheskii byulleten' Dal'nevostochnogo oblastnogo statisticheskogo upravleniya, no. 7-8, pp. 35-40. (in Russ.)

6. Zhuravel', I.A., 1929. Vladivostokskaya elektrostantsiya i perspektiva elektrosnabzheniya Yuzhno-Primorskogo raiona [Vladivostok power plant and the perspective of power supply in the South of Primorsky District], Ekonomicheskaya zhizn' Dal'nego Vostoka, no. 1-2, pp. 32-36. (in Russ.)

7. Itogi Vserossiiskoi gorodskoi perepisi 1923 goda na Dal'nem Vostoke. Seriya III. Dannye o promyshlennykh zavedeniyakh. Vyp. 3. [The results of the 1923 All-Russian urban census in the Far East. Series III. Data on industrial institutions. Issue 3]. Khabarovsk, 1925. (in Russ.)

8. Krasnoe znamya, 1925, November 11. (in Russ.)

9. Krasnoe znamya, 1925, September 20. (in Russ.)

10. Krasnoe znamya, 1933, November 27. (in Russ.)

11. Kulinich, N.G., 2010. Povsednevnyaya kul'tura gorozhan sovetskogo Dal'nego Vostoka v 1920-e – 1930-e gg. [The everyday culture of the urban citizens of the Soviet Far East, 1920s-1930s]. Khabarovsk. (in Russ.)

12. Maklyukov, A.V., 2015. Gosudarstvennaya politika v sfere razvitiya elektroenergetiki na Dal'nem Vostoke v 1920-kh – 1930-kh gg. [State policy in the field of electric power industry in the Soviet Far East, 1920s-1930s], Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoi Sibiri i na Dal'nem Vostoke, no. 3, pp. 46-53. (in Russ.)

13. Sbornik postanovlenii i rasporyazhenii Dal'kraispolkoma za 1931 g. №12 [Collection of decrees and orders of the Dalryraiskispolkom for 1931. No. 12]. Khabarovsk, 1932. (in Russ.)

14. Petrov, A.A., 1927. Silovoe khozyaistvo Dal'nevostochnogo kraya [Energy sector of the Far Eastern refion], Ekonomicheskaya zhizn' Dal'nego Vostoka, no. 5, pp. 68-71.

15. Ekonomicheskaya zhizn' Dal'nego Vostoka [Economic life of the Far East], 1928, no. 4-5. (in Russ.)

16. Yaroslavtseva, T.A., 2014. Gosudarstvennaya politika po razvitiyu zhilishchno-kommunal'nogo hozyaistva na Dal'nem Vostoke Rossii (1917-1993 gg.) [State policy in the field of housing and communal services in the Russian Far East (1917-1993)], dissertatsiya doktora istoricheskikh nauk. Moskva. (in Russ.)

Л.С. Цубикова*

УСТАВ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ АРТЕЛИ 1935 г.: СОДЕРЖАНИЕ И РЕАЛИЗАЦИЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ)

Исследуя процессы становления колхозной системы в середине 1930-х гг., автор рассматривает содержание Примерного устава сельскохозяйственной артели 1935 г. и особенности его реализации в условиях восточносибирской деревни. В статье раскрываются вопросы бригадного способа производства, перехода колхозников на сдельную оплату труда (трудодень), практики выделения приусадебных участков колхозникам, определения норм скота на каждое хозяйство и сохранения личных хозяйств для единоличников в условиях колхозной деревни.

Ключевые слова: коллективизация, Восточная Сибирь, крестьянство, колхозник, единоличник, личное подсобное хозяйство

The contents and implementation of 1935 Model charter of an agricultural artel (on East Siberian materials). LYUBOV S. TSUBIKOVA (Irkutsk National Research Technical University, Branch in Ussolje-Sibirskoe)

Focusing on the formation of the collective farm system in the mid-1930s, the author examines the content of the Model charter of an agricultural artel of 1935 and its implementation in the villages of Eastern Siberia. The article addresses such issues as brigade mode of production, the transition of collective farmers to piece-rate work plan, the practice of allocating private plots to collective farmers, defining of livestock standards for each farm and preserving of individual farms for individual farmers in a collective farm village.

Keywords: collectivization, Eastern Siberia, peasantry, collective farmer, individual farmer, personal part-time farm

Истории аграрного развития страны в 1920-х – 1930-х гг. посвящено большое количество работ. В первые годы становления историографии по коллективизации весомый вклад в нее внесли такие ученые, как М.Я. Залесский, М.А. Краев, И.Д. Лаптев, С.П. Трапезников и др. [6; 11; 12; 22]. В своих трудах, в целом выдержанных в партийно-идеологическом ключе, данные исследователи рассматривали процесс коллективизации как единственно верный и значимый для крестьянства и государства, особое внима-

ние уделялось вопросам налогообложения колхозов, организации и оплаты труда колхозников и др.

После 1960-х гг. выходит ряд исследований, в которых по-новому оцениваются некоторые события. К ним, в частности, можно отнести работы В.П. Данилова и Н.А. Ивницкого. Так, если ранее доминировала точка зрения о том, что процессы преобразования сельского хозяйства завершаются в 1934 г., то названные ученые предложили в качестве рубежа 1937 г.

* ЦУБИКОВА Любовь Сергеевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры общинженерной подготовки филиала Иркутского национального исследовательского технического университета в г. Усолье-Сибирское.

E-mail: lkor11@mail.ru

© Цубикова Л.С., 2018

[14, с. 64]. Таким образом, изменения, проводимые государством в рамках Примерного устава сельскохозяйственной артели 1935 г., стали относиться к процессам коллективизации. В.П. Данилов и Н.А. Ивницкий дали следующую оценку этому документу: «Уставом были определены основные принципы и нормы существования и развития коллективного хозяйства как социалистической формы общественного производства. Разработкой Примерного устава сельскохозяйственной артели была завершена система мероприятий партии и правительства по созданию и законодательному оформлению новых производственных отношений в деревне. С переходом колхозов на новый Устав сельскохозяйственной артели полностью сложился колхозный строй» [4, с. 59].

Общетеоретические проблемные вопросы по становлению коллективизации отражены в трудах И.Е. Зеленина, М.А. Вылцана, в работах сибирских ученых – И.С. Степичева, Н.Я. Гущина, В.А. Ильиных и др. [7; 2; 20; 3; 9; 10].

В то же время следует отметить, что большая часть исследований, особенно постсоветского времени, посвящена изучению сплошной коллективизации, процессам раскулачивания, т.е. концу 1920-х – началу 1930-х гг., и в меньшей степени – середине 1930-х гг. [1; 5; 8; 13].

Восточная Сибирь сыграла важную роль в развитии сельского хозяйства, а массивный материал местных архивных документов позволяет детальнее рассмотреть вопрос «социалистической модернизации» восточносибирской деревни 1930-х гг.

11 февраля 1935 г. Второй Всесоюзный съезд колхозников-ударников, проходивший в Москве, принял проект нового Примерного устава сельскохозяйственной артели (далее – Устав 1935 г.), текст которого был утвержден 17 февраля 1935 г. [18]. Данный документ стал преемником Примерного устава сельскохозяйственной артели 1930 г. (далее – Устав 1930 г.).

За первую половину 1930-х гг. коллективные хозяйства качественно изменились: во-первых, в рамках проводимой коллективизации и репрессивной политики против кулачества произошел рост колхозного населения; во-вторых, улучшилась оснащенность колхозов, их материальная обеспеченность (за счет обобществления имущества, раскулачивания и государственной кредитной политики), в-третьих, было произведено слияние мелких объединений в более крупные, многие из которых определились к этому времени и со своей производственной

направленностью (животноводство, растениеводство и т.д.). Все это нужно было зафиксировать и закрепить, что и сделал Устав 1935 г.

Все коллективные хозяйства должны были перейти на форму нового Устава. До 10 марта 1935 г. необходимо было обсудить его на специальных собраниях колхозников (Государственный архив новейшей истории Иркутской области, далее – ГАНИ ИО. Ф. 123. Оп. 15. Д. 277. Л. 64). Был разработан порядок его принятия. Так, согласно постановлениям Президиума Восточно-Сибирского Крайисполкома и Крайкома ВКП (б) «О мероприятиях по выработке, обсуждению и принятию колхозами своих уставов» от 11 апреля 1935 г. (ГАНИ ИО. Ф. 123. Оп. 15. Д. 281. Л. 1-2.) и «О мероприятиях по выработке, обсуждению и принятию колхозами уставов сельскохозяйственной артели по Восточно-Сибирскому краю» от 18 июня 1935 г. (ГАНИ ИО. Ф. 123. Оп. 15. Д. 272. Л. 80-80 об.), устав отдельного коллективного хозяйства должен был оформляться в районной книге регистрации уставов колхозов и заверяться подписью председателя районного исполнительного комитета и заведующего районным земельным отделом. На регистрацию отводилось пять дней. Составлялся такой устав в двух экземплярах: один зарегистрированный экземпляр выдавался правлению колхоза, а другой прикладывался к книге регистрации. Устав, не зарегистрированный районным исполнительным комитетом, передавался для внесения соответствующих поправок на вторичное рассмотрение общего собрания членов сельскохозяйственной артели, на котором представитель районного исполнительного комитета сообщал о причинах отказа в регистрации. Уставы должны были быть приняты по всем колхозам Восточно-Сибирского края к 1 июля 1935 г.

Те же документы определяли и сроки землеустроительных работ с целью закрепления земельных участков за колхозами и выдачи актов колхозам «на вечное пользование». Так, было зафиксировано, что по восточносибирским районам (без БМАССР) такие мероприятия необходимо произвести: в 1935 г. – в Балаганском, Заларинском, Зиминском, Иркутском, Куйтунском, Качугском, Нижнеудинском, Слюдянском, Тулунском, Тангуйском, Тайшетском, Усольском, Черемховском, Кировском, Быркинском, Красночуйском, Нерчинском, Оловянинском, Петро-Забайкальском, Улетовском, Чернышевском, Шилкинском, Читинском, Карымском, Борзинском, Неринско-Заводском, Усть-Карий-

ском и Каринском районах; в 1936 г. – в Акшинском, Александрово-Заводском, Газимуро-Заводском, Братском, Балейском, Сретенском, Усть-Удинском, Хилокском, Шиткинском и Шахтаминском; в 1937 г. – в северных районах: Жигаловском, Киренском, Усть-Кутском, Нижне-Илимском. При недостатке специалистов по землеустроительным работам в крае была поставлена задача организовать краткосрочные курсы и подготовить землеустроительных техников, мерщиков. Например, всего по краю, учитывая БМАССР, мерщиков должно было обучиться 3500 человек.

Согласно Уставу 1935 г., занимаемая артелью земля являлась общенародной государственной собственностью и закреплялась за сельскохозяйственной артелью (колхозом) в бессрочное пользование и не подлежала купле-продаже и сдаче в аренду. Сокращение площади земли не допускалось, наоборот, рекомендовалось увеличение площадей, что должно было происходить за счет свободных земель государственного фонда или за счет излишних земель, занимаемых единоличниками. В Восточной Сибири местными органами власти главный акцент при расширении земли делался на освоении свободных земель.

При вступлении в колхоз обобществлялись основные средства сельскохозяйственного производства: весь рабочий скот, сельскохозяйственный инвентарь (плуг, сеялка, борона, молотилка, косилка), семенные запасы, кормовые средства в размерах, необходимых для содержания обобществленного скота, хозяйственные постройки, необходимые для ведения артельного хозяйства, и все предприятия по переработке продуктов сельского хозяйства. Данное положение было зафиксировано и в предыдущем Уставе 1930 г. [17]. Также вступающие должны были внести денежный взнос в размере от 20 до 40 рублей на двор [18].

Новым уставом предусматривалось усиление мер ответственности за «бесхозяйственное и нерадивое отношение к общественному имуществу, за невыход без уважительных причин на работу, за недоброкачественную работу» и за другие нарушения трудовой дисциплины и устава. Правление колхоза могло наложить за них взыскания (переделать недоброкачественную работу без начисления трудодней, предупреждение, выговор, порицание на общем собрании, занесение на черную доску, штраф в размере до пяти трудодней, перемещение на низшую работу, временное отстранение от ра-

боты) либо исключить из колхоза, а в ряде случаев (расхищение общественной колхозной и государственной собственности, вредительское отношение к имуществу и скоту артели и машинам машинно-тракторной станции) предусматривалось судебное преследование. Причем последнее как мера наказания использовалось достаточно широко уже с момента формирования первых советских коллективных хозяйств, что не раз обращало на себя внимание центральных органов власти. С июля 1935 г. по 15 апреля 1936 г. на основании постановления ЦИК и СНК СССР «О снятии судимости с колхозников» в Восточно-Сибирском крае была снята судимость с 2539 человек [21, с. 740].

Устав 1935 г. позволял расширить статью 6 раздела IV, касающуюся деятельности артели. Крайком ВКП(б) и Восточно-Сибирский Крайисполком, учитывая особенности местных условий, рекомендовал сельскохозяйственным артелям внести ряд дополнений в уставы, в частности, предусматривались вопросы: «раннего подъема и хорошей обработки паров, а также раннего проведения зяблевой вспашки с тем, чтобы парами и зябью обеспечить всю посевную площадь зерновых и технических культур; раскорчевки и расчистки от кустарников новых земельных участков, оставление из наличных лесов, при вырубке и раскорчевке, лесозащитных полос; производства семян трав и корнеплодов и сбора семян дикорастущих трав; посева огородных культур в колхозах и у колхозников, расширения поливных огородов, развития парниковых хозяйств, а также производства огородных семян; развития охотничьих промыслов; увеличения и качественного улучшения конского поголовья и доброкачественного пополнения и выращивания высокого качества фонда лошадей РККА; постройки теплых конюшен, скотных дворов, телятников, родильных помещений, свинарников, кошар и изоляторов, а в районах зимовки на подножном корму – постройки станов с помещениями для приплода» (ГАНИ ИО. Ф. 123. Оп. 15. Д. 21. Л. 4-6).

Различные варианты организации деятельности в коллективных хозяйствах Советского Союза предыдущих лет показали, что ее осуществление в сельском хозяйстве имеет свою специфику. С точки зрения повышения ответственности работников колхоза, подконтрольности и ухода от «обезличивания» в работе наиболее эффективно показал себя бригадный способ организации труда. И если Устав 1930 г. не фиксировал конкретную форму организации

труда, то теперь это сделал Устав 1935 г. Согласно последнему, работники разбивались по полеводческим (на срок не менее полного севооборота) или животноводческим (не менее чем на трехлетний срок) производственным бригадам. За каждой из них закреплялся необходимый инвентарь, скот, постройки. Наем труда в колхозе допускался только для «лиц, обладающих специальными знаниями и подготовкой», например, агрономы, инженеры, техники и т.п. или в «исключительных случаях», когда срочные работы не могли быть выполнены в требуемый срок имеющимися силами членов артели при полной их нагрузке, а также для строительных работ.

Другое важное положение Устава 1935 г. – сдельная оплата труда колхозника, хотя ее рекомендовал и Устав 1930 г., но на содержательной части не останавливался. Заработная плата работника сельского хозяйства всегда зависела и зависит от объема и качества произведенной сельскохозяйственной продукции и сопряжена со значительными рисками природно-климатического характера. Несовпадение рабочего периода со временем производства продукции приводит к тому, что результаты потраченного труда определяются значительно позже окончания трудового процесса. Эта особенность не может не сказаться на формировании фонда оплаты труда. Практика оплаты труда колхозника 1920-х – 1930-х гг. показала, что уравнильный способ в сельском хозяйстве не уместен. Поэтому труд колхозника привязали к нормам выработки и расценки каждой работы в трудоднях, которые разрабатывались правлением артели и утверждались общим собранием колхозников, а также зависели от квалификации работника, сложности, трудности и важности работы для артели, от состояния рабочего скота, машин, почвы.

Прежде чем начислить и выплатить колхозникам средства по трудодням, организация должна была рассчитаться с государством (сдать по обязательным поставкам и по договору контрактации), с МТС (натурплата), сформировать семенной и кормовой фонды (10-15% от годовой потребности), произвести отчисления в страховой фонд, создать фонд помощи инвалидам, старикам, нетрудоспособным, нуждающимся семьям красноармейцев, сдать на содержание детских яслей и сирот (не более 2% валовой продукции), а также «выделить в размерах, определяемых общим собранием членов артели, часть продуктов для продажи государству, на рынке» [18].

Данное положение Устава в дальнейшем корректировалось. Так, с 1938 г. начисление продукции на трудодень зависело от количества отработанных дней за весь год, а не как ранее – на момент распределения (Архивный отдел Администрации муниципального района Усольского районного муниципального образования, далее – АО АМР Усольского РМО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 5. Л. 11). И если в первой половине 1930-х гг. существовали колхозы, которые работали без производственного плана, на что контролирующие органы периодически обращали внимание, делая замечания, то теперь обойтись без данного документа было невозможно. Сначала подсчитывалось количество трудодней, выработанных членами колхоза и трактористами на день распределения, потом – на основе производственного плана и данных учета его выполнения выявлялось, какие работы необходимо выполнить колхозу до конца года и сколько будет начислено трудодней за эту работу.

Сформировался механизм поощрения и наказания. Так, лучшим бригадам, получившим урожай и выход продукции выше среднего по колхозу, производилось дополнительное начисление трудодней до 15%, а бригадам, получившим урожай и выход продукции ниже колхозного – снижение трудодней до 10%. Данные итоги утверждались общим собранием. Такая практика создавала атмосферу соревновательности, стремления добиться больших результатов.

В целом изменения на селе способствовали росту доходов колхозов. Так, например, в Усольском районе в 1937 г. доходы составили 2259 тыс. руб., в 1938 г. – 3906 тыс. руб. Соответственно, увеличилась и стоимость трудодня: в колхозе «им. Чапаева» – с 2 руб. 50 коп. в 1937 г. до 6 руб. 70 коп. в 1938 г.; в колхозе «Новая Заря» – с 2 руб. 06 коп. до 4 руб. 20 коп. (АО АМР Усольского РМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 5. Л. 11об.). Конечно, такие результаты были не во всех коллективных хозяйствах, но факт их наличия заставлял другие колхозы стремиться к достижению более высоких показателей.

Помимо трудоотдачи были и другие способы увеличения трудодней. Так, согласно решению ЦК и СНК от 08 июля 1939 г., в случае продажи колхозниками коровы или нетеля по государственным закупочным ценам им помимо денежной платы начислялось от 10 до 20 трудодней (Государственный архив Иркутской области, далее – ГАИО. Ф. р-2486. Оп. 1. Д. 12. Л. 15).

Другим нововведением, появившимся в Уставе 1930 г. и оформившемся в Уставе 1935 г.,

стала возможность для колхозника иметь участок приусадебной земли. По постановлению Восточно-Сибирского Крайисполкома и Крайкома ВКП(б) по вопросу «О работе по прирезке приусадебных земель колхозным дворам в соответствии с новым уставом сельхозартели», оформленном как секретное приложение к протоколу № 79 заседания бюро Восточно-Сибирского Крайкома ВКП(б) от 26 ноября 1935 г., были определены следующие сроки: закончить подготовительную работу по выделению приусадебных участков для колхозных дворов к 15 января 1936 г., а собственно выделение участков «в натуре» – к 1 марта 1936 г. (ГАНИ ИО. Ф. 123. Оп. 15. Д. 277. Л. 213).

Подготовительные работы должны были заключаться в обмере приусадебных участков и неиспользованных приусадебных земель, находившихся в пользовании единоличников, и в составлении схематической карты по населенным пунктам, с нанесением на нее приусадебных земель. В случае нехватки земель для нарезки колхозным дворам приусадебных участков до низшего предела необходимое количество земли могло быть «прирезано» из прилегающих к усадьбам полевых или иных земель колхозов без ломки севооборота. В этих случаях колхоз был обязан дополнительно освоить в 1936 г. соответствующую площадь целины. Остающаяся после наделения колхозников часть свободной приусадебной земли в селении должна была использоваться колхозами для общественных нужд (строительство общественных зданий, посадка садов, посевов конопли и проч.), а часть земли – остаться в резерве для наделения выделяющихся дворов, приема новых членов, переселенцев и т.п.

По Уставу 1935 г., размеры приусадебной земли (земля под жилыми постройками не учитывалась) могли колебаться в среднем от 0,25 га до 0,5 га, для отдельных районов – до 1 га, их дифференциация ставилась в зависимость от областных и районных условий. В Восточной Сибири были установлены следующие предельные нормы:

а) для западных районов (Предбайкалье) – 0,25 га (Слюдянский, Иркутский, Усольский, Черемховский) и от 0,25 до 0,50 га (Зиминский, Тулунский, Братский, Жигаловский, Заларинский, Казачинско-Ленский, Качугский, Киренский, Кировский, Куйтунский, Тангуйский, Усть-Удинский, Шиткинский, Балаганский);

б) для восточных районов (Забайкалье) – 0,35 га (пригородные колхозы Читинского и

Усть-Карийского районов), от 0,35 до 0,50 га (остальные колхозы Читинского района и все колхозы Петро-Забайкальского района), от 0,50 до 0,75 га (в Балейском, Газ. Заводском, Карымском, Красно-Чкойском, Нерчинском, Нер.-Заводском, Сретенском, Улетовском, Хилокском, Чернышевском, Алек. Заводском, Шахтаминском, Кыринском, Шилкинском районах) и до 1 га (в Акшинском, Борзинском, Оловянинском, Быркинском районах) (ГАНИ ИО. Ф. 123. Оп. 15. Д. 281. Л. 1-2).

Позднее, в июне, эти нормы были пересмотрены и немного увеличены. Так, было рекомендовано установить размер приусадебной земли в районах: Иркутском, Нижне-Илимском, Усть-Кутском, Киренском, Черемховском, Тайшетском, Усть-Карийском, Сретенском, Читинском (в 25 километровой зоне), Красночуйском, Шахтоминском, Балейском и Петрово-Забайкальском – от 0,6 до 1 га, в остальных районах – от 0,80 до 1 га. Документ предупреждал, что все фактические изменения должны быть произведены осенью 1935 г., т.е. по окончании сельскохозяйственных работ (ГАНИ ИО. Ф. 123. Оп. 15. Д. 277. Л. 80-80об.).

Устав 1935 г. в отличие от предыдущего документа расширил личные нормы содержания скота, что было очень важно для крестьянина. Власти подошли к этому вопросу дифференцировано, учитывая природно-климатические условия развития животноводства и земледелия. Всего было выделено четыре группы районов:

1-я группа – зерновые, хлопковые, свекловичные, льняные, конопляные, картофельные, овощные, чайные и табачные районы;

2-я группа – земледельческие районы с развитым животноводством;

3-я группа – районы кочевого и полукочевого животноводства, где земледелие имеет небольшое значение;

4-я группа – районы кочевого животноводства, где земледелие «почти не имеет никакого значения».

Для Восточной Сибири были определены вторая, третья и четвертая группы (ГАНИ ИО. Ф. 123. Оп. 1. Д. 277. Л. 80об.-81).

Колхозники второй группы районов могли иметь в личном пользовании 2-3 коровы, молодняк, от 2-х до 3-х свиноматок с приплодом, от 20 до 25 овец и коз, неограниченное количество птицы и кроликов и до 20 ульев. Например, районы: Акшинский, Александровско-Заводский, Балаганский, Балийский, Братский, Борзинский, Быркинский, Газимуро-Заводский,

Нижне-Илимский, Слюдянский, Сретенский, Тайшетский, Тулунский, Усольский, Черемховский, Читинский и др. Колхозники третьей группы районов могли иметь в личном пользовании от 4 до 5 коров, молодняк, от 30 до 40 овец и коз, от 2-х до 3-х свиноматок с приплодом, неограниченное количество птицы и кроликов, до 20 ульев, а также по одной лошади или по одной кумысной кобылице (Бодайбинский и Катангский районы, Тофаларский национальный совет, Витимо-Олекминский округ). Четвертая группа – от 8 до 10 коров, молодняк, 100-150 овец и коз вместе, неограниченное количество птицы, до 10 лошадей и от 5 до 8 верблюдов (большинство аймаков БМАССР). Для ряда дворов отдельных колхозов Витимо-Олекминского округа, Катангского и Бодайбинского районов, Тофаларского национального совета и части аймаков БМАССР разрешалось иметь в личном пользовании до 150 важенок, молодняк оленей в неограниченном количестве и до 50 взрослых оленей.

Приусадебные участки сыграли определенную роль в экономике страны, т.к. колхозники обязаны были выполнять нормы сдачи сельскохозяйственных продуктов, уплачивать сельхозналог. В то же время, наличие приусадебного участка стало «подушкой безопасности» как для самого крестьянина, так и для государства, т.к., переведя крестьян на сдельную оплату труда и привязав их к годовому урожаю, власть, с одной стороны, обезопасила себя от повторений «голодных лет» начала 1930-х гг., с другой – реализовала мечту крестьянина-хозяйственника – дала землю (пусть не в собственность, но, по сути, в «пожизненное» пользование), тем самым привязала крестьянина к селу и приостановила миграционные потоки, возникшие в результате коллективизации и индустриализации.

Другой важный момент, вытекающий из положений Устава 1935 г., – это попытка в очередной раз продемонстрировать преимущественное положение колхозника над единоличником. Несмотря на то, что еще в 1933 г. было объявлено о полной победе коллективизации в Восточной Сибири (в июле 1935 г. ее показатели по Восточно-Сибирскому краю составили 85,6%, по Красноярскому краю – 88,0% [19, с. 1358], (ГАНИ ИО. Ф. 123. Оп. 15. Д. 277. Л. 178)), значительная прослойка единоличников – крестьян, не желающих вступать в колхозы или не могущих это сделать (например, бывшие крестьяне-кулаки, лишенные избирательных прав и др.), все еще существовала. Документы по

отдельным районам Восточно-Сибирского края свидетельствуют об их существенном количестве. В акте о передаче Кировскому району восьми сельсоветов Усольского в начале 1935 г. приводится следующая статистика: на данной территории имеется 18 колхозов с 951 хозяйством и 428 единоличных хозяйств. Таким образом, единоличников оказалось 31% (АО АМР Усольского РМО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 5. Л. 5).

Хотя, необходимо отметить, что Устав 1935 г. по сравнению со своим предшественником смягчал условия вступления в колхоз для отдельных граждан. В частности, как исключение, разрешалось вступление в него «детей лишенцев, которые в течение ряда лет занимались общественно полезным трудом и добросовестно работали» и «бывших кулаков и членов их семейств, которые, будучи высланы за противосоветские и противоколхозные выступления, и в местах новых поселений в течение трех лет своей честной работой и поддержкой мероприятий Советской власти показали, что они исправились» [18].

Ставя задачу тотальной коллективизации деревни и создавая для этого условия, в том числе через Устав 1935 г., советская власть еще раз подчеркивала, что в преимущественном положении будут находиться колхозники, в отличие от единоличников. Так, например, решая вопрос обеспечения землей колхозов, предполагалась в том числе отрезка «лишних» земель (до 10%), занимаемых единоличниками. А последним предлагалось, по тому же Уставу 1935 г., отводить полевые участки, расположенные за массивами земель колхоза, в концах полей севооборота, даже если эти земли были не лучшего качества. Размер приусадебной земли единоличных хозяйств не должен был превышать размера земли колхозника в соответствующем районе.

С целью привлечения единоличника в колхоз было разработано постановление СНК СССР № 373 от 19 августа 1935 г. «О льготах единоличникам, вступающим в колхоз и продающим корову колхозной ферме», они при вступлении в колхоз и продаже коровы или нетеля колхозной товарной ферме по государственной цене освобождались на два года от обязательной поставки государству молока и мяса. Таким образом, документ имел целью подтолкнуть единоличников к вступлению в колхозы. Аналогичные льготы распространялись и на колхозников, которые вырастили в своем хозяйстве корову или нетеля и сдали государству по закупочной цене (ГАИО. Ф. р-600. Оп. 1. Д. 1329. Л. 92об.-93).

Другие документы также свидетельствуют о более лояльной политике государства в отношении колхозника в сравнении с единоличником. В частности, это проявлялось, например, в нормах сдачи государству картофеля: у колхозников они составили в Восточно-Сибирском крае в 1935 г. от 1,6 до 12 центнеров с одного гектара в зависимости от сельсовета, у единоличных хозяйств – от 2 до 20 центнеров, а для кулацких хозяйств норма сдачи картофеля увеличивалась на 30% по сравнению с единоличниками (ГАНИ ИО. Ф. 123. Оп. 15. Д. 277, Л. 86-86об.). То же касается и нормы помола на мельницах в 1935 г.: для единоличных хозяйств – 30 фунтов на одного едока в месяц до выполнения единоличным хозяйством установленного для него обязательства по сдаче зерна государству, а для колхозников и колхозных хозяйств никаких ограничений не было (ГАИО. Ф. р-600. Оп. 1. Д. 1329. Л. 92об.-93). Хотя, нужно отметить, такие «перевесы» были не во всем. Так, например, Заларинский райисполком в 1939 г. на основании постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 15 мая 1937 г. освободил от уплаты сельского культсбора хозяйства престарелых – не только колхозников, но и единоличников, не имеющих в своем хозяйстве трудоспособных членов семьи (ГАИО. Ф. р-2486. Оп. 1. Д. 1. Л. 68).

Таким образом, Устав сельскохозяйственной артели 1935 г. закрепил преобразования, совершенные советской властью на селе за предыдущие годы, детализировал ряд положений Устава 1930 г. и подчеркнул, что единственной формой хозяйствования на селе, интересной государству, и в дальнейшем будет коллективное хозяйство. Колхоз как социальный институт приобрел черты «гибкой» системы, позволяющей людям получать образование, профессию, иметь социальные гарантии, возможность занимать руководящие должности, низкий, но относительно стабильный доход. При этом меры, используемые государством для расширения сети колхозов, являлись практически безальтернативными для единоличника и подталкивали его к вступлению в коллективное хозяйство.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вербицкая О.М. Социальные последствия советской мобилизационной экономики 1930-х гг. // Труды института Российской истории РАН. 2013. № 11. С. 185-205.
2. Вылцан М.А. Завершающий этап создания колхозного строя. М.: Наука, 1978.
3. Гуцин Н.Я. Сибирская деревня на пути к социализму (Социально-экономическое развитие сибирской деревни в годы социалистической реконструкции народного хозяйства. 1926-1937 гг.). Новосибирск: Наука, 1973.
4. Данилов В.П., Ивницкий Н.А. Ленинский кооперативный план и его осуществление в СССР // Очерки Истории коллективизации сельского хозяйства в союзных республиках. М.: Госполитиздат, 1963. С. 3-69.
5. Есиков С.А. Коллективизация сельского хозяйства как средство модернизации // Гуманитарные науки в Сибири. 2013. № 4. С. 21-27.
6. Залесский М.Я. Налоговая политика Советского государства в деревне. М.: Госфиниздат, 1940.
7. Зеленин И.Е. Зерновые совхозы СССР (1933-1941 гг.). М.: Наука, 1966.
8. Зеленин И.Е. Сталинская «революция сверху» после «великого перелома». 1930-1939. Политика, осуществление, результаты. М.: Наука, 2006.
9. Ильиных В.А. Коллективизация деревни: проекты и реальность // Гуманитарные науки в Сибири. 2013. № 4. С. 27-33.
10. Ильиных В.А. Личное хозяйство колхозников в 1930-е – конце 1950-х гг. // Очерки истории крестьянского двора и семьи в Западной Сибири. Конец 1920-х – 1950-х гг. Новосибирск: Изд-во ИДМИ, 2001. С. 53-79.
11. Краев М.А. Победа колхозного строя в СССР. М.: Госполитиздат, 1954.
12. Лаптев И. Д. Советское крестьянство. М.: Сельхозгиз, 1939.
13. Макарецев А.А. Обсуждение и принятие Примерного устава сельскохозяйственной артели 1935 г. (на материалах Западно-Сибирского края) // Вестник Белгородского университета потребительской кооперации. 2006. № 5. С. 114-117.
14. Мельникова Т.А. Историография аграрной политики СССР 30-х гг. // Историческая и социально-образовательная мысль. 2009. № 2. С. 61-70.
15. Мотревич В.П. Организация труда в колхозах на Урале в 1930-е гг. // Аграрный вестник Урала. 2014. № 7. С. 63-65.
16. Никифоров С.Л. Примерный устав сельхозартели (1935 г.) и крестьяне Псковского округа // Псков. Научно-практический, историко-краеведческий журнал. 2010. № 32. С. 198-203.
17. Примерный устав сельскохозяйственной артели: Постановление ЦИК и СНК СССР от

01.03.1930 // Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства СССР. 1930. № 24. Ст. 255.

18. Примерный устав сельскохозяйственной артели: Постановление СНК СССР, ЦК ВКП (б) от 17.02.1935 // Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства СССР. 1935. № 11. Ст. 82.

19. Сельское хозяйство СССР. Ежегодник 1935 г. М.: Сельхозгиз, 1935.

20. Степичев И.С. Победа ленинского кооперативного плана в Восточно-Сибирской деревне. Иркутск: Вост.-Сиб. книжное издательство, 1966.

21. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927-1939. Документы и материалы: в 5 т. / под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. Т. 4. М.: РОССПЭН, 2002.

22. Трапезников С.П. Борьба партии большевиков за коллективизацию сельского хозяйства в годы первой сталинской пятилетки. М.: Госполитиздат, 1951.

REFERENCES

1. Verbitskaya, O.M., 2013. Sotsial'nye posledstviya sovetskoj mobilizatsionnoy ekonomiki 1930-kh godov [Social consequences of the Soviet mobilization economy of the 1930s], Trudy instituta Rossiiskoi istorii RAN, no. 11, pp. 185-205. (in Russ.)

2. Vyltsan, M.A., 1978. Zavershayushchiy etap sozdaniya kolkhoznogo stroya [Final stage of establishing the collective-farm system]. Moskva: Nauka. (in Russ.)

3. Gushchin, N.Ya., 1973. Sibirskaya derevnya na puti k sotsializmu (Sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie sibirskoy derevni v gody sotsialisticheskoy rekonstruktsii narodnogo khozyaystva. 1926-1937 gg.) [Siberian village on the way to socialism (Social and economic development of Siberian villages in the years of the socialist reconstruction of national economy, 1926-1937)]. Novosibirsk: Nauka. (in Russ.)

4. Danilov, V.P. and Ivnitkiy, N.A., 1963. Leninskiy kooperativnyi plan i ego osushchestvlenie v SSSR [Lenin's cooperative plan and its implementation in the USSR]. In: Ocherki Istorii kollektivizatsii selskogo khozyaystva v soyuznykh respublikakh. Moskva: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury, pp. 3-69. (in Russ.)

5. Esikov, S.A., 2013. Kollektivizatsiya sel'skogo hozyaystva kak sredstvo modernizatsii [Agriculture collectivization as a means of

modernization], Gumanitarnye nauki v Sibiri, no. 4, pp. 21-27. (in Russ.)

6. Zalesskiy, M.Ya., 1940. Nalogovaya politika Sovetskogo gosudarstva v derevne [Tax policy of the Soviet state in the village]. Moskva: Gosudarstvennoe finansovoe izdatel'stvo. (in Russ.)

7. Zelenin, I.E., 1966. Zernovye sovkhozy SSSR (1933-1941 gg.) [Grain state farms of the USSR, 1933-1941]. Moskva: Nauka. (in Russ.)

8. Zelenin, I.E., 2006. Stalinskaya «revolyutsiya sverkhu» posle «velikogo pereloma». 1930-1939. Politika, osushchestvlenie, resul'taty [Stalin's «revolution from above» after «the great turn», 1930-1939. Policy, implementation, results]. Moskva: Nauka. (in Russ.)

9. Il'nykh, V.A., 2013. Kollektivizatsiya derevni: proekty i real'nost' [Village collectivization: projects and reality], Gumanitarnye nauki v Sibiri, no. 4, pp. 27-33. (in Russ.)

10. Il'nykh, V.A., 2001. Lichnoe hozyaystvo kolkhoznikov v 1930-e – kontse 1950-kh gg. [Personal part-time farm of collective farmers, 1930s – the end of 1950s]. In: Ocherki istorii krest'yanskogo dvora i sem'i v Zapadnoi Sibiri. Konets 1920-kh – 1950-kh gg. Novosibirsk: Izdatel'stvo IDMI, pp. 53-79. (in Russ.)

11. Kraev, M.A., 1954. Pobeda kolkhoznogo stroya v SSSR [The victory of the collective-farm system in the USSR]. Moskva: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy iteratury. (in Russ.)

12. Laptev, I.D., 1939. Sovetskoe krestyanstvo [The Soviet peasantry]. Moskva: Gosudarstvennoye izdatel'stvo selskokhozyaystvennoy literatury. (in Russ.)

13. Makartsev, A.A., 2006. Obsuzhdenie i prinyatie Primernogo ustava sel'skokhozyaystvennoi arteli 1935 g. (na materialakh Zapadno-Sibirskogo kraya) [Discussion and adoption of the Model charter of an agricultural artel of 1935 (on the materials of Western Siberia)], Vestnik Belgorodskogo universiteta potrebitel'skoi kooperatsii, no. 5, pp. 114-117. (in Russ.)

14. Mel'nikova, T.A., 2009. Istorioografiya agrarnoi politiki SSSR 30-kh gg. [Historiography of agrarian policy of the USSR of the 1930s], Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl', no. 2, pp. 61-71. (in Russ.)

15. Motrevich, V.P., 2014. Organizatsiya truda v kolkhozakh na Urале v 1930-e gg. [Labour management in the collective farms in the Urals in the 1930s], Agarniy vestnik Urala, no. 7, pp. 63-65. (in Russ.)

16. Nikiforov, S.L., 2010. Primerniy ustav sel'khozarteli (1935 g.) i krest'yane Pskovskogo okruga [The 1935 Model charter of an agricultural

artel and the peasants of Pskov district], Nauchno-prakticheskii, istoriko-kraevedcheskii zhurnal, no. 32, pp. 198-203. (in Russ.)

17. Primerniy ustav sel'skokhozyaistvennoi arteli: Postanovlenie TsIK i SNK SSSR ot 01.03.1930 [The model charter of an agricultural artel], Sobranie zakonov SSSR, 1930, no. 24, St. 255. (in Russ.)

18. Primerniy ustav sel'skokhozyaistvennoi arteli: Postanovlenie SNK SSSR, TsKVKP(b) ot 17.02.1935 [The model charter of an agricultural artel], Sobranie zakonov SSSR, 1935, no. 11, St. 82. (in Russ.)

19. Sel'skoe hozyaistvo SSSR. Ezhegodnik 1935 g. [Agriculture of the USSR. Yearbook of 1935]. Moskva: Sel'khozgiz, 1935. (in Russ.)

20. Stepichev, I.S., 1966. Pobeda leninskogo kooperativnogo plana v Vostochno-Sibirskoy

derevne [The victory of the Lenin's cooperative plan in East Siberian villages]. Irkutsk: Vostochno-Sibirskoye knizhnoye izdatelstvo. (in Russ.)

21. Danilov, V., Manning, R. and Violy, L. eds., 2002. Tragediya sovetskoi derevni. Kollektivizatsiya i raskulachivanie. 1927-1939. Dokumenty i materialy: v 5 t. [The tragedy of the Soviet village. Collectivization and dispossession of kulaks. 1927-1939. Documents and materials: in 5 vol.]. T. 4. Moskva: ROSSPEN. (in Russ.)

22. Trapeznikov, S.P., 1951. Bor'ba partii bolshevikov za kollektivizatsiyu selskogo khozyaistva v gody pervoy stalinskoy pyatiletki [The fight of Bolshevik party for collectivization during the first five-year plan]. Moskva: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury. (in Russ.)

К 300-ЛЕТИЮ РОССИЙСКОЙ ПОЛИЦИИ

УДК 94:351.74(571.63)«1917/1922»

DOI dx.doi.org/10.24866/1997-2857/2018-2/122-134

В.А. Черномаз*

СТАНОВЛЕНИЕ МИЛИЦИИ ПРИМОРЬЯ (1917-1922 гг.)

В статье рассматриваются особенности становления и развития органов милиции на территории нынешнего Приморского края в период революции и Гражданской войны (1917-1922 гг.), анализируются изменения организационной структуры органов милиции, правовые основы и условия их деятельности, особенности кадровой политики. Автор делает вывод о том, что в указанный период в крае фактически продолжали действовать милицейские учреждения, сохранявшие преемственность с народной милицией, учрежденной Временным правительством.

Ключевые слова: полиция, милиция, Дальний Восток, Приморье, революция, гражданская война, организационная структура

The formation of militia in Primorye, 1917-1922. VYACHESLAV A. CHERNOMAZ (Admiral Nevelskoy Maritime State University)

The article examines the specifics of the formation and development of militia in Primorye during the years of Revolution and Civil War (1917-1922), when the region was in fact cut off from the main part of the country and the local authorities were forced to independently determine the most acceptable forms of militia's organizational structure, legal framework and operational methods. The author notes that the extremely difficult economic situation of the region, caused by the Civil War, seriously affected the financial situation of militia officers and the effectiveness of their activities.

Keywords: police, militia, Russian Far East, Primorye, revolution, Russian Civil War, organizational structure

На 2017-2018 гг. приходятся важные юбилейные даты в истории российских органов внутренних дел. В 2017 г. отмечалось 100-летие создания российской милиции, а в 2018 г. исполняется 300 лет российской полиции. Эти годы являются юбилейными и для истории органов внутренних дел Приморья, поскольку в 1917-1918 гг. на территории нашего края шло становление новых органов обеспечения общественного порядка и борьбы с преступностью, которые вошли в историю под названием «милиция». При этом хоте-

лось бы обратить особое внимание на то, что отмечавшееся в прошлом году столетие российской милиции связывалось с созданием рабочей милиции, которая была учреждена постановлением Народного комиссариата внутренних дел РСФСР от 10 ноября 1917 г. Соответственно, игнорировался тот факт, что собственно российская милиция появилась практически на восемь месяцев раньше – еще в марте 1917 г.

Отправной точкой истории российской милиции можно считать 3 марта 1917 г., когда

* ЧЕРНОМАЗ Вячеслав Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, политологии и государственно-правовых дисциплин Морского государственного университета им. адмирала Г.И. Невельского.

E-mail: vaka69@mail.ru

© Черномаз В.А., 2018

Временное правительство заявило о замене полиции народной милицией. Правовой основой деятельности новой народной милиции стало постановление Временного правительства «Об учреждении милиции» и «Временное положение о милиции», принятые 17 (30) апреля 1917 г. Таким образом, народная милиция, созданная Временным правительством, при всех ее недостатках, стала первым легитимным регулярным органом по поддержанию правопорядка, который появился в условиях революции. Рабочая милиция, появившаяся в ноябре 1917 г., на начальном этапе своего существования вообще представляла собой по сути самостоятельные общественные формирования по поддержанию общественного порядка, которые не имели ни постоянного штата, ни четкой организационной структуры, ни соответствующей нормативно-правовой базы.

В Приморье, в силу особенностей политической ситуации, на протяжении практически шести лет (1917-1922 гг.) продолжали действовать милицеские учреждения, сохранявшие преемственность с той самой народной милицией Временного правительства. Советская же система органов внутренних дел по большому счету начинает формироваться здесь лишь в самом конце 1922 г., после ликвидации ДВР и включения Дальнего Востока в состав РСФСР. Соответственно, в данной статье нам хотелось бы рассмотреть особенности становления и развития органов милиции на территории нынешнего Приморья в условиях революции 1917 г. и последовавшей за ней Гражданской войны 1918-1922 гг., в период, когда эти процессы протекали наиболее самобытно.

Специфика была характерна уже для этапа возникновения милиции в Приморье. Так, если в столицах, Москве и Петрограде, полиция была ликвидирована уже в ходе революционных событий конца февраля – начала марта 1917 г., то во Владивостоке местная полиция (Владивостокское городское полицейское управление) продолжала выполнять свои непосредственные обязанности до середины марта 1917 г. Последний приказ по владивостокской городской полиции датируется 8 марта 1917 г. Следующий приказ от 9 марта 1917 г. был издан уже по Владивостокской городской милиции. При этом личный состав ее еще составляли прежние чины владивостокской полиции. В этот день, 9 марта, под председательством заместителя полицмейстера П.П. Крамарчука состоялось общее собрание чинов милиции, которое, об-

судив вопросы текущего момента, выразило свою солидарность с мероприятиями Комитета общественной безопасности, учрежденного во Владивостоке в качестве чрезвычайного органа революционной власти. Владивостокские полицейские в вынесенной на собрании резолюции заявили о том, что они единогласно присоединятся «к новому правительству в лице КОБ в г. Владивостоке всем своим составом в деле общей работы по охране общественного спокойствия и порядка» и предоставляют себя в его полное распоряжение (Российский государственный исторический архив Дальнего Востока, далее – РГИА ДВ. Ф. 515. Оп. 1. Д. 130. Л. 58об.).

Собранием также была направлена телеграмма министру внутренних дел князю Львову, в которой говорилось: «Чины бывшей полиции, ныне милиции, присоединившись полным своим составом в распоряжение Исполнительного комитета, приветствуем в лице Вашего сиятельства Новое правительство и освобожденную Великую Россию, повергая пред Вами нашу единодушную готовность положить все силы на дело служения Нашей Великой Свободной Родине» (РГИА ДВ. Ф. 515. Оп. 1. Д. 130. Л. 58об.). В упомянутом приказе от 9 марта 1917 г. и.о. полицмейстера Г. Петров призвал всех чинов городской милиции «к дружной и плодотворной работе на пользу и процветание Свободной Дорогой Родины, памятуя, что мы все граждане Свободной России, а потому должны свято охранять жизнь и имущество граждан» (РГИА ДВ. Ф. 515. Оп. 1. Д. 130. Л. 58об.).

Однако, несмотря на все заверения в лояльности новой власти, вскоре полицейские учреждения Приморской области были упразднены и заменены соответственно городскими и уездными управлениями милиции. Так, 15 марта 1917 г. Владивостокская городская управа, «в интересах спокойствия населения города», просила местный Комитет общественной безопасности «безотлагательно принять меры для немедленной реорганизации существующей в городе полиции на началах, указанных Временным правительством» (РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 975. Л. 22). В результате, 19 марта 1917 г. во все полицейские участки города Комитетом общественной безопасности была введена милиция, личный состав которой был укомплектован военными служащими местного гарнизона, временно откомандированными для исполнения милицеских обязанностей. Первым начальником Владивостокской городской

милиции стал член исполкома Владивостокского Совета штабс-капитан флота П.И. Калинин, пользовавшийся авторитетом среди военных моряков [1, с. 9].

Аналогичным образом – из военнослужащих местного гарнизона была сформирована милиция и в г. Никольске-Уссурийском, обязанности ее начальника первоначально исполнял Грозин, а 17 апреля на эту должность был избран полковник Чингалов [32]. Кроме двух управлений городской милиции, на территории нынешнего Приморского края были образованы также Управление Ольгинской, Никольск-Уссурийской (начальник – В.А. Веденский) и Иманской уездных милиций. Жандармерия на Уссурийской железной дороге к 10 апреля 1917 г. была заменена на железнодорожную милицию, первым начальником которой был полковник Егоров, а затем штабс-капитан Манасеин [32; 33].

Структура создававшейся милиции в основном соответствовала структуре существовавших до этого полицейских учреждений. Так, в состав Владивостокской городской милиции (ВГМ) входили Управление и пять милицеских участков (1-й, 2-й, 3-й, 4-й и Портовый), а также адресный стол и уголовно-розыскное отделение. Штат организованной во Владивостоке в марте 1917 г. городской милиции включал начальника милиции, двух его помощников, 5 начальников участков с четырьмя помощниками, бухгалтера, 40 старших и 400 младших милиционеров (РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 975. Л. 66). Таким образом, число старших (офицерских) чинов Владивостокской городской милиции не изменилось и соответствовало особым штатам Владивостокской городской полиции от 1910 г. Штатная же численность рядовых милиционеров, по сравнению с численностью нижних чинов городской полиции (214 чел.), значительно увеличилась – практически в два раза (до 440 чел.), что, по-видимому, определялось необходимостью усиления охраны правопорядка в связи с существенным ростом уголовной преступности в данный период.

Поскольку формирование милиции из военнослужащих изначально должно было носить временный характер и распространяться на ограниченный переходный период, в начале октября 1917 г. командующим Приамурским военным округом был издан приказ, в соответствии с которым все воинские чины, исполняющие милицеские обязанности, должны были быть к 1 ноября 1917 г. отозваны из милиции в свои части. Но, в связи с тем, что в городе отсутство-

вали подготовленные кадры, которые бы могли заменить в милиции военнослужащих, осуществить переход к вольнонаемной милиции в такой короткий срок было невозможно. Поэтому начальник Владивостокской городской милиции капитан П.И. Калинин 13 октября 1917 г. обратился в горуправу с ходатайством об отсрочке отзыва военнослужащих из милиции хотя бы до 1 января 1918 г., надеясь, что к этому сроку удастся подготовить соответствующий личный состав на специальных курсах, организованных при местном обществе спорта (РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 975. Л. 53).

С начала 1918 г. милиция во Владивостоке все-таки была передана в ведение города, причем до конца января обязанности милиционеров по-прежнему исполнялись чинами Владивостокского гарнизона, а с 1 февраля 1918 г. их заменили вольнонаемные милиционеры. Первым начальником вольнонаемной владивостокской милиции стал Л.Н. Харитонов (РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 808. Л. 29). Таким образом, большевистский переворот в Петрограде 25 октября (7 ноября) 1917 г. и, соответственно, издание советским правительством постановления «О рабочей милиции» от 10 ноября 1917 г. непосредственно не отразились на судьбе приморской милиции (см.: [34, с. 59]). В отличие от центральной части страны, здесь по-прежнему продолжала действовать народная милиция, созданная в марте 1917 г. Если в Благовещенске и Хабаровске борьба большевиков за установление контроля над милицией закончилась успехом уже в марте 1918 г., когда там была установлена советская власть и созданы первые формирования советской милиции, то во Владивостоке этот процесс происходил сложнее и оказался более растянутым по времени. Так, только после убийства преступниками 26 марта 1918 г. начальника Владивостокского уголовно-розыскного отделения В. Пацановского этот пост занял большевик Л. Проминский [30], а Л. Харитонova на посту начальника городской милиции вскоре сменил большевик Д. Мельников.

6 апреля 1918 г. в связи с началом военной интервенции состоялось экстренное заседание Владивостокского Совета, на котором в числе самых неотложных был поставлен вопрос о передаче милиции Советам. 10 апреля 1918 г., в связи с объявлением в Сибири и на Дальнем Востоке военного положения, вопрос о переходе милиции к Совету был поставлен снова, но органы самоуправления в лице гордумы и гору-

правы всячески препятствовали этому, считая себя единственным законным органом власти в городе [1, с. 19].

Окончательное подчинение владивостокской милиции местному Совету произошло только в начале мая 1918 г. В соответствии с приказом Исполкома Владивостокского Совета № 19 от 8 мая 1918 г., при комиссариате внутренних дел городского Совета был создан отдел охраны города, которому передавались в подчинение все органы внутренних дел, существовавшие во Владивостоке к тому времени – Управление Владивостокской городской милиции, уголовно-розыскное отделение (располагавшееся ранее в здании Гарнизонного собрания, а затем в 1918 г. переместившееся в здание по ул. Пушкинской 21), летучий отряд по борьбе с пьянством (созданный для борьбы с контрабандой спиртного и обеспечения действия «сухого закона») и адресный стол, находившиеся ранее в ведении городского самоуправления в лице городской думы и управы (РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 808. Л. 148).

Однако первый период существования советской милиции в Приморье оказался весьма непродолжительным. Уже 29 июня 1918 г. во Владивостоке произошел антибольшевистский переворот, в ходе которого советская власть в городе была свергнута. К сентябрю 1918 г., в результате разразившейся Гражданской войны, советская власть была ликвидирована практически на всей территории Дальнего Востока и Сибири от Урала до Тихого океана. Вся полнота власти здесь перешла в руки Временного сибирского правительства (ВСП).

17 сентября 1918 г. Административным Советом Временного сибирского правительства было принято постановление, которое отменяло на территории Сибири и Дальнего Востока действие Временного положения о милиции от 17 апреля 1917 г. и вводило в действие Временное положение о сибирской милиции [31], в соответствии с которым вся милиция изымалась из ведения городских и земских самоуправлений и передавалась в ведение Департамента милиции Министерства внутренних дел ВСП. Законодательно сибирская милиция определялась как исполнительный орган власти Сибирского временного правительства на местах, находящийся в ведомстве Министерства внутренних дел.

В соответствии с данным постановлением, приказом комиссара Приморской области от 12 октября 1918 г. Владивостокская городская милиция с 15 октября передавалась в ведение

Министерства внутренних дел Временного сибирского правительства. Штат владивостокской милиции был в этот период увеличен более чем на 200 единиц и составлял 622 чел., в том числе 30 чел. составлял штат собственно Управления ВГМ, при котором существовала отдельная милицейская команда (23 чел.). В состав городской милиции входило 6 милицейских участков или частей – 4 собственно в городе (со штатной численностью каждого от 78 до 104 чел.), а также – Портовый (на территории порта – со штатом 127 чел.) и Океанский (в пригороде, 35 чел.). В штате местного уголовно-розыскного отделения насчитывалось 32 человека, в том числе 8 милиционеров во главе с заведующим команды и 8 агентов розыска. Впоследствии, в августе 1919 г., во Владивостоке была создана конная команда милиции в составе 54 человек. (РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 808. Л. 42, 108, 117).

В ноябре 1918 г. военный министр Временного сибирского правительства адмирал А.В. Колчак произвел переворот и провозгласил себя Верховным правителем России. Существенных изменений в структуре и функциях милиции со сменой режима не произошло. Фактически в указанный период продолжало действовать Временное положение о сибирской милиции, дополненное Положением «Об устройстве городской и уездной милиции» 16 мая 1919 г., которое более точно определяло структуру и штатную численность милиции [28, с. 106]. В кадровой же политике с приходом к власти Колчака предпочтение начинает отдаваться бывшим полицейским, как профессионалам своего дела [29, с. 50].

После свержения во Владивостоке 31 января 1920 г. колчаковской власти в лице генерала Розанова было сформировано коалиционное Временное правительство Приморской областной земской управы. Его постановлением за № 1 от 12 февраля 1920 г. среди прочих ведомств учреждалось и Управление внутренними делами (УВД), которое возглавил член Приморской областной земской управы П.П. Попов, занимавший этот пост до мая 1920 г. Впоследствии УВД Приморской областной земской управы возглавляли: А.Н. Кругликов (май-август 1920 г.), В.Я. Гуревич (август-декабрь 1920 г.) и А.С. Леонов (декабрь 1920 г.). В соответствии с утвержденными приказом от 22 апреля 1920 г. штатами, в структуру УВД входили: общий отдел (16 чел.), отдел местного хозяйства (9 чел.), отдел мест заключения (6 чел.) и отдел милиции (21 чел.), а также бухгалтерия (5 чел.) и

хозчасть (18 чел.). Таким образом, общий штат УВД насчитывал 77 сотрудников, включая начальника и его помощника [2, с. 5].

Общее руководство деятельностью милиции на территории Приморской области осуществлял отдел милиции УВД, который возглавил бывший начальник Ольгинской уездной милиции Н.И. Колесниченко, назначенный «заведующим всеми делами милиции при УВД» с присвоением ему прав инспектора областной милиции. Помощником инспектора милиции по внутренней части 25 февраля 1920 г. был назначен П.А. Войцехович, а исполняющим должность помощника областного инспектора милиции по наружной части 29 февраля 1920 г. стал П.Е. Норенберг [3, с. 5].

В соответствии с приказом управляющего внутренними делами от 25 марта 1920 г. на краевого правительственного инспектора милиции возлагались достаточно широкие обязанности по руководству и контролю за деятельностью милиции на территории Приморской области, изданию нормативных актов, регламентирующих различные аспекты ее деятельности, контролю за осуществлением ее финансирования. Правительственный инспектор милиции производил все передвижения по службе кадров милиции в пределах области, рассматривал жалобы на действия начальников милиции и их помощников и т.д. В приказе отмечалось, что «областной инспектор, являясь заведующим отделом милиции, находится в непосредственном подчинении Управляющему внутренними делами, от которого и получает все руководящие указания» (РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 953 Л. 37). В связи с уходом в сентябре 1920 г. Н.И. Колесниченко в отпуск обязанности правительственного инспектора милиции стал исполнять К.В. Кулагин, утвержденный в должности с 1 декабря 1920 г.

Постановлением Временного правительства Примземоблуправы № 85 от 28 февраля 1920 г. отменялось постановление Административного Совета Временного сибирского правительства от 17 сентября 1918 г. и восстанавливалось действие постановления Временного правительства от 17 апреля 1917 г. об учреждении милиции. Тем самым милиция на территории Приморской области должна была быть возвращена в ведение городских и земских самоуправлений [26]. Однако фактически этого не произошло, и система управления милицескими учреждениями оставалась централизованной (только теперь на уровне области). Вся

милиция области, за исключением крепостной, через правительственного инспектора милиции находилась в ведении УВД Временного правительства Примоблземуправы (РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 953 Л. 30).

В дальнейшем развитие органов внутренних дел нового государственного образования в Приморье было осложнено тем, что, пытаясь противодействовать нарастанию отчетливо проявившихся просоветских тенденций в политике Примоблземуправы, где ключевые позиции занимали большевики, в ночь с 5 на 6 апреля 1920 г. японские войска осуществили вооруженное выступление против войск приморского правительства, в результате которого последние были вытеснены в отдаленные таежные районы. В результате последовавших за этим длительных переговоров 29 апреля 1920 г. японское командование навязало Временному правительству Примоблземуправы договор, согласно которому последнее не имело права содержать вооруженные силы в 30-верстной полосе вдоль железной дороги от Владивостока до Хабаровска и Сучанской ветки. В этой полосе были сконцентрированы наиболее крупные населенные пункты и основная часть населения Приморья. Для поддержания порядка здесь разрешалось размещать только милицеские формирования. В соответствии с соглашением, состав, вооружение и численность этих милицеских формирований определялись российской стороной с ведома японского командования. Для решения возникавших вопросов, касавшихся функционирования милицеских подразделений, в дальнейшем на постоянной основе существовала русско-японская согласительная комиссия по делам милиции, конвоя и военно-учебных заведений.

Вся милиция, существовавшая в тот период в Приморской области, подразделялась на четыре вида – административную, железнодорожную, крепостную и особый милицеский резерв. Административная милиция включала в себя уездную и городскую. На территории нынешнего Приморского края существовали 2 управления городской (во Владивостоке и Никольске-Уссурийском) и 3 управления уездной милиции (в Ольгинском, Никольске-Уссурийском и Иманском уездах). Уездная милиция состояла в среднем из 25-30 сотрудников. Уезд делился на участки во главе с участковыми начальниками. В каждой волости милицией руководил волостной начальник милиции, которому подчинялись волостные надзиратели.

Структура городской милиции мало изменилась с 1917 г. Например, в начале 1920 г. Владивостокская городская милиция состояла в структурном отношении из Управления и 8 милицейских участков (было создано два новых – Второреченский и Садгородской), а также конной команды, уголовного-розыскного отделения и адресного стола. В соответствии с разработанным в 1920 г. проектом штатов Владивостокской городской милиции, ее численность определялась в 881 чел., включая 60 надзирателей милиции, 52 конных милиционера и 618 пеших (РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 953. Л. 38). Приказом от 28 февраля 1920 г. расформировывались конные отряды, существовавшие при Владивостокской и Никольск-Уссурийской городской милиции [4].

В этот период как для центральных, так и для местных органов внутренних дел характерна частая сменяемость руководящих кадров. Начальником Владивостокской городской милиции 6 февраля 1920 г. постановлением горуправы вновь был назначен Л.Н. Харитонов, выразивший желание вновь служить в ранее занимаемой им должности (РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 953. Л. 8, 30). Этот пост он занимал до июня 1920 г., когда был переведен на должность начальника милиции г. Никольск-Уссурийского, а временное исполнение обязанностей начальника ВГМ было возложено на Н.И. Иванова, который занимал этот пост до февраля 1921 г. Затем на этом посту его сменил А.В. Попов (февраль-май 1921 г.).

Железнодорожная милиция была представлена Управлением железнодорожной милиции Уссурийской железной дороги. Владивостокская крепостная милиция была создана в соответствии с приказом по Владивостокской крепости от 26 июня 1920 г. на основе существовавшей крепостной комендантской команды. Она подчинялась коменданту крепости и состояла из Управления и 5 районных участков – Чуркинского, Гнилого угла, Первореченского, фортов Северной обороны и Эгершельда. Компетенция крепостной милиции была практически аналогична компетенции городской милиции. В ее ведении находились все дела уголовного, гражданского и административного характера на территории Владивостокской крепости (РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 953. Л. 77). Остров Русский в данный период имел свою собственную военную администрацию и самостоятельное Управление милиции Русского острова, находившееся в ведении военных властей.

Особый милицейский резерв по борьбе с массовой преступностью призван был осуществлять охрану железнодорожных коммуникаций и грузов и вести борьбу с получившим широкое распространение в крае уголовным бандитизмом – хунхузничеством. Его подразделения были сосредоточены в основных пунктах железной дороги. В структурном отношении особый резерв включал Приморский дивизион народной охраны, отдельные Хабаровский и Никольск-Уссурийский батальоны и отдельную Иманскую роту народной охраны. Формировалась и отдельная Камчатская рота народной охраны, но в связи с невозможностью отправки на Камчатку она была расформирована [7].

Подразделения народной охраны создавались по структуре Красной Армии, главным образом, из числа бывших партизан и лиц, преданных Советской власти. Существенную прослойку личного состава составляли коммунисты и комсомольцы. При резервах милиции был создан институт политических уполномоченных, которые, являясь представителями УВД при резерве милиции, имели право общего контроля над их деятельностью, подбора и расстановки кадров руководящего состава, а также осуществляли политическое воспитание личного состава резерва [1, с. 30]. Первым командиром Приморского дивизиона народной охраны являлся Ф.Д. Корольков, а 23 июля 1920 г. на эту должность был назначен большевик Н.П. Нельсон-Гирс, первым политуполномоченным дивизиона стал большевик П.С. Малышев.

Общая численность милиции Приморья определялась русско-японским соглашением в 4250 чел., в том числе административной – 2300 чел., железнодорожной и крепостной – по 300 чел., а особого резерва – 1350 чел. [1, с. 30-31]. Вооружалась милиция японским командованием из старых запасов царской армии: две трети личного состава – револьверами и шашками и треть – винтовками. Особый резерв милиции вооружался только винтовками. На основании приказа инспектора милиции от 17 мая 1920 г. у всех членов наружной милиции должны были быть белые нарукавные повязки с русскими и японскими надписями и печатями.

В августе 1920 г. была утверждена форма одежды для чинов приморской милиции. Она должна была представлять собой закрытый френч со стоячим воротником, брюки-галифе и фуражку темно-серого цвета. Форменная одежда сотрудников различных видов милиции отличалась цветами кантов и воротников. Знаки

различия представляли собой нарукавные нашивки соответствующего виду милиции цвета, которые нашивались на обоих рукавах мундира и шинели с наружной стороны рукава непосредственно над кантом (РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 953. Л. 82).

В июне 1920 г. для осуществления профессиональной подготовки сотрудников милиции во Владивостоке были организованы учебно-инструкторские курсы. В соответствии с утвержденным приказом УВД № 242 от 26 июня 1920 г. Положением об инструкторских курсах для чинов милиции, их целью являлось «создание кадра для комплектования милиции достаточно осведомленными и подготовленными к исполнению своих обязанностей лицами, сознательно дисциплинированными и вполне охраняющими государственный правопорядок» [6]. Все чины милиции, за исключением лиц с большим служебным стажем и опытом, обязаны были пройти эти курсы или сдать соответствующие экзамены. С 31 июля по 22 октября 1920 г. заведующим курсами являлся И.Г. Маркри, а затем до 29 июля 1921 г. эту должность занимал В.С. Шатов, имевший юридическое образование. 17 декабря 1920 г. были утверждены штаты служащих учебно-инструкторских курсов для чинов милиции в количестве 8 чел. [24].

6 апреля 1920 г. по инициативе большевиков на съезде трудящихся в Верхнеудинске была провозглашена Дальневосточная республика, которая должна была объединить всю территорию от Байкала до Тихого океана. Однако реальное объединение Дальнего Востока в составе ДВР и создание здесь единой системы органов внутренних дел началось только после ликвидации в конце октября 1920 г. так называемой «читинской пробки», когда в результате боевых действий Народно-революционной армии ДВР японские и белогвардейские войска вынуждены были эвакуироваться из Забайкалья.

5 декабря 1920 г. Народное собрание Приморья приняло решение о вхождении Приморской области в состав ДВР. В соответствии с постановлением Временного правительства Примоблземуправы от 11 декабря 1920 г. [8] на территорию Приморской области распространялась юрисдикция Дальневосточной республики, в связи с чем началась и перестройка органов милиции на единых для всей ДВР организационных принципах. Постановлением Совета управляющих отделами Приморского областного управления от 21 декабря 1920 г. Управление внутренними делами бывшего Временного

правительства Примоблземуправы упразднялось, а вместо него учреждался административный отдел Приморского областного управления (ПОУ), который разместился в здании по ул. Полтавской, 3 (ныне – ул. Лазо, 3). Однако передача дел затянулась, и бывшее Управление внутренними делами фактически было упразднено только с 17 февраля 1921 г. Структура административного отдела ПОУ практически не отличалась от структуры бывшего УВД. В его состав входили общее отделение, отделение местного хозяйства, милицейский подотдел и отдел мест заключения [25]. Первым управляющим адм.отделом стал А.С. Леонов, до этого занимавший пост управляющего ведомством внутренних дел, а впоследствии с 28 апреля до 26 мая 1921 г. этот пост занимал В.А. Масленников.

Приказом Управляющего административным отделом ПОУ от 3 февраля 1921 г. отдел милиции бывшего Управления внутренними делами преобразовывался в подотдел милиции административного отдела Приморского областного управления. При этом должности краевого правительственного инспектора милиции и его помощника упразднялись. Для непосредственного ведения делами милиции области и частей ее резервов учреждалась должность начальника Приморской областной милиции с возложением на него заведывания подотделом милиции (РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 1024. Л. 4). Этот пост до 26 апреля 1921 г. занимал бывший правительственный инспектор милиции К.В. Кулагин, а затем до 26 мая 1921 г. – Г.В. Лебедев. Штат милицейского подотдела насчитывал около 30 чел. [25].

Однако развитие приморской милиции в рамках единой для всей Дальневосточной республики системы органов внутренних дел оказалось непродолжительным. Уже 26 мая 1921 г. во Владивостоке произошел правый переворот, в ходе которого Приморское областное управление было свергнуто и к власти пришло антибольшевистское Временное Приамурское правительство во главе с братьями Меркуловыми. Тем самым на значительной части территории Приморья власть ДВР была ликвидирована, фактически здесь стало формироваться новое государственное образование, которое первоначально включало территорию Ольгинского, Никольск-Уссурийского и части Иманского уездов.

Одновременно здесь начала строиться и собственная система органов внутренних дел. В составе Временного Приамурского правительства

было восстановлено Управление внутренними делами, располагавшееся, как и УВД Временного правительства Приморского края, в здании бывшей резиденции военного губернатора Приморской области (ныне – ул. Светланская, 52). Временное заведывание им 31 мая 1921 г. было возложено на И.И. Соболева [9]. Впоследствии, 12 сентября 1921 г., обязанности управляющего ведомством внутренних дел были переданы председателю Совета Управляющих Ведомствами В.Ф. Иванову, который, оставляя за собой общее руководство ведомством, ближайшее заведывание текущими делами с правом подписи возложил на причисленного к УВД И.И. Соболева [17]. Впоследствии, 31 декабря 1921 г., В.Ф. Иванов сложил с себя эту должность и управляющим ведомством внутренних дел был назначен В.П. Разумов. 3 марта 1922 г. он был уволен с должности по болезни и обязанности управляющего вместо него некоторое время исполнял И.И. Соболев, а 14 марта 1922 г. на этот пост был назначен административный судья Никольск-Уссурийского уезда И.Х. Вершинин.

Приказом № 1 от 31 мая 1921 г. в составе УВД учреждались следующие отделы – обще-распорядительный, административно-милицейский, местного хозяйства, мест заключения и почтово-телеграфный. 4 июня при УВД был создан также отдел общественного призрения. Начальником административно-милицейского отдела, ведавшего деятельностью милиции, был назначен полковник В.К. Руссиянов. Однако 10 июня он был отстранен от должности и начальником административно-милицейского отдела был назначен полковник В.А. Богословский. В составе отдела были образованы общий и судебно-инспекторский подотделы, а также информационное бюро, выполнявшее роль контрразведки. В этот период на территории, подведомственной Временному Приамурскому правительству существовали следующие виды милиции – городская, уездная, железнодорожная, портовая и речная. Соответственно, в составе общего подотдела административно-милицейского отдела были образованы отделение уездных милиций и отделение железнодорожной, речной, морской и портовой милиции [10; 11; 12].

Впоследствии приказом по УВД № 54 от 22 июня 1921 г. административно-милицейский отдел был переименован в милицейско-инспекторский [13], начальником которого до 5 июня 1922 г. являлся полковник В.А. Богословский. Приказом № 62 от 25 июня 1921 г. утверждалась временная структура милицейско-инспек-

торского отдела, в состав которого входили общий, судебно-инспекторский (с учебно-инструкторскими курсами), железнодорожный и информационный подотделы, хозяйственное и строевое делопроизводства и паспортное отделение с общим штатом в 85 чел.

Формально отдел милиции бывшего Приморского областного управления ДВР был упразднен (с 26 мая 1921 г.) только постановлением Временного Приамурского правительства № 72 от 20 июля 1921 г. Этим постановлением на милицейско-инспекторский отдел УВД законодательно возлагалось заведывание всеми видами милиции на территории Приамурского Правительства «в отношении инструктирования, подбора, определения и увольнения классных чинов милиции и надзора за ее деятельностью» [13].

Кроме изменения структуры центральных органов управления новыми властями были осуществлены некоторые изменения и в структуре местных милицейских учреждений Приморья. Так, 14 июня 1921 г. постановлением Временного Приамурского правительства № 28 предписывалось городскую милицию подчинить ведению городского самоуправления на основаниях, изложенных в Положении о милиции от 17 апреля 1917 г. Уездную милицию, а также железнодорожную, портовую и речную предполагалось оставить на положении Закона о милиции от 16 мая 1919 г. (РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 1024. Л. 84).

Постановлением Временного Приамурского правительства № 36 от 24 июня 1921 г. «ближайшее заведывание милицией в уезде» возлагалось на председателя съезда волостных старшин «через начальника милиции, состоящего на этой должности на правах товарища председателя съезда волостных старшин» [10]. Непосредственно уездная милиция подчинялась начальнику уездной милиции. Уезды разбивались на милицейские районы. Каждым милицейским районом ведал начальник милиции района. При квартире начальника района милиции находился резерв милиции. Остальные чины милиции распределялись по волостным советам. Находившиеся при волостных советах чины милиции по исполнению своих служебных обязанностей в пределах волости по охране благочиния, порядка и спокойствия должны были подчиняться всем законным распоряжениям волостного старшины, как председателя волостного совета, и оказывать в надлежащих случаях содействие сельскому старосте.

Во Владивостоке к концу мая 1921 г. штат городской милиции насчитывал более тысячи человек, в т.ч. классных чинов – 98, рядовых милиционеров – 997 и чинов уголовно-розыскного отделения – 70. После переворота Владивостокская городская управа обратилась к японскому военному командованию с предложением условий, на основании которых могла бы быть осуществлена реорганизация городской милиции (РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 1024. Л. 33-34, 63). Японское командование согласилось с предложенными условиями и разрешило временно сформировать милицию, подчинив ее представителю городских властей. Был определен район действия милиции, выработаны соответствующие отличительные знаки, 29 мая было получено, хотя и в довольно ограниченном количестве, необходимое оружие. Для урегулирования с японским командованием всех вопросов, касающихся милиции, была образована Русско-японская согласительная подкомиссия по милиции.

Кроме того, после переворота в милиции были произведены определенные замены кадрового состава. Так, Владивостокская городская дума постановила удалить из милиции лиц, лояльных к прежнему режиму ДВР, и пополнить ее личный состав каппелевцами, пользующимися, как отмечалось в постановлении, всеобщим доверием населения. В результате уже к 3 июня был укомплектован личный состав милиции с резервом численностью в 1400 человек, причем в него было влито до 300 каппелевцев, а ненадежная часть милиционеров уволена (РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 1024. Л. 28, 30). Дивизион народной охраны, в котором были сильны позиции коммунистов и который оказал непосредственное вооруженное сопротивление в ходе переворота 26 мая, был ликвидирован.

Постановлением Временного Приамурского правительства № 72 от 20 июля 1921 г. крепостная милиция на Русском острове и материке с 1 июля 1921 г. передавалась из военного ведомства в гражданское управление. Переданная военным ведомством в гражданское управление крепостная милиция переходила в подчинение Министерства внутренних дел и передавалась в непосредственное ведение Управления Владивостокской городской милиции. Существовавшие подразделения крепостной милиции расформировывались, а их компетенция, имущество и кредиты передавались в Управление ВГМ в общем ведомственном порядке. На Русском острове и на материке соответственно об-

разывались дополнительные участки Владивостокской городской милиции с назначением чинов бывшей крепостной милиции на должности по участкам городской милиции, соответственно новому распределению. Лица, не получившие нового назначения, были уволены за штат на общем основании. Таким образом, в составе городской милиции были образованы три новых участка – Первореченский, Чуркинский и Русско-Островской, а также существенно расширились некоторые уже существовавшие [13]. В связи с этим возникла необходимость усилить городскую милицию на 618 чел. и организовать конный отряд милиции в 150 чел. (РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 1024. Л. 83).

В соответствии с постановлением Временного Приамурского правительства № 78 от 20 июля 1921 г. общая численность милиции на подведомственной ему территории устанавливалась в 5140 чел., причем она должна была комплектоваться из военнослужащих. Соответственно, сотрудники милиции в чине от надзирателя и ниже по содержанию приравнивались к воинским чинам армии. Удовлетворение содержанием старших чинов милиции было решено производить согласно штатов милицейских учреждений по ставкам, утвержденным для чинов Владивостокской городской милиции. При этом утверждались штаты и содержание чинов милицейско-инспекторского отдела и Владивостокской городской милиции. В составе милицейско-инспекторского отдела образовывались общемилицейская (9 чел.), судебно-инспекторская (10 чел.) и паспортная (4 чел.) части, строевое (9 чел.) и хозяйственное (10 чел.) делопроизводства. Штат ВГМ, в состав которой входило 8 милицейских участков, был определен в 703 чел., в том числе 52 надзирателя, 20 старших и 480 младших милиционеров и конная команда в 25 чел. [15]. После переворота 26 мая 1917 г. обязанности начальника Владивостокской городской милиции до 13 июля 1921 г. продолжал исполнять И.Г. Александров, а с 14 июля 1921 г. по 12 июня 1922 г. эту должность занимал Д.А. Соколов.

В этот период по-прежнему продолжала действовать самостоятельная железнодорожная милиция. В соответствии с приказом № 134 от 18 июля 1921 г. в состав Управления милиции Уссурийской железной дороги входили три отделения: 1-е – Владивостокское отделение (сфера его обслуживания включала линию дороги до 65-й версты и Сучанскую ветку общей протяженностью 74 версты), 2-е – Никольское от-

деление (от 65-й версты до выходного семафора в сторону ст. Пограничная и до 330-й версты Уссурийской линии) и 3-е – Гродековское отделение (от 105-й версты до ст. Пограничная) [14].

На территории Уссурийского казачьего войска функции охраны общественного порядка в этот период продолжала выполнять войсковая милиция. 3 октября 1921 г. правительством были утверждены временные штаты Войсковой милиции Уссурийского казачьего войска [18], которая в организационном отношении состояла из Управления (6 чел.), Гродековского (38 чел., в т.ч. 5 старших, 10 конных и 20 пеших милиционеров) и Полтавского участков (22 чел., в т.ч. 3 старших милиционера, 5 – конных, 12 – пеших).

Вследствие переворота 26 мая 1921 г. территория Приморской области оказалась расколотой между двумя буферными государственными образованиями. На северной ее части была образована Приамурская область ДВР с центром в Хабаровске, а южная находилась под юрисдикцией Временного Приамурского правительства, располагавшегося во Владивостоке. Граница (фактически – линия фронта) между этими государственными образованиями проходила в районе ст. Уссури (ныне – в черте г. Лесозаводска). Расколотой оказалась и территория Иманского уезда. Вследствие этого произошло разделение его территории на два самостоятельных уезда – Иманского в составе ДВР и Спасского в ведении Временного Приамурского правительства. Соответственно, на этих территориях оформились и различные органы внутренних дел. Приказом по УВД № 263 от 8 сентября 1921 г., вследствие организации Спасского уезда, Иманская уездная милиция была переименована в Спасскую уездную милицию [16]. В Имане, на территории ДВР, продолжала существовать Иманская уездная милиция, находившаяся в ведении Приамурского областного управления ДВР.

После занятия в декабре 1921 г. белопопстанцами Имана и Хабаровска здесь взамен милиции ДВР создаются милицейские органы Временного Приамурского правительства. Однако после того, как войска ДВР снова в марте 1922 г. заняли Хабаровск и Иман, приказом УВД Временного Приамурского правительства № 108 от 23 марта 1922 г. предписывалось эти подразделения расформировать [20].

В конце мая 1922 г. во Владивостоке была предпринята неудачная попытка государственного переворота, в результате чего в руководстве

органов внутренних дел Приморья произошли существенные перемены. В связи с обвинением в государственной измене приказом Временного Приамурского правительства № 321 от 10 июня 1922 г. был отстранен от должности управляющий ведомством внутренних дел И.Х. Вершинин, вместо которого временно исполняющим обязанности управляющего вновь был назначен В.П. Разумов. С должности начальника милицейско-инспекторского отдела с 5 июня 1922 г. был также уволен полковник В.А. Богословский. Вместо него на этот пост был назначен генерал-майор В.А. Бабушкин, занимавший до этого должность помощника начальника отдела. Однако впоследствии милицейско-инспекторский отдел был расформирован, а при Управлении Приморской областью было создано отделение милиции, временно исполняющим обязанности начальника которого 14 июня был назначен бывший начальник общемилицейской части расформированного милицейско-инспекторского отдела титулярный советник Г.М. Юринский [21; 22]. 12 июня 1922 г. с поста начальника Владивостокской городской милиции ушел в отставку Д.А. Соколов и 13 июня 1922 г. на эту должность был назначен бывший помощник особоуполномоченного по Никольск-Уссурийскому уезду И.М. Куржанский. Однако он пробыл на этом посту недолго, и уже в сентябре 1922 г. владивостокскую милицию возглавил генерал А.А. Немыцкий.

Впоследствии, в результате кризиса власти, Временное Приамурское правительство было упразднено. Во Владивостоке был созван Земский собор, который 8 августа 1922 г. передал всю полноту власти Правителю Земского Приамурского края генералу М. Дитерихсу. Приказом № 2 Правителя Земского Края от 9 августа 1922 г. временным управляющим Ведомства внутренних дел был назначен председатель Приморского Поместного Совета генерал-майор В.А. Бабушкин [23].

Условия деятельности органов внутренних дел Приморья в рассматриваемый период были очень сложными. Уголовная преступность на Дальнем Востоке в этот период оставалась очень высокой и имела тенденцию к росту. За второе полугодие 1921 г. число совершенных преступлений превышало количество преступлений, зарегистрированных в первом полугодии 1914 г. в 400 раз [1, с. 40]. Крайне тяжелое экономическое положение края, вызванное условиями Гражданской войны, серьезно отражалось на материальном положении служащих милиции

и не могло не сказаться на эффективности ее деятельности. Существовали острые проблемы с обеспечением милиции всеми видами довольствия, включая обмундирование и вооружение, регулярным явлением стали задержки выплаты денежного содержания. Остро стояла проблема обеспеченности милиции обмундированием, в особенности зимним. В сентябре 1922 г. современник отмечал, что почти все милиционеры «носят свою собственную одежду, благодаря чему все милицейские команды одеты разнообразно и недостаточно опрятно» [27].

Особенно тяжелое положение сложилось с обеспечением милиции оружием. В Приморье в ходе переворота 26 мая 1921 г. местная милиция была разоружена японскими войсками и впоследствии японское командование, несмотря на многочисленные обращения новых властей, не спешило возвращать оружие милиции, видимо, опасаясь, что оно может оказаться затем у партизан. Оружие выдавалось в весьма ограниченном количестве, причем зачастую японцы предлагали оружие, не пригодное к использованию. В силу недостаточной вооруженности, милиции часто приходилось вступать в схватку с врагом чуть ли не с голыми руками, неся при этом существенные потери. Как писал начальник Владивостокской городской милиции, «пользуясь отсутствием у чинов милиции оружия в течение 11 дней, преступный элемент заметно за последнее время стал проявлять свою деятельность, безнаказанно появляясь в общественных местах и даже разгуливает по Светланской улице. Борьба же с этими явлениями милиции, при отсутствии оружия, нет никакой возможности и это обстоятельство со стороны населения ставится ей в вину» (РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 1024. Л. 42).

9 июля 1921 г. было проведено обследование обеспеченности подразделений Владивостокской городской милиции оружием и боеприпасами, в результате которого была выявлена крайне печальная картина. В ходе проверки было установлено, что на вооружении городской милиции находилось всего 86 винтовок с 457 патронами, 29 револьверов с 841 патроном и 106 шашек. В уголовно-розыскном отделении имелась всего одна винтовка с 67 патронами и 8 револьверов с 91 патроном (РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 1024. Л. 95). Имея громадное количество складов, разбросанных по территории всего города, будучи поставлена в необходимость охранять ряд государственных учреждений, милиция была не в состоянии нести удовлетво-

рительную охрану города и его окрестностей с населением до 400 тыс. чел. Благодаря недостаточности вооруженной силы у милиции, в городе и окрестностях стали усиливаться грабежи и убийства, похищения людей, причем имели место случаи убийств и чинов милиции (РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 1024. Л. 64-65).

В связи с отсутствием финансирования, несмотря на сложную криминогенную обстановку, власти вынуждены были осуществлять сокращение штатов милиции. В частности, в связи с отказом Никольск-Уссурийской городской думы от выделения необходимых финансовых средств на содержание милиции приказом от 21 января 1922 г. штаты Никольск-Уссурийской городской милиции существенно сокращались – на 119 чел, в т.ч. 29 канцелярских служащих, 84 милиционера и все 6 старших инспекторов уголовного розыска [19].

В таких условиях органы внутренних дел в Приморье существовали до конца 1922 г. После ликвидации 14 ноября 1922 г. Дальневосточной республики и присоединения Дальнего Востока к РСФСР начинается процесс реорганизации существовавших здесь органов внутренних дел в советскую рабоче-крестьянскую милицию.

Подводя итог развитию органов внутренних дел Приморья в 1917-1922 гг., следует отметить, что оно происходило весьма специфично. Эта специфика определялась тем, что фактически территория нынешнего Приморского края до конца 1922 г. не входила в состав РСФСР. Кроме того, на особенностях организации и функционирования органов внутренних дел самым непосредственным образом отражалась характерная для Приморья в условиях Гражданской войны частая смена политических режимов, а также отсутствие на заключительном этапе Гражданской войны политического единства региона. Таким образом, следует отметить, что в условиях Гражданской войны в Приморье сложилась достаточно самобытная система органов внутренних дел, творчески сочетавшая опыт как дореволюционной полиции, так и народной милиции Временного правительства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Берляков А.А., Шеронов В.С. Становление и развитие советской милиции на Дальнем Востоке (1917-1926 гг.). Хабаровск: Хабаровск. высш. школа милиции, 1985.
2. Вестник Временного правительства – Приморской областной земской управы. 1920. 15 февраля.

3. Вестник Временного правительства – Приморской областной земской управы. 1920. 20 февраля.
4. Вестник Временного правительства – Приморской областной земской управы. 1920. 7 марта.
5. Вестник Временного правительства – Приморской областной земской управы. 1920. 11 мая.
6. Вестник Временного правительства – Приморской областной земской управы. 1920. 11 июля.
7. Вестник Временного правительства – Приморской областной земской управы. 1920. 23 сентября.
8. Вестник Временного правительства – Приморской областной земской управы. 1920. 18 декабря.
9. Вестник Временного Приамурского правительства. 1921. 30 июня.
10. Вестник Временного Приамурского правительства. 1921. 11 июля.
11. Вестник Временного Приамурского правительства. 1921. 21 июля.
12. Вестник Временного Приамурского правительства. 1921. 25 июля.
13. Вестник Временного Приамурского правительства. 1921. 3 августа.
14. Вестник Временного Приамурского правительства. 1921. 9 августа.
15. Вестник Временного Приамурского правительства. 1921. 30 августа.
16. Вестник Временного Приамурского правительства. 1921. 28 сентября.
17. Вестник Временного Приамурского правительства. 1921. 20 октября.
18. Вестник Временного Приамурского правительства. 1921. 14 декабря.
19. Вестник Временного Приамурского правительства. 1922. 10 февраля.
20. Вестник Временного Приамурского правительства. 1922. 18 марта.
21. Вестник Временного Приамурского правительства. 1922. 17 июня.
22. Вестник Временного Приамурского правительства. 1922. 8 июля.
23. Вестник Земского Приамурского края. 1922. 2 сентября.
24. Вестник Приморской области. 1921. 26 февраля.
25. Вестник Приморской области. 1921. 11 марта.
26. Земская жизнь Приморья. 1920. № 5-6.
27. Земский край. 1922. 26 сентября.
28. Некрасова Л.В. Органы власти восточной контрреволюции в период колчаковщины // Власть и общество в Сибири в XX веке. Вып. 1. Сибирская контрреволюция в годы гражданской войны. Новосибирск: Издательство НИИ МИОО НГУ, 1997. С. 97-111.
29. Никитин А.Н. Колчак проиграл мафии // Милиция. 1997. № 11. С. 50-51.
30. Приамурская жизнь. 1918. 21(8) ноября.
31. Собрание узаконений и распоряжений Временного сибирского правительства. 1918. № 13. Ст. 118.
32. Уссурийский край. 1917. 18 апреля.
33. Уссурийский край. 1917. 30 апреля.
34. Шабельникова Н.А., Черномаз В.А. Организационные основы становления милицеских учреждений Приморья в 1917-1922 гг. // Общество: философия, история, культура. 2017. № 10. С. 58-61.

REFERENCES

1. Berlyakov, A.A. and Sheronov, V.S., 1985. Stanovlenie i razvitie sovetskoj militsii na Dal'nem Vostoke (1917-1926 gg.) [Establishment and development of militia in the Soviet Far East, 1917-1926]. Khabarovsk: Khabarovsk. vyssh. shkola militsii. (in Russ.)
2. Vestnik Vremennogo pravitel'stva – Primorskoj oblastnoi zemskoi upravu, 1920, February 15. (in Russ.)
3. Vestnik Vremennogo pravitel'stva – Primorskoj oblastnoi zemskoi upravu, 1920, February 20. (in Russ.)
4. Vestnik Vremennogo pravitel'stva – Primorskoj oblastnoi zemskoi upravu, 1920, March 7. (in Russ.)
5. Vestnik Vremennogo pravitel'stva – Primorskoj oblastnoi zemskoi upravu, 1920, May 11. (in Russ.)
6. Vestnik Vremennogo pravitel'stva – Primorskoj oblastnoi zemskoi upravu, 1920, July 11. (in Russ.)
7. Vestnik Vremennogo pravitel'stva – Primorskoj oblastnoi zemskoi upravu, 1920, September 23. (in Russ.)
8. Vestnik Vremennogo pravitel'stva – Primorskoj oblastnoi zemskoi upravu, 1920, December 18. (in Russ.)
9. Vestnik Vremennogo Priamurskogo pravitel'stva, 1921, June 30. (in Russ.)
10. Vestnik Vremennogo Priamurskogo pravitel'stva, 1921, July 11. (in Russ.)
11. Vestnik Vremennogo Priamurskogo pravitel'stva, 1921, July 21. (in Russ.)
12. Vestnik Vremennogo Priamurskogo pravitel'stva, 1921, July 25. (in Russ.)
13. Vestnik Vremennogo Priamurskogo pravitel'stva, 1921, August 3. (in Russ.)
14. Vestnik Vremennogo Priamurskogo pravitel'stva, 1921, August 9. (in Russ.)

15. Vestnik Vremennogo Priamurskogo pravitel'stva, 1921, August 30. (in Russ.)
16. Vestnik Vremennogo Priamurskogo pravitel'stva, 1921, September 28. (in Russ.)
17. Vestnik Vremennogo Priamurskogo pravitel'stva, 1921, October 20. (in Russ.)
18. Vestnik Vremennogo Priamurskogo pravitel'stva, 1921, December 14. (in Russ.)
19. Vestnik Vremennogo Priamurskogo pravitel'stva, 1922, February 10. (in Russ.)
20. Vestnik Vremennogo Priamurskogo pravitel'stva, 1922, February 18. (in Russ.)
21. Vestnik Vremennogo Priamurskogo pravitel'stva, 1922, June 17. (in Russ.)
22. Vestnik Vremennogo Priamurskogo pravitel'stva, 1922, July 8. (in Russ.)
23. Vestnik Zemskogo Priamurskogo kraya, 1922, September 2. (in Russ.)
24. Vestnik Primorskoy oblasti, 1921, February 26. (in Russ.)
25. Vestnik Primorskoy oblasti, 1921, March 11. (in Russ.)
26. Zemskaya zhizn' Primorya, 1920, no. 5-6. (in Russ.)
27. Zemskii kray, 1922, September 26. (in Russ.)
28. Nekrasova, L.V., 1997. Organy vlasti vostochnoi kontrevolyutsii v period kolchakovshchiny [The authorities of the Eastern counter-revolution in the period of Kolchakism]. In: Vlast' i obshchestvo v Sibiri v XX veke. Vyp. 1. Sibirskaya kontrevolyutsiya v gody grazhdanskoi voyny. Novosibirsk: Izdatel'stvo NII MIOO NGU, pp. 97-111. (in Russ.)
29. Nikitin, A.N., 1997. Kolchak proigral voynu mafii [Kolchak was defeated by Mafia], Militsiya, no. 11, pp. 50-51. (in Russ.)
30. Priamurskaya zhizn', 1918, November 21(8). (in Russ.)
31. Sobranie zakonov i rasporyazhenii Vremennogo sibirskogo pravitel'stva, 1918, no. 13, Article 118. (in Russ.)
32. Ussuriiskii krai, 1917, April 18. (in Russ.)
33. Ussuriiskii krai, 1917, April 30. (in Russ.)
34. Shabel'nikova, N.A. and Chernomaz, V.A., 2017. Organizatsionnye osnovy stanovleniya militsiiskikh uchrezhdenii Primorya v 1917-1922 gg. [Organizational basis for the establishment of militia in Primorye, 1917-1922], Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura, no. 10, pp. 58-61. (in Russ.)

А.В. Милежик*

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ШКОЛЫ ПОДГОТОВКИ КОМСОСТАВА НАРОДНОЙ МИЛИЦИИ ДВР: ОПЫТ ОРГАНИЗАЦИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ

В статье рассматривается начальный этап становления профессионального образования сотрудников органов внутренних дел на территории Дальнего Востока России. На примере деятельности Центральной школы подготовки командного состава народной милиции Дальневосточной республики раскрываются особенности организации учебного и воспитательного процессов, освещается процесс формирования кадрового состава школ комсостава милиции. Автор приходит к выводу о том, что в период существования ДВР с созданием Центральной школы командного состава народной милиции были заложены основы многоуровневой профессиональной подготовки и обучения кадров в системе НКВД.

Ключевые слова: Дальневосточная республика, гражданская война, народная милиция, инструкторская школа, Министерство внутренних дел, профессиональное образование

The Central school of the people's militia officers in the Far Eastern Republic: an attempt of the organization of professional education in the Russian Far East. ALEXEY V. MILEZHNIK (Vladivostok Branch of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs)

The article deals with the initial stage of the formation of law enforcement education in the Russian Far East. The author explores the structure, activities and specifics of educational process of the Central school of the people's militia officers organized in the Far Eastern Republic. The author concludes that the establishment of the school during the existence of the Far Eastern Republic laid the foundations of the multilevel professional education for the personnel of the law enforcement bodies in the region.

Keywords: Far Eastern Republic, Civil War, people's militia, instructing school, Ministry of Internal Affairs, professional education

Становление органов внутренних дел неразрывно связано с осуществлением кадровой работы по подбору, комплектованию, обучению и воспитанию личного состава. Профессиональное обучение сотрудников органов внутренних дел (полицейских, жандармов) на системной

основе вплоть до революционных событий 1917 г. не осуществлялось. Изменения в государственном устройстве и управлении трансформировали правоохрнительную систему. Революция сменила не только названия, заменив полицию на милицию, Министерство вну-

---

* МИЛЕЖИК Алексей Викторович, кандидат исторических наук, начальник кафедры гуманитарных дисциплин Владивостокского филиала Дальневосточного юридического института МВД России.

E-mail: amilezhnik@rambler.ru

© Милежик А.В., 2018

тренних дел Российской империи на Народный комиссариат внутренних дел РСФСР. Кардинально изменилась и система комплектования правоохранительных органов. Первостепенным для замещения должностей в органах внутренних дел молодой республики стало социальное происхождение кандидата и его лояльность к политике РКП(б) и Советской власти.

В условиях Гражданской войны и интервенции преступность в стране приобрела значительные масштабы. Для эффективного обеспечения правопорядка и общественной безопасности имеющегося уровня образования и квалификации милиционеров пролетарского происхождения было недостаточно. Так, даже командный состав рабоче-крестьянской милиции в большинстве своем имел базовое образование (80,3% имели начальное или домашнее образование, 19,2% – среднее, и только 1,6% – высшее) [9, с. 182].

Руководство РСФСР обращало пристальное внимание на необходимость повышения уровня профессиональной подготовки милицейских кадров. Несмотря на условия военного времени, ограниченность материальных средств, нехватку высококвалифицированных кадров, в Советской республике начинает формироваться сеть учебных заведений милицейского профиля. Первые курсы и школы появились в Москве, Петрограде, Владимире уже во второй половине 1918 г., в период организационного становления милиции. Как отмечает М.А. Кожевина, по формальным признакам их можно отнести к профессиональным учебным заведениям. Образовательная деятельность осуществлялась на основе учебных планов и учебных программ, а по окончании обучения курсанты получали свидетельства о пройденном обучении [3, с. 24].

С учетом того, что большая часть обучающихся была неграмотной или малограмотной, учебные программы включали как специальные дисциплины, так и общеобразовательные предметы из школьного курса. По сути, курсы выполняли функцию ликвидации общей и профессиональной неграмотности и малограмотности сотрудников милиции. Однако говорить о наличии системности милицейского образования в те годы не приходится.

В начале 1920-х гг. сложились необходимые предпосылки для организации системы милицейского образования: была сформирована нормативно-правовая база, регулирующая деятельность милиции, определена структура органов внутренних дел, накоплен опыт организации

обучения на курсах и в школах. На основании приказа № 69 Главного управления милиции НКВД РСФСР от 17 апреля 1921 г. в республике создавалась трехуровневая система подготовки кадров милиции: на начальном уровне – 6-8-недельные курсы для первоначального обучения милиционеров и агентов уголовного розыска; на среднем – губернские милицейские школы для подготовки лиц на должности младшего командного состава со сроком обучения до 8 месяцев; на высшем – школы среднего командного состава для подготовки начальников городской и губернской милиции с 2-х летним сроком обучения [3, с. 24].

На Дальнем Востоке России формирование сети курсов и школ для сотрудников милиции осуществлялось с еще большими трудностями. Продолжавшаяся вплоть до конца 1922 г. Гражданская война, интервенция, сосуществование на территории региона нескольких идейно различных правительств и администраций – все это негативно сказывалось на деятельности правоохранительных органов.

Отметим, что специфика становления учреждений дальневосточной милиции в 1917 – 1920-х гг., специфика ее организационного построения, формы и методы деятельности, в том числе по направлению профессионального образования, неоднократно становились предметом исследований [1; 4; 5; 6; 7; 9; 10; 11; 12].

Наибольший интерес с позиции системности вызывает опыт деятельности народной милиции Дальневосточной республики, в частности, организация профессиональной подготовки милицейских кадров. Официально Дальневосточная республика обладала суверенитетом и независимостью, но фактически руководство внешней и внутренней политикой ДВР осуществлялось ЦК РКП(б) [2, с. 404]. Поэтому многие элементы политической системы, характерные для РСФСР, присутствовали и в Дальневосточной республике. Это касалось и принципов построения правоохранительной системы. Так, народная милиция представляла собой кальку организационной структуры рабоче-крестьянской милиции РСФСР. В то же время государственно-политическая система ДВР имела свою специфику, выразившуюся, в первую очередь, в наличии демократической конституции, предполагавшей политико-идеологический плюрализм и многообразие хозяйственной системы.

В соответствии с Основным законом Дальневосточной республики, принятым в апреле 1921 г., деятельность органов внутренних дел

регулировалась «Временным положением о народной милиции ДВР». Согласно Положению, милиция комплектовалась за счет мобилизации и на добровольной основе.

В сентябре 1921 г. был принят «Закон о милиции», в соответствии с которым определялись требования к кадровому составу народной милиции. Милиционеры должны были быть грамотными, знать основы действующего законодательства, уметь «толково и грамотно» составить протокол, а также обладать доверием со стороны населения [5, с. 41].

Нормативно закрепленные требования не всегда удавалось соблюдать. Деятельность милиции ДВР осуществлялась в условиях нестабильной военно-политической обстановки, экономического кризиса и негативного развития криминальной ситуации. Среди дальневосточников распространено было пренебрежительное отношение к любой власти и порождаемым ею правовым нормам. В ходе войны «рушилась система запретов, человек как бы освобождался от «балласта» совести и индивидуальной ответственности. Гражданская война отбросила российское общество к примитивному состоянию нравственности» [8, с. 157].

Сотрудники милиции были частью общества и в полной мере носителями имеющихся социальных болезней. Правовое сознание и морально-нравственный уровень личного состава оставляли желать лучшего. Милиционеры были социально неоднородны, в основном малограмотны, со слабыми представлениями о своих профессиональных обязанностях. Как отмечалось в отчете руководителя милиции республики, главного правительственного инспектора Н.И. Колесниченко, штаты были заполнены участниками партизанского движения, людьми благонадежными, но «без всяких знаний и опыта в милицейском деле» [5, с. 42].

Моральный облик милиционера был далек от идеала. Проводившиеся проверки подразделений милиции выявляли факты нарушения сотрудниками служебной дисциплины, превышения должностных полномочий, а также совершения ими уголовных преступлений [7, с. 121]. Отмечался низкий уровень сознательности и мотивации милиционеров к службе.

По результатам проверок проводились регулярные чистки кадров, перемещения милиционеров в другие подразделения. Для поднятия уровня политической сознательности и оздоровления морального климата коллективов активно привлекались комсомольские и партий-

ные кадры. Несмотря на все усилия, проблема повышения профессиональной грамотности и сознательности милиционеров долгое время оставалась нерешенной.

Сложившееся в милиции положение вызывало беспокойство у руководства органов внутренних дел республики. Начальник Читинской городской милиции В. Бородулин в рапорте министру внутренних дел республики охарактеризовал милицию как учреждение, требующее «всесторонних знаний и подготовку и более или менее высокое умственное и нравственное развитие сотрудников» (Государственный архив Забайкальского края, далее – ГАЗК. Ф. Р-402. Оп. 1. Д. 55. Л. 518).

В январе 1921 г. на заседании коммунистической фракции Народного собрания ДВР впервые был поставлен вопрос о создании сети образовательных заведений по профессиональной подготовке кадров для милиции. В первой половине 1921 г. в Верхнеудинске, Благовещенске и Чите учреждаются губернские 4-х месячные курсы подготовки милиционеров [4, с. 12].

Главным управлением милиции была разработана учебная программа подготовки милиционеров. Согласно программе, курсанты изучали внутреннюю и наружную службу милиционера-надзирателя, военную подготовку, основы уголовного и гражданского права и процесса. К концу 1921 г. предполагалось обучить свыше 300 человек [5, с. 44]. Опыт работы милицейских курсов в 1921 г. был оценен как положительный (ГАЗК. Ф. Р-402. Оп. 1. Д. 55. Л. 545). Милиционеры, окончившие курсы, в служебной деятельности отличались «дисциплинированностью, знанием дела, выдержанностью и благонадежностью, как с политической стороны, так и со стороны нравственных качеств» (ГАЗК. Ф. Р-402. Оп. 1. Д. 55. Л. 545).

Следует отметить, что учрежденные курсы осуществляли подготовку рядового состава милиции. Между тем, назрела необходимость в профессиональной подготовке командного состава народной милиции (ГАЗК. Ф. Р-402. Оп. 1. Д. 55. Л. 325). Для решения данного вопроса из Верхнеудинска в Читу был откомандирован начальник милицейских курсов Прибайкальской области В.Н. Добронравов, обладавший достаточным опытом в организации работы курсов в Прибайкалье.

По инициативе В.Н. Добронравова 26 июля 1921 г. были созданы Центральные милицейские инструкторские курсы (ГАЗК. Ф. Р-402. Оп. 1. Д. 42. Л. 1). Учебное заведение республиканского

Рис. 1. Здание, в котором в 1921-1924 гг. размещалась Центральная школа подготовки комсостава народной милиции ДВР. Фото автора

значения было размещено на втором этаже здания епархиального училища, на углу улиц Троицкосавской и Мариинской (в настоящее время – ул. Балябина, 48). Здание сохранилось до настоящего времени, находится в хорошем состоянии и продолжает служить делу образования. В нем располагается средняя общеобразовательная школа № 32 г. Читы (Рис. 1).

Начальником курсов был назначен Абрам Иосифович Абрамов, человек интересной судьбы. Профессиональный революционер, эсер-террорист (партийная кличка «Барс»), был приговорен к смертной казни, замененной пожизненной каторгой на Сахалине, откуда бежал в Японию, затем – в Австралию и Францию. Участвовал в Первой мировой войне. После свержения монархии вернулся в Россию и в 1918 г. вступил в ряды партии большевиков. До назначения на должность начальника курсов А.И. Абрамов служил командиром Красной армии, затем – Народно-революционной армии ДВР [5, с. 44].

Значение курсов для подготовки командного состава милиции подтолкнуло руководство

Главного управления народной милиции к их реорганизации. 6 августа 1921 г. курсы были преобразованы в Центральную милицескую инструкторскую школу с увеличением срока обучения до 6 месяцев (ГАЗК. Ф. Р-402. Оп. 1. Д. 36. Л. 39). На август 1921 г. личный состав школы насчитывал 67 человек (без гражданских служащих), в том числе 56 курсантов.

А.И. Абрамову пришлось приложить значительные усилия для налаживания образовательного процесса в школе. В первую очередь необходимо было решить ряд вопросов материально-технического обеспечения: обустройство учебных аудиторий и жилых помещений, снабжение продовольствием и обмундированием, учебными пособиями, бумагой и письменными принадлежностями. Недостатки снабжения наглядно проявлялись во внешнем виде курсантов. В октябре 1921 г. за «разнообразно одетую» роту курсантов начальником народной милиции ДВР начальнику школы был объявлен строгий выговор (ГАЗК. Ф. Р-402. Оп. 1. Д. 36. Л. 55).

Еще более важными, чем вопросы снабжения, были вопросы содержания обучения и комплектования преподавательского состава. А.И. Абрамову удалось сформировать коллектив опытных педагогов: В.Г. Бородулин, П.С. Губанов, Н.Ф. Сущевич, Н.А. Холодов (ГАЗК. Ф. Р-402. Оп. 1. Д. 64. Л. 42). Обучение основывалось на лекционно-репетиционном методе, объединяющем теоретическую и практическую подготовку [4, с. 15]. Курсанты изучали различные учебные дисциплины – от арифметики и русского языка до уголовного, административного и конституционного права. Кроме того, осуществлялась военная и строевая подготовка.

Как и во всей дальневосточной милиции пристального внимания требовали вопросы воспитания и укрепления дисциплины личного состава. Руководству народной милицией ДВР и непосредственно начальнику школы для наведения порядка приходилось принимать достаточно жесткие меры воздействия, не взирая на должности и партийную принадлежность. Приказом начальника народной милиции ДВР № 34 от 10 августа 1921 г. комсоставу школы в лице командиров Басова, Шайкина и Бурунова были объявлены выговоры за беспорядок и неприличное поведение в общежитии (ГАЗК. Ф. Р-402. Оп. 1. Д. 36. Л. 40). Показательна выдержка из приказа по школе № 8 от 6 августа 1921 г.: «3. Арест на 1 сутки за несвоевременную явку на проверку комвзвода Бурунова... 6. Полуротного командира Алексева за манкирование службой арест на 7 суток... 8. Строгий выговор комроты Добронравову за неправильную подачу рапортов. 9. Комвзвода Шайкину строгий выговор за подачу жалобы не по команде. 10. Весь комсостав курсов и курсантов предупреждаю, что за обращение не по команде буду подвергать дисциплинарному взысканию» (ГАЗК. Ф. Р-402. Оп. 1. Д. 64. Л. 34).

Понимая, что дисциплина основывается на планомерной воспитательной работе, руководство уделяло значительное внимание развитию духовно-нравственных качеств личности курсантов. В школе была организована художественная самодеятельность, участники которой устраивали для коллектива и гостей школы спектакли и концерты (ГАЗК. Ф. Р-402. Оп. 1. Д. 42. Л. 24).

Меры, проведенные руководством и педагогическим коллективом, позволили наладить в школе плодотворную работу по подготовке необходимых республике милицейских кадров. 12 ноября 1921 г. экзаменационная комиссия

произвела письменные и устные испытания 62 курсантам. Курс был закончен успешно. На командные должности по первому разряду рекомендовано было 14 человек, по второму разряду – 12, на низшие должности по первому разряду – 24, по второму – 12 человек (ГАЗК. Ф. Р-402. Оп. 2. Д. 12. Л. 88).

После выпуска А.И. Абрамов получил благодарность от руководства народной милиции ДВР, по собственному желанию был уволен с должности начальника школы, а затем переведен в Москву (ГАЗК. Ф. Р-402. Оп. 2. Д. 40. Л. 6). Как и у многих руководителей той поры, судьба А.И. Абрамова сложилась трагически. В 1926 г., в период чисток, за приверженность идеологии террора он был исключен из партийных рядов, а в 1938 г. арестован и расстрелян.

Второй набор в школу осуществлял уже новый начальник – Александр Васильевич Нахлупин. А.В. Нахлупин имел педагогическое образование и большой опыт административной работы в качестве заведующего учебной частью 1-ой объединенной военной школы им. ВЦИК РСФСР (ГАЗК. Ф. Р-402. Оп. 2. Д. 29. Л. 16). Учебные занятия у нового набора начались не 5 декабря 1921 г., как планировалось, а почти на 2 месяца позже. Главной причиной срыва начала учебного процесса стал значительный недокомплект переменного состава (72 курсанта против 117 по штату). Кандидаты поступали, но в силу несоответствия требованиям откомандировывались обратно. Докладывая руководству милиции республики, А.В. Нахлупин указывал, что «вместо надзирателей и старших агентов уголовного розыска, здоровых, грамотных и благонадежных в политическом отношении... с мест оказались присланными милиционеры, иногда совершенно малограмотные, и с физическими недостатками, что конечно не может не отразиться на ходе теоретических и строевых занятий» (ГАЗК. Ф. Р-402. Оп. 1. Д. 101. Л. 113). По мнению начальника школы, руководством милиции на местах «не вполне уяснены задачи и цели, возложенные на школу с одной стороны, и с другой стороны, видимо, минимальные штаты милиции не представили возможности выполнить, как разверстку полностью, так и отправить по ней людей, удовлетворяющим требованиям школы» (ГАЗК. Ф. Р-402. Оп. 1. Д. 101. Л. 113). Критичным было несоответствие уровня образования кандидатов требованиям школы командного состава. Абсолютное большинство курсантов (50 из 72 человек) имели только домашнее или начальное образование,

лишь двое имели среднее образование (ГАЗК. Ф. Р-402. Оп. 1. Д. 101. Л. 113).

Не лучше обстояло дело с формированием постоянного состава школы. Командиры взводов, за исключением командира кавалерийского взвода, окончившего кавалерийские командные курсы, не имели соответствующего военного образования и опыта воспитательной работы. Между тем, задачи школы состояли в том, чтобы «подготовить дисциплинированных, обученных военному и милицейскому делу и воспитанных политически в духе уважения к законам республики» руководящих работников народной милиции. Поэтому вопрос комплектования командного состава школы руководителями и ближайшими воспитателями курсантов являлся одним из основных (ГАЗК. Ф. Р-402. Оп. 1. Д. 101. Л. 113).

По мнению А.В. Нахлупина, главным препятствием для набора младших командиров, соответствующих требованиям, «является недостаточная оплата труда». Жалование командира составляла 50-60 руб. золотом в месяц, причем половину необходимо было сдавать на столовые расходы.

К организации образовательного процесса А.В. Нахлупин подошел с должным профессионализмом. Руководство учебной частью осуществлялось начальником школы и педагогическим советом, в который входили не только преподаватели, но представители от курсантов. Проявлялся неподдельный интерес к проблемам курсантов. Инициатива курсантов по улучшению преподавания учебных предметов активно поддерживалась администрацией школы. Начальник школы неоднократно посещал учебные занятия с целью оценки качества преподавания. А.В. Нахлупин отмечал необходимость излагать учебные дисциплины «картинно, применяясь к общему уровню развития курсантов, с привлечением всего класса к работе» (ГАЗК. Ф. Р-402. Оп. 1. Д. 101. Л. 114).

С целью повышения образовательного уровня курсантов учебная программа предполагала изучение уголовного права и процесса, конституционного и административного права, милицейской службы, воинских уставов, судебной медицины, политграмоты, русского языка, математики, естествознания, географии, тактики и топографии. Моральный облик курсантов формировался посредством работы культурно-просветительной комиссии, которая организовала изучения азбуки коммунизма, театральную, хоровую и спортивную секции.

Несмотря на проводимую администрацией, преподавателями и активом школы работу продолжали сохранять актуальность вопросы поддержания дисциплины. Начальник школы констатировал, что «постановка дисциплины в школе на соответствующую высоту и усвоение курсантами необходимости ее потребует еще усиленной работы со стороны администрации школы, так как в большинстве – курсанты или из партизан, с тенденциями к партизанщине, или видевшие разложение старой армии при керенщине и не служившие с того времени в армии, почему, в первое время, всякое требование, предъявляемое администрацией к курсантам, встречалось с глухим протестом или открыто высказывалось командирам взводов, что это старорежимная царская дисциплина» (ГАЗК. Ф. Р-402. Оп. 1. Д. 101. Л. 116).

К нарушителям дисциплины применялись все меры воздействия – от внушений до арестов и увольнений. Были отчислены курсанты Азарий Редров и Виталий Терский за систематические нарушения правил школы, неблаговидное поведение и полное нежелание подчиняться распоряжениям комсостава (ГАЗК. Ф. Р-402. Оп. 1. Д. 101. Л. 107 – 108). Увольнялись со службы и по собственному желанию. Курсант Федор Калицкий объяснял свое желание уволиться из милиции так: «...Требуются люди здоровые, с крепкими нервами без суетливости, а так как у меня имеется болезнь невращение и ревматизм, что в подтверждения прилагаю удостоверение врача. И я с моим здоровьем для милиции не гождусь, так как малейшая ненормальность вздергивает и я вскипаю до невозможности, что нет сил себя сдерживать, а в милиции именно требуется хладнокровие, выдержанность, крепкие нервы и я с моим здоровьем не оправдаю тех затрат которые будут затрачены на меня государством. Я не поправлю своего здоровья в милиции, а хуже еще разрушится и пользы не будет не для меня и для государства, а к этому у меня имеется склонность совершенно к другим отраслям: к литературе, политике и хозяйству. А поэтому прошу откомандировать меня из школы как человека не здорового и не способного для милицейской работы» (ГАЗК. Ф. Р-402. Оп. 1. Д. 101. Л. 444).

В условиях военного времени, курсанты отвлекались от учебного процесса для участия в операциях по ликвидации различных бандформирований. Летом 1922 г. личный состав школы во главе с командиром роты П.Г. Пиотровским участвовал в ликвидации банды вахмистра Гордеева. В боях с бандитами погиб помощник на-

чальника школы Николай Васильевич Лебедев [4, с. 17].

В июле 1922 г. в Центральной милицейской инструкторской школе состоялся второй выпуск. Выпускники школы характеризовались непосредственными и вышестоящими начальниками в целом положительно. Отмечалась их хорошая теоретическая и практическая подготовка, дисциплинированность и исполнительность, «сознательно-революционный» настрой (ГАЗК. Ф. Р-402. Оп. 2. Д. 29. Л. 9).

Заслуги личного состава школы в нелегком труде по воспитанию кадров для милиции были отмечены руководством Дальневосточной республики. Коллектив Центральной милицейской школы был награжден знаменем и грамотой Министерства внутренних дел ДВР (Рис. 2). Отмечалось, что школа является «мощным рычагом оздоровления и создания революционного и сознательного кадра начальников народной милиции, высоко и честно несущих знамя борьбы за право, порядок, законность и укрепление власти трудящихся» (ГАЗК. Ф. Р-15. Оп. 1. Д. 93. Л. 2).

После второго выпуска А.В. Нахлупин был переведен на должность правительственного инспектора милиции Забайкальской области. Центральную школу комсостава народной милиции возглавил Николай Васильевича Главацкий (Рис. 3). Его карьера началась с юнкерского училища, которое он окончил в чине подпоручика императорской армии. Всесторонне образованный, человек высокой культуры, Николай Васильевич вскоре окончил разведывательный факультет Николаевской академии Генерального штаба и нес службу в разведывательном ведомстве Генштаба, дослужившись до полковника.

После революции 1917 г. Н.В. Главацкий вошел в армии Колчака, затем перешел на сторону красных, служил в штабе Народно-революционной армии Дальневосточной республики. В 1922 г. был назначен в Центральную милицейскую школу комсостава Рабоче-крестьянской милиции Дальневосточной области. Кадровый военный, Н.В. Главацкий имел опыт руководства военным училищем в Иркутске. Николай Васильевич знал несколько иностранных языков, обладал широким кругозором и солидным педагогическим опытом. Он преподавал тактику и топографию в Одесском и Иркутском военных училищах.

Третий набор курсантов осуществлялся с не меньшими трудностями. Запросы на кандидатов для обучения в инструкторской школе направлялись не только в подразделения милиции,

но и в Дальбюро РКП(б), Военный совет НРА, Дальневосточный совет профсоюзов (ГАЗК. Ф. Р-402. Оп. 1. Д. 101. Л. 469, 475, 478). В школу прибыл только 81 кандидат. Кандидаты должны были отвечать требованиям по физическому здоровью, иметь образование не ниже начального училища, быть не моложе 18 лет и являться гражданами Дальневосточной республики. В случае сомнений в подлинности документов об образовании поступающие сдавали экзамен по русскому языку и математике. Важное значение имела политическая и нравственная благонадежность кандидата, которая подтверждалась поручительством правительственных учреждений, политических и гражданских организаций Дальневосточной республики (ГАЗК. Ф. Р-402. Оп. 1. Д. 101. Л. 302).

Часть кандидатов не выдержала проверочных испытаний, другая была откомандирована по физической непригодности, за дисциплинарные проступки и по собственному желанию. В итоге, к учебным занятиям 18 сентября 1922 г. приступило 62 курсанта.

Из поступивших в школу большая часть имела 2-х классовое или домашнее образование (38,7% и 29% соответственно). Только 6 курсантов (10,4%) окончили вторую ступень школы. Повышенные требования к политической благонадежности сказались на увеличении среди курсантов количества членов и кандидатов РКП(б) – 14 человек (почти 22%) (ГАЗК. Ф. Р-402. Оп. 1. Д. 101. Л. 546).

Под руководством Н.В. Главацкого коллектив школы работал как хорошо отлаженный механизм. Занятия проводились в соответствии с расписанием с утра и до обеда. Нехватка учебников и пособий восполнялась размножением конспектов лекций на гектографе. В отчете начальника школы Н.В. Главацкого отмечалось: «...По общему заявлению преподавателей курсанты проявляют значительный интерес к читаемому курсу, относятся к лекциям со вниманием и любознательностью... Классная дисциплина нормальная, случаев нарушения еще не было... По единогласному признанию преподавателей введенная лекционно-репетиционная система преподавания является наилучшей для данной школы» (ГАЗК. Ф. Р-402. Оп. 1. Д. 101. Л. 547).

Окончившие шестимесячный курс имели право на замещение командных должностей в народной милиции ДВР по усмотрению Главного правительственного инспектора. В то же время, каждый выпускник обязан был прослужить в органах внутренних дел не менее одного года.

Грамота.

Министерство Внутренних Дел Д. В. Р.—Центральной Школе
Командного Состава Народной Милиции.

Не закончена еще поднятая волею революционного народа Дальнего Востока борьба за рабоче-крестьянскую власть, за мирный труд и экономическое благосостояние.

Иностранцы и их пособники и продавшиеся им царские генералы, помещики, капиталисты и кулаки не отказались еще от мысли вернуть трудящиеся массы к былому рабству, растоптать завоеванные ими ценой неизмеримых жертв права и свободу. Организованные ими бандитские отряды терроризируют и грабят мирное население, препятствуя мирному экономическому строительству.

Защиту прав трудящихся, борьбу с бандитами, грабителями и другим уголовным элементом и установление законности и внутреннего правопорядка в Республике избранное революционным народом Правительство возложило на Министерство Внутренних Дел и Народную Милицию.

Министерство Внутренних Дел сознает, что только революционная сознательность, энергия, честность и самопожертвование сотрудников Народной Милиции даст возможность исполнить свой долг перед народом.

С чувством глубокого удовлетворения Министерство Внутренних Дел принимает на себя почетное звание Шефа над Центральной Школой Командного Состава Народной Милиции, являющейся мощным рычагом оздоровления и создания революционного и сознательного кадра Начальников Народной Милиции, высоко и честно несущих знамя борьбы за право, порядок, законность и укрепление власти трудящихся.

Вручая Вам знамя Министерства Внутренних Дел Д. В. Р., поручаем Вам неусыпно и стойко нести охрану революционных завоеваний и интересов народа. Со своей стороны Министерство Внутренних Дел принимает на себя обязательство всяческого содействия по выполнению Вами революционного долга.

Т. Чита, 1-го мая 1922 г.

Министерство Внутренних Дел.

Рис. 3. Н.В. Главацкий с семьей. 1908 г. Из личного архива семьи Главацких

В ноябре 1922 г. Гражданская война на Дальнем Востоке завершилась, и Дальневосточная республика вошла в состав РСФСР. Народная милиция ДВР стала составной частью рабоче-крестьянской милиции. 29 ноября 1922 г. Центральная школа подготовки комсостава народной милиции ДВР получила наименование Центральная милицейская школа комсостава РКМ Дальневосточной области РСФСР. Благодаря самоотверженной, подвижнической деятельности руководства и коллектива школы были заложены основы многоуровневой профессиональной подготовки и обучения кадров в системе НКВД. Ряды дальневосточной милиции пополнились настоящими профессионалами, обладавшими достаточными знаниями и навыками, чтобы эффективно противодействовать преступности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бакшуттов С.Н., Орнацкая Т.А., Шабельникова Н.А. Дальневосточная милицейская школа в государственной системе профессионального образования (1918-2011 гг.). Владивосток, 2017.
2. История Дальнего Востока России. Т. 3. Кн. 1: Дальний Восток России в период революций 1917 г. и гражданской войны. Владивосток: Дальнаука, 2003.
3. Кожевина М.А. Милицейское образование в Советской России: организация и правовое регулирование: автореф. дис. ... д-ра юр. наук. М., 2005.
4. Кутушев В.Г. Дальневосточный юридический институт МВД России: история и современность. Хабаровск: ДВЮИ МВД РФ, 1998.
5. Орнацкая Т.А. Народная милиция Дальневосточной республики: комплектование и подготовка кадров // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2016. № 2. С. 39-47.
6. Орнацкая Т.А., Головин С.А. Флагман подготовки милицейских кадров на Дальнем Востоке (об обучении юристов в начале 1920-х гг.) // Гуманитарные науки и образование. 2018. Т. 9. № 1. С. 148-153.
7. Орнацкая Т.А. К вопросу о моральных устоях дальневосточных милиционеров в 1920-1922 гг. // Чтения памяти профессора А.А. Сидоренко: материалы регион. заоч. науч.-практ. конф. Благовещенск, 2016. С. 119-124.
8. Светачев М.И. Конференция историков: новые поиски // Вестник ДВО РАН. 1992. № 5-6. С. 157.
9. Шабельникова Н.А., Бакшуттов С.Н. Формирование системы профессионального обучения кадров милиции на Дальнем Востоке России в 1920-е гг. // Теория и практика общественного развития. 2015. № 21. С. 182-185.
10. Шабельникова Н.А. Исторический опыт формирования Дальневосточной милиции в 1917-1922 гг. // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2014. № 2. С. 71-82.
11. Шабельникова Н.А. Милиция в борьбе с преступностью на Дальнем Востоке России (1922-1930 гг.). Владивосток: Дальнаука, 2002.
12. Энциклопедия славных дел: Дальневосточному юридическому институту МВД России – 95 лет / под ред. А.А. Андреева. Хабаровск, 2016.

REFERENCES

1. Bakshutov, S.N., Ornatskaya, T.A. and Shabel'nikova, N.A., 2017. Dal'nevostochnaya militseyskaya shkola v gosudarstvennoy sisteme professional'nogo obrazovaniya (1918-2011 gg.) [Far Eastern Militia School in the state system of professional education, 1918-2011]. Vladivostok. (in Russ.)
2. Istoriya Dal'nego Vostoka Rossii. T. 3. Kn. 1. Dal'nii Vostok Rossii v period revolyutsii 1917 goda i grazhdanskoj voiny [History of the Russian Far East. Vol. 3. Book 1. Russian Far East during the Revolutions of 1917 and Civil war]. Vladivostok, 2003. (in Russ.)
3. Kozhevina, M.A., 2005. Militseyskoe obrazovanie v Sovetskoy Rossii: organizatsiya i pravovoe regulirovanie [Militia education in Soviet Russia: organization and legal regulation], avtoreferat dissertatsii doktora yuridicheskikh nauk. Moskva. (in Russ.)
4. Kutushev, V.G., 1998. Dal'nevostochnyy yuridicheskiy institut MVD Rossii: istoriya i sovremennost' [Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia: history and modern times]. Khabarovsk: DVYuI MVD RF. (in Russ.)
5. Ornatskaya, T.A., 2016. Narodnaya militsiya Dal'nevostochnoy respubliky: komplektovanie i podgotovka kadrov [The People's Militia of the Far Eastern Republic: recruitment and training], Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kul'tura, no. 2, pp. 39-47. (in Russ.)
6. Ornatskaya, T.A. and Golovin, S.A., 2018. Flagman podgotovki militseyskikh kadrov na Dal'nem Vostoke (ob obuchenii yuristov v nachale 1920-kh gg.) [The leader in the field of police education in the Soviet Far East (on the training of lawyers in the early 1920s)], Gumanitarnye nauki i obrazovanie, Vol. 9, no. 1, pp. 148-153. (in Russ.)

7. Ornatskaya, T.A., 2016. K voprosu o moral'nykh ustoyakh dal'nevostochnykh militsionerov v 1920-1922 gg. [On the issue of the moral foundations of the Far Eastern militiamen in 1920-1922]. In: Chteniya pamyati professora A.A. Sidorenko: materialy region. zaoch. nauch.-prakt. konf. Blagoveshchensk, pp. 119-124. (in Russ.)
8. Svetachev, M.I., 1992. Konferentsiya istorikov: novye poiski [History conference: a new search], Vestnik DVO RAN, no. 5-6, p. 157. (in Russ.)
9. Shabel'nikova, N.A. and Bakshutov, S.N., 2015. Formirovanie sistemy professional'nogo obucheniya kadrov militsii na Dal'nem Vostoke Rossii v 1920-e gg. [Formation of the system of militia professional training in the Russian Far East in the 1920s.], Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya, no. 21, pp. 182-185. (in Russ.)
10. Shabel'nikova, N.A., 2014. Istoricheskiy opyt formirovaniya Dal'nevostochnoy militsii v 1917-1922 gg. [History of the formation of the Far Eastern militia in 1917-1922], Vestnik Dal'nevostochnogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii, no. 2, pp. 71-82. (in Russ.)
11. Shabel'nikova, N.A., 2002. Militsiya v bor'be s prestupnost'yu na Dal'nem Vostoke Rossii (1922-1930 gg.) [Police in the fight against crime in the Russian Far East, 1922-1930]. Vladivostok: Dal'nauka. (in Russ.)
12. Andreev, A.A. ed., 2016. Entsiklopediya slavykh del: Dal'nevostochnomu yuridicheskomu institutu MVD Rossii – 95 let [Encyclopedia of glorious deeds: the 95th anniversary of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. Khabarovsk. (in Russ.)

А.А. Андреев, В.М. Климачков, Е.В. Суверов*

СТРУКТУРА РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКОЙ МИЛИЦИИ
НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ В ПРЕДВОЕННЫЙ ПЕРИОД (1937-1941 гг.)

Статья посвящена исследованию структурных подразделений рабоче-крестьянской милиции на территории Дальнего Востока. Авторы анализируют штатную структуру основных милицейских подразделений и их численность в соотношении с численностью местного населения и заключают, что изменения в руководстве НКВД и сложная внешнеполитическая обстановка в регионе серьезно повлияли на штатную расстановку рабоче-крестьянской милиции.

Ключевые слова: рабоче-крестьянская милиция, НКВД, штат, Дальний Восток

The structure of Workers' and Peasants' Militia in the Soviet Far East in the pre-war years, 1937-1941. ALEXANDER A. ANDREEV, VYACHESLAV M. KLIMACHKOV (Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs), EVGENIY V. SUVEROV (Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs)

The article is devoted to the study of the subdivisions of Workers' and Peasants' Militia in the Soviet Far East in 1937-1941. The authors analyze the staff structure of the main police units and its size in relation to the size of local population. The authors conclude that the changes in the leadership of the People's Commissariat for Internal Affairs and the complicated international context in the region seriously affected the staffing of the militia during the pre-war years.

Keywords: Workers' and Peasants' Militia, People's Commissariat for Internal Affairs, staff, Soviet Far East

В предвоенные годы структура рабоче-крестьянской милиции (РКМ) на Дальнем Востоке была непостоянной и менялась в соответствии с политическими и экономическими приоритетами, различными реорганизационными процессами, проходившими в системе НКВД СССР. Нередки были и изменения названий милицейских подразделений. Так, в соответствии с приказом

НКВД СССР от 20 мая 1937 г., 5-й отдельный кавалерийский эскадрон РКМ в г. Ворошилове (современный Уссурийск) был переименован в 18 Ворошиловский отдельный эскадрон рабоче-крестьянской милиции (Отдел оперативной информации и специальных фондов Информационного Центра УМВД России по Хабаровскому краю, далее – ООИ и СФ ИЦ УМВД Рос-

* АНДРЕЕВ Александр Александрович, кандидат юридических наук, начальник Дальневосточного юридического института МВД России.

E-mail: dvui@mvd.ru

КЛИМАЧКОВ Вячеслав Михайлович, заместитель начальника по работе с личным составом Дальневосточного юридического института МВД России.

E-mail: dvui@mvd.ru

СУВЕРОВ Евгений Васильевич, доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории права и государства Барнаульского юридического института МВД России.

E-mail: suverov69@mail.ru

© Андреев А.А., Климачков В.М., Суверов Е.В., 2018

сии по Хабаровскому краю. Ф. 40. Оп. 1. Д. 24. Л. 298). Влияла на штатную структуру РКМ и смена руководства НКВД СССР. Нарком НКВД Н.И. Ежов (1936-1938 гг.) и сменивший его Л.И. Берия старались перестроить работу ведомства на свой лад, изменяя при этом и его структуру. Большое влияние на штатные изменения милиции оказали и события на международной арене – конфликт с Японией на Дальнем Востоке и начало Второй мировой войны в 1939 г.

До 20 октября 1938 г. милицейские подразделения подчинялись Управлению НКВД по Дальневосточному краю. После образования Хабаровского и Приморского краев (в состав последнего входили Приморская область, упраздненная в 1939 г., и Уссурийская область, упраздненная в 1943 г.) началось формирование краевых и областных структурных подразделений системы НКВД СССР. Штат Управления НКВД по Дальневосточному краю в июле 1938 г. состоял из:

- руководства (начальник Управления РКМ, он же помощник начальника Управления НКВД, заместитель начальника Управления РКМ);

- спецсекретариата (оперативный секретарь, на правах начальника отделения, оперативный уполномоченный, два уполномоченных, секретарь, машинистка, три дежурных уполномоченных);

- отдела уголовного розыска (начальник отдела, он же помощник начальника Управления РКМ, заместитель начальника отдела, секретарь, делопроизводитель, две машинистки);

- 1-го отделения (по периферии) в составе начальника отделения, восьми оперативных дежурных и одного уполномоченного;

- 2-го отделения (по детской преступности) в составе начальника отделения, двух оперативных дежурных и одного уполномоченного;

- 3-го отделения (научно-технического отделения) в составе начальника отделения и эксперта (ООИ и СФ ИЦ УМВД России по Хабаровскому краю. Ф. 40. Оп. 1. Д. 24. Л. 16).

Штатная численность Управления РКМ Хабаровского и Приморского краев определялась ведомственными приказами и формировалась в соответствии со штатной численностью Управления НКВД по Дальневосточному краю. Так, штат Управления РКМ Хабаровского края в июле 1938 г. состоял из:

- руководства (начальник Управления РКМ, он же помощник начальника Управления НКВД, заместитель начальника Управления РКМ);

- спецсекретариат (оперативный секретарь, на правах начальника отделения, оперативный

уполномоченный, секретарь начальника Управления РКМ, машинистка и три дежурных уполномоченных);

- отдела уголовного розыска (начальник отдела, он же помощник начальника Управления РКМ, заместитель начальника отдела, две машинистки);

- 1-го отделения (по периферии) в составе начальника отделения, четырех оперативных уполномоченных, трех уполномоченных и одного помощника уполномоченного;

- 2-го отделения (по городу) в составе начальника отделения, двух оперативных уполномоченных, трех уполномоченных, семи помощников уполномоченного;

- группы по детской преступности (оперативный уполномоченный, два уполномоченных) (ООИ и СФ ИЦ УМВД России по Хабаровскому краю. Ф. 40. Оп. 1. Д. 24. Л. 17).

Несмотря на аналогичную структуру, штат Управления РКМ Приморской области отличался от Хабаровского края и по данным на июль 1938 г. состоял из:

- руководства (начальник Управления РКМ, он же помощник начальника Управления НКВД, заместитель начальника Управления РКМ);

- спецсекретариата (оперативный секретарь, на правах начальника отделения, оперативный уполномоченный, уполномоченный, секретарь начальника Управления РКМ, машинистка, три дежурных уполномоченных);

- 1-го отделения (по периферии) в составе начальника отделения, трех оперативных уполномоченных, двух уполномоченных);

- 2-го отделения (по городу) в составе начальника отделения, пяти оперативных уполномоченных, шести уполномоченных, восьми помощников уполномоченного;

- группы по детской преступности в составе оперативного уполномоченного, двух уполномоченных (ООИ и СФ ИЦ УМВД России по Хабаровскому краю. Ф. 40. Оп. 1. Д. 24. Л. 31).

Таким образом, в июле 1938 г. в Управлении НКВД по Дальневосточному краю служили 33 сотрудника, в Управлении рабоче-крестьянской милиции Хабаровского края в июле 1938 г. выполняли свои служебные задания 38 сотрудников, а в Управлении рабоче-крестьянской милиции Приморского края числилось 39 человек, что было явно недостаточно для оперативного управления обширным регионом.

Штат Управления НКВД по Хабаровскому краю в январе 1939 г. состоял из отдела кадров, административно-хозяйственного отдела, финан-

сового отдела, следственной части, отдела связи, секретариата (ООИ и СФ ИЦ УМВД России по Хабаровскому краю. Ф. 40. Оп. 1. Д. 223. Л. 28).

В населенных пунктах Дальнего Востока функционировали городские и районные отделения. В 1938 г. в Хабаровске насчитывалось 7 городских отделений. В их состав входили: 7 начальников, 7 помощников начальников отделений, 12 оперуполномоченных, 7 уполномоченных, 5 помощников уполномоченных, 63 участковых инспекторов, 7 начальников паспортных отделений, 9 паспортистов, 7 секретарей, 7 машинисток (ООИ и СФ ИЦ УМВД России по Хабаровскому краю. Ф. 40. Оп. 1. Д. 24. Л. 27).

Главенствующую роль в идеологической подготовке сотрудников органов внутренних дел играл политический отдел. В августе 1937 г. были утверждены новые штаты политических отделов Главного управления и республиканских управлений рабоче-крестьянской милиции. ЦК ВКП(б) 15 сентября 1939 г. утвердил Положение о политическом отделе Главного управления (отдела) НКВД СССР. Политотдел проводил воспитательную работу среди лично-

го состава органов внутренних дел в духе марксистско-ленинской идеологии, организовывал культурно-воспитательные мероприятия. Под руководством политотдела находились партийные и комсомольские организации подразделений НКВД. Политический отдел направлял деятельность библиотек, клубов, ленинских комнат, добровольных обществ. Структура Политотдела состояла из 5 отделений: организационно-инструкторского, партийной пропаганды и просветительской работы [1, с. 23].

Приказом НКВД СССР от 16 марта 1937 г. вместо упраздненного экономического отдела Главного управления государственной безопасности в составе Главного управления рабоче-крестьянской милиции был создан отдел по борьбе с хищениями социалистической собственности и спекуляцией (ОБХСС).

Управление рабоче-крестьянской милиции Управления НКВД по Дальневосточному краю состояло из отдела по борьбе с хищениями социалистической собственности и спекуляций и 3-х отделений БХС, кроме того, отделений БХС Приморской и Уссурийской областей (см. табл. 1).

Таблица 1

Штат отдела и отделений по борьбе с хищениями социалистической собственности и спекуляцией Управления РКМ Управления НКВД по Дальневосточному краю и областных управлений РКМ Дальневосточного края в январе 1938 г.

Наименование органа	Наименование аппарата	Наименование должности	Количество штатных единиц	
Управление РКМ Управления НКВД по Дальневосточному краю	Отдел по борьбе с хищениями социалистической собственности и спекуляции	Начальник отдела	1	
		Заместитель начальника отдела	1	
		Секретарь	1	
		Машинистка	1	
	1-е отделение БХС		Начальник отделения	1
			Оперуполномоченный	2
			Уполномоченный	1
	2-е отделение БХС		Начальник отделения	1
			Оперуполномоченный	2
			Уполномоченный	1
	3-е отделение БХС		Начальник отделения	1
			Оперуполномоченный	2
Уполномоченный			1	
Управление РКМ Управления НКВД по Приморской области	Отделение БХС	Начальник отделения	1	
		Оперуполномоченный	6	
		Уполномоченный	3	
		Делопроизводитель-машинистка	1	
Управление РКМ Управления НКВД по Уссурийской области	Отделение БХС	Начальник отделения	1	
		Оперуполномоченный	3	
		Уполномоченный	2	

Источник: ООИ и СФ ИЦ УМВД России по Хабаровскому краю. Ф. 40. Оп. 1. Д.16. Л. 49.

Несмотря на создание специализированного отдела по борьбе с хищениями социалистической собственности и спекуляции основная нагрузка в борьбе с преступным элементом лежала на сотрудниках уголовного розыска. В августе 1939 г. в аппаратах уголовного розыска и БХСС были организованы следственные группы, руководство которыми возлагалось на заместителей начальников отделов милиции. Следственные группы расследовали уголовные дела, возбужденные отделом уголовным розыском, ОБХСС, дорожными отделами милиции [1, с. 19].

В городских, районных отделах и отделениях милиции не создавались самостоятельные группы по борьбе с хищениями социалистической собственности, их функции выполняла общая милиция и уголовный розыск [1, с. 17-18]. В последующие годы штатная численность имела тенденцию к увеличению. Так, штаты периферийных подразделений БХСС в 1940 г. по сравнению с 1939 г. были увеличены на 30% (Государственный архив Российской Федерации, далее – ГАРФ. Ф. 9415. Оп. 5. Д. 88. Л. 3)

Реформирование продолжилось и в других структурах. Так, с 15 марта 1937 г. отдел мер и весов Управления НКВД по Дальневосточному краю был переведен из Владивостока в Хабаровск. В сентябре 1938 г. Главное управление мер и весов НКВД СССР ликвидируется. Приказом НКВД СССР от 26 мая 1940 г. утверждается специальная инструкция по надзору за применением в торговле правильных и имеющих установленные клейма весов, гирь, емкостей, метров [1, с. 18]. Штат отдела мер и весов Управления НКВД по Дальневосточному краю насчитывал 21 штатную единицу. Отделение мер и весов в Александровске на Сахалине состояло из 2 штатных единиц, отделение в Биробиджане насчитывало 2 штатные единицы, Благовещенское отделение – 10 штатных единиц, Владивостокское отделение – 11 (ООИ и СФ ИЦ УМВД России по Хабаровскому краю. Ф. 40. Оп. 1. Д. 24. Л. 12).

Служба по охране общественного порядка, как и другие структуры, претерпела в этот период существенные изменения. Патрульно-постовая служба осуществлялась силами пеших и конных милиционеров. Общественный порядок в Хабаровске поддерживался 7 взводами милиции при городских отделениях. Их штат состоял из 7 командиров взводов, 7 политруков, 20 командиров отделений, 192 милиционеров. В темное время суток на службу заступал дивизион ночной охраны рабоче-крестьянской милиции г. Хабаровска. Дивизион состоял из командира дивизиона, помощ-

ника командира дивизиона по политчасти, счетовода-делопроизводителя, каптенармуса, 3 командиров взводов, старшины, 9 командиров отделений, 85 милиционеров и 3 шоферов (ООИ и СФ ИЦ УМВД России по Хабаровскому краю. Ф. 40. Оп. 1. Д. 24. Л. 27). Отсутствие достаточного количества транспорта, обилие малозаселенных и труднодоступных территорий в рамках Дальнего Востока делало наиболее эффективным применение конных милицейских патрулей. Служба в отдельных кавалерийских эскадронах РКМ осуществлялась по армейскому принципу. Личный состав эскадронов осуществлял охрану общественного порядка и задержание правонарушителей.

В целях борьбы с контрабандой в сельской местности создавались конные милицейские группы. Опыт 1920-х – начала 1930-х гг. продолжал использоваться в деятельности органов милиции и уголовного розыска Дальнего Востока [4, с. 10-18].

Организационно штат 16-го Владивостокского отдельного кавалерийского эскадрона рабоче-крестьянской милиции состоял из двух взводов: 75 сотрудников, 72 строевые лошади, 4 обозные лошади, 62 винтовки, 67 наганов, 62 шашки с гнездом, 6 шашек без гнезда, 75 противогазов, 4 ручных пулемета. 17-й Благовещенский отдельный кавалерийский эскадрон также состоял из двух взводов с практически аналогичным обеспечением: 75 человек, 72 строевые лошади, 4 обозные лошади, 62 винтовки, 67 наганов, 62 шашки с гнездом, 6 шашек без гнезда, 75 противогазов, 4 ручных пулемета (ООИ и СФ ИЦ УМВД России по Хабаровскому краю. Ф. 40. Оп. 1. Д. 24. Л. 285-286).

В связи с увеличением автомобильного парка в СССР в 1936 г. была образована Государственная автомобильная инспекция (ГАИ). На сотрудников государственной автомобильной инспекции возлагались обязанности по регулированию дорожного движения, инспектированию годности транспорта к эксплуатации, а также выдача документов.

Отдельный взвод, отделение регулирования уличного движения Управления РКМ Управления НКВД по Дальневосточному краю и команды регулирования уличного движения по Краснореченскому шоссе в г. Хабаровске на 1937 г. функционировали за счет средств, выделяемых местным бюджетом. Общая численность подразделений, обеспечивающих регулирование уличного движения на 1937 г., оставляла 46 чел. (см. табл. 2). Наибольшее количество людей обеспечивало общественный порядок в составе взвода регулирования уличного движения в Хабаровске – 28 чел.

**Штатная численность подразделений, обеспечивающих регулирование уличного движения
Управления РКМ Управления НКВД по Дальневосточному краю, 1937 г.**

Подразделение	Должность	Количество штатных единиц
Отделение регулирования уличного движения (РУД) Управления РКМ Управления НКВД по Дальневосточному краю	Начальник отделения	1
	Ст. инспектор	2
	Инспектор	1
	Секретарь	1
	Машинистка	1
Отдельный взвод регулирования уличного движения в г. Хабаровске	Командир отдельного взвода	1
	Политрук	1
	Командир отделения	1
	Милиционер-регулирующий	24
	Обслуживающий персонал	1
Команда РУД по Краснореченскому шоссе	Инспектор РУД	1
	Начальник команды РУД	1
	Милиционер-регулирующий	10

Источник: ООИ и СФ ИЦ УМВД России по Хабаровскому краю. Ф. 40. Оп. 1. Д. 37. Л. 292.

В 1937 г. был положительно решен вопрос о создании специализированной железнодорожной милиции, действовавшей первоначально по территориальному принципу [3, с. 19-21].

Штат местных органов 3-го отдела Главного транспортного управления НКВД СССР по Хабаровскому краю состоял из транспортного отдела УНКВД Хабаровского края, транспортного отделения Амурской области, транспортных группы Камчатской и Сахалинской областей (см. табл. 3). Из 23-х человек, работающих в 3-м Главном транспортном управлении НКВ СССР по Хабаровскому краю, наибольшее количество сотрудников состояло в штате транспортного отдела УНКВД Хабаровского края.

Хозяйственными вопросами подразделений милиции Дальневосточного региона занимался административно-хозяйственный отдел, который состоял из аппарата управления (начальник, секретарь и две машинистки), отдела снабжения, складов и оружейной мастерской. Из приведенной таблицы (см. табл. 4) видно, что значительное количество должностей – 7 из 16 – оставалось вакантными.

Структурным подразделением рабоче-крестьянской милиции Дальнего Востока в изучаемый период являлось и Главное Управление строительства Дальнего Севера НКВД СССР «Дальстрой», осуществлявшее строительные работы в районе Верхней Колымы. В состав «Дальстроя», согласно штатному расписанию (июль 1938 г.), входило руководство, спецсекретариат, отделение уголов-

ного розыска, отделения ОБХСС, паспортно-регистрационное отделение (см. табл. 5).

Организационная структура рабоче-крестьянской милиции Дальнего Востока в предвоенный период характеризовалась нестабильностью и часто менялась. Это объяснялось как реализацией в рамках НКВД общегосударственных мер по режиму экономии, упрощению и удешевлению государственного аппарата, так и интенсивным поиском лучших организационных форм, а кроме того и отсутствием готовых образцов, которым можно было бы следовать.

Немаловажным фактором, оказавшим существенное влияние на формирование и специфику деятельности рабоче-крестьянской милиции в предвоенный период являлось геополитическое положение региона – обширность территорий Дальнего Востока, неразвитость инфраструктуры, близость государственной границы, значительное увеличение населения, в том числе и за счет криминальных элементов. Так, численность населения Дальнего Востока возросла с 1 572 тыс. чел. в 1926 г. до 2 976 тыс. чел. в 1939 г. [2, с. 53]. Тем не менее, штатная численность милиции оставалась недостаточной. Даже в крупнейшем городе региона Хабаровске численность милиционеров в конце 1930-х гг. составляла около 500 человек, при том что городское население, по данным на 1939 г., составляло 207 тыс. чел. [2, с. 62]. Норма в 250 милиционеров на 100 000 населения была явно недостаточной для полноценной борьбы с преступным элементом и проведения масштабных профилактических мероприятий.

Таблица 3

Штатная численность 3-го отдела Главного транспортного управления НКВД СССР по Хабаровскому краю

Наименование подразделения	Должность	Штатные единицы
Транспортный отдел Управления НКВД Хабаровского края	Начальник отдела	1
	Заместитель начальника отдела	1
	Старший оперуполномоченный	2
	Оперуполномоченный	8
	Помощники оперуполномоченных	1
	Секретарь	1
	Машинистка	1
Транспортное отделение Амурской области	Начальник отделения	1
	Старший оперуполномоченный	1
	Оперуполномоченный	2
Транспортная группа Управления НКВД Камчатской области	Старший оперуполномоченный	1
	Оперуполномоченный	1
Транспортная группа Управления НКВД Сахалинской области	Старший оперуполномоченный	1
	Оперуполномоченный	1

Источник: ООИ и СФ ИЦ УМВД России по Хабаровскому краю. Ф. 40. Оп. 1. Д. 19. Л. 192.

Таблица 4

Расстановка личного состава административно-хозяйственного отдела Управления РКМ Управления НКВД по Дальневосточному краю в марте 1938 г.

Занимаемая должность	Звание, фамилия, имя и отчество
Начальник административно-хозяйственного отдела	вакансия
Секретарь	вакансия
Машинистка	вакансия
Машинистка	Шарова Мария Яковлевна
1-е отделение (снабжение):	
Начальник отделения, он же заместитель начальника отдела	вакансия
Ст. инспектор	Младший лейтенант милиции Киселев Евгений Васильевич
Ст. инспектор	Младший лейтенант милиции Судаков Андрей Александрович
Инспектор	Сержант милиции Дурандина Клавдия Милентьевна
Инспектор-инженер	вакансия
Инспектор вет. врач	вакансия
Склады:	
Начальник склада	Сержант милиции Горбаченко Григорий Васильевич
Зав. складом	Булатов Георгий Васильевич
Временно зав. складом	Коновалов Никифор Максимович
Бухгалтер	вакансия
Оружейная мастерская:	
Временно оружейный техник, он же зав. мастерской	Агафонов Виктор Тимофеевич
Оружейный мастер	Чмутин Григорий Трофимович

Источник: ООИ и СФ ИЦ УМВД России по Хабаровскому краю. Ф. 40. Оп. 1. Д. 16. Л. 109.

Штатная численность «Дальстрой» НКВД СССР, июль 1938 г.

Наименование аппарата	Наименование должностей	Численность
Руководство	Начальник Управления РКМ, он же помощник начальника Управления НКВД	1
	Заместитель начальника Управления РКМ по политчасти	1
	Ст. инспектор по ком. линии	1
Спецсекретариат	Секретарь	1
	Машинистка	1
	Зав. кладовой	1
	Обслуживающий	2
Отделение уголовного розыска	Начальник отделения	1
	Оперуполномоченный	2
	Уполномоченный	3
	Помощник уполномоченного	2
	Фото-дактилоскопия	1
	Секретарь-машинистка	1
Отделение ОБХСС	Начальник отделения	1
	Оперуполномоченный	1
	Уполномоченный	2
Паспортно-регистрационное отделение	Начальник отделения	1
	Оперуполномоченный	1
	Уполномоченный	2
	Помощник уполномоченных	2

Источник: ООИ и СФ ИЦ УМВД России по Хабаровскому краю. Ф. 40. Оп. 1. Д. 24. Л. 62.

Таким образом, милицейская структура в 1937-1941 гг. была достаточно нестабильна и зависела от политических решений руководства страны и смены руководителей НКВД СССР. Штатная структура милицейских подразделений состояла из отделов уголовного розыска, ОБХСС, паспортно-регистрационных отделений, отделов кадров, административно-хозяйственных отделов, финансовых отделов, следственных частей, отделов связи, секретариатов, научно-технических отделов, политотделов, групп по борьбе с детской преступностью, подразделений ГАИ, городских и районных отделений, милицейских кавалерийских эскадронов, подразделений транспортной милиции. Нехватка штатных единиц компенсировалась высокой служебной нагрузкой, профессионализмом и самоотверженностью сотрудников органов внутренних дел.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. История советской милиции. Т. 2. М.: Академия МВД, 1977.
2. Население России за 100 лет (1897-1997): стат. сб. М., 1998.
3. Суверов Е.В. Формирование железнодорожной милиции в Западной Сибири (1937-1941 гг.) // Алтайский юридический вестник. 2015. № 9. С. 19-21.
4. Шабельникова Н.А. Правоохранительные органы в системе охраны правопорядка на Дальнем Востоке России в 1922-1930 гг. // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2017. № 3. С. 10-18.

REFERENCES

1. Istoriya sovetskoy militsii [The history of Soviet militia]. Т. 2. Moskva: Akademiya MVD, 1977. (in Russ.)

2. Naselenie Rossii za 100 let (1897-1997): stat. sb [The population of Russia for 100 years (1897-1997): data book]. Moskva, 1998. (in Russ.)

3. Suverov, E.V., 2015. Formirovanie zheleznodorozhnoy militsii v Zapadnoy Sibiri (1937-1941 gg.) [The establishment of the railway police in Western Siberia, 1937-1941], *Altayskiy yuridicheskiy vestnik*, no. 9, pp. 19-21. (in Russ.)

4. Shabel'nikova, N.A., 2017. Pravookhranitel'nye organy v sisteme okhrany pravoporyadka na Dal'nem Vostoke Rossii v 1922-1930 gg. [Law enforcement agencies in the system of law enforcement in the Russian Far East, 1922-1930], *Vestnik Dal'nevostochnogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*, no. 3, pp. 10-18. (in Russ.)

